

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

2018 Том 20 № 4

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал

Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Почта Ю.М., доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

E-mail: pochta_yum@rudn.university

Ответственный секретарь

Иванов В.Г., доктор политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

E-mail: ivanov_vg@rudn.university

Заместитель главного редактора

Грачев М.Н. — доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

Члены редакционной коллегии

Мчедлова М.М. — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой сравнительной политологии ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Платонов В.М. — кандидат юридических наук, профессор и заведующий кафедрой политического анализа и управления факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Карадже Т.В. — доктор философских наук, профессор и заведующая кафедрой политологии и социологии ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

Попова О.В. — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Коваленко В.И. — доктор философских наук, профессор и заведующий кафедрой российской политики факультета политологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Жильцов С.С. — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политической философии ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия МИД РФ»

Капустин Б.Г. — доктор философских наук, профессор Йельского университета (США)

Абсаттаров Р.Б. — доктор философских наук, профессор и заведующий кафедрой политологии и социально-философских дисциплин Казахского национального педагогического университета им. Абая (Казахстан)

Дуткевич Петр — доктор политических наук, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтоновском университете (Канада)

Францке Йохан — доктор политических наук, профессор, заместитель декана факультета экономических и социальных наук Потсдамского университета (ФРГ)

Карлос Пачеко Амарал — доктор политических наук, профессор Университета Азорских островов (Португалия)

Николя Када — доктор политических наук, профессор Университета Пьера Мендеса Франса, г. Гренобль (Франция)

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Языки: русский, английский, французский.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология* (*Вестник РУДН. Серия: Политология*) — периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Цель журнала — способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «Политический процесс в современной России: тенденции и перспективы», «Политические процессы в современном мире», «Актуальные вопросы политической науки».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии.

В своей деятельности редколлегия серии руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и студенты, обучающиеся по направлениям «Политология» и «Международные отношения».

Электронный адрес: politjournalrudn@rudn.university; vestnikrudn@yandex.ru.

Литературный редактор: *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «Политология»:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 936-85-28
e-mail: politjournalrudn@rudn.university

Подписано в печать 03.12.2018. Выход в свет 10.12.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 20,46. Тираж 500 экз. Заказ № 1656. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,
тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2018

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

2018 VOLUME 20 No. 4
DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4
<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CHIEF EDITOR

Pochta Yu.M., PhD, full professor
of the Department of Comparative Politics,
Peoples' Friendship University of Russia
E-mail: pochta_yum@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Ivanov V.G., PhD, associate professor
of the Department of Comparative Politics,
Peoples' Friendship University of Russia
E-mail: ivanov_vg@rudn.university

DEPUTY EDITOR

Grachev M.N., PhD, full professor of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Russian State University for the Humanities

ASSOCIATE EDITOR

Mchedlova M.M. — PhD, full professor and head of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia

Platonov V.M. — PhD, full professor and head of the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia

Zhiltsov S.S. — PhD, full professor and head of the Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry

Popova O.V. — PhD, full professor and head of the Department of Political Institutions and Applied Political Science, Saint Petersburg State University

Karadje T.V. — PhD, full professor and head of the Department of Political Science and Sociology, Moscow State Pedagogical University

Kovalenko V.I. — PhD, full professor and head of the Department of Russian Politics, Moscow State University

Kapustin B.G. — PhD, senior lecturer of Yale University (USA)

Absattarov R.B. — PhD, full professor and head of the Department of Political Science and Socio-Philosophical Disciplines, Kazakh University named after Abai (Kazakhstan)

Dutkiewicz P. — PhD, full professor, director of the Institute of European, Russian and Eurasian studies, Carleton University (Canada)

Franzke J. — PhD, full professor and vice dean of the Faculty of Economic and Social Sciences, Potsdam University (Germany)

Pacheko Amaral C. — PhD, full professor of the University of the Azores (Portugal)

Kada N. — PhD, full professor of the University of Pierre Mendes France (France)

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English, French

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Political Science. The journal is international with regard to its editorial board, contributing authors and topics of the publications.

The journal is published since 1999. Since its inception, the journal focused on the highest scientific and ethical standards and is today one of the leading and oldest political magazines in Russia.

The aim of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and international political scientists.

The journal publishes the original results of fundamental and applied scientific research. The thematic focus of the journal is presented in the following permanent rubrics: "Political process in contemporary Russia: trends and prospects", "Political processes in the modern world", "Some actual problems of political science".

As a Russian journal with an international character, the journal welcomes research articles, book reviews, round tables and scientific reports devoted to the actual problems of political science.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, scientists and post-graduate students in the fields of political science and international relations.

Further information regarding notes for contributors, subscription and archives is available at <http://journals.rudn.ru/political-science>

E-mail: politjournalrudn@rudn.university; vestnikrudn@yandex.ru

---

Review editor *K.V. Zenkin*

Computer design *E.P. Dvoglevskaya*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board

RUDN Journal of Political Science:

Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. 936-85-28, fax 936-85-22
e-mail: politjournalrudn@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41;
e-mail: ipk@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Ирхин Ю.В.** XXV Всемирный Конгресс Международной ассоциации политической науки в Австралии «Границы и разделительные линии» 469

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

- Окунев И.Ю., Шиловский Р.С.** Последствия объединения Камчатской области и Корякского автономного округа 484
- Ильинская С.Г.** «Море Россия» (российская идентичность и идея толерантности) 496

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- Bayeh E.** Single-party Dominance in Ethiopia: FPTP Electoral System and Parliamentary Government System as Contributing Factors (**Байе Э.** Избирательная система простого большинства и система парламентского правления как факторы, способствующие доминированию одной партии в Эфиопии) 506
- Khalifa M.** Local Government and Policy Networks in the UK: An Analytical Study (**Халифа М.** Местное самоуправление и политические сети в Великобритании: аналитическое исследование) 516
- Kilani A.** China's Global Conquest for Oil: A Research Review of Chinese ODI (**Килани А.** Глобальное завоевание нефти: исследование внешних прямых инвестиций Китая) 525
- Almaqbal M.** Russia's Relations with Gulf States and Their Effect on Regional Balance in the Middle East (**Аль-Макбали М.** Отношения России и стран Персидского Залива и их отражение в региональном балансе на Ближнем Востоке) 536
- Hawamdeh M., Al-Qteishat A.** The Impact of Syrian Refugee Crisis on Neighboring Countries (**Хавамдех М., Аль Ктеишат А.** Влияние кризиса беженцев в Сирии на соседние страны) 548

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

- Савенков Р.В., Щеглова Д.В.** Теории коллективного поведения и мобилизации ресурсов: развитие концепций анализа политического протеста 555
- Иванов О.Б.** Политическое в социальных конфликтах 564
- Климова А.С.** Обеспечение британской национальной безопасности от Д. Кэмерона к Т. Мэй: стратегии и реалии 578
- Рожков А.А.** Психоанализ и восстановление понятия природы человека в политическом реализме 595
- Скорик А.В.** Визуализация как политическая технология 609

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

- Сургуладзе В.Ш.** Идеология глобальной гегемонии: история становления и развития внешнеполитической стратегии американского неоконсерватизма. *Рецензия на монографию: Блохин К.В. Крестоносцы холодной войны. Американский неоконсерватизм: идеология и практика глобальной гегемонии. М.: Издательство «Весь Мир», 2016. 176 с. ....* 616
- Казаринова Д.Б.** Панславизм для современной России: историческая утопия или геополитический вызов? *Размышляя над книгой Б.А. Прокудина «Панславизм в истории политики и мысли России XIX века». М.: Издательство Московского университета, 2018. 218 с. ....* 624
- Ivanov V.G., Efanova E.V.** Manufacturing Consent... or Hegemony? *Book Review: Kilani A. Comparative Analysis of Media Hegemony: Propaganda and Manufacturing Consent in U.S. Media. Columbia: SC; 2018. 166 p. (Иванов В.Г., Ефанова Е.В. Производство согласия... или гегемонии? Рецензия на монографию: Kilani A. Comparative Analysis of Media Hegemony: Propaganda and Manufacturing Consent in U.S. Media. Columbia: SC, 2018. 166 p.) ....* 630
- Gupta S.** Evidence for Hope: Making Human Rights Work in the 21st Century. *Book Review: Sikkink K. Evidence for Hope Making Human Rights Work in the 21st Century. Princeton: Princeton University Press; 2017. 336 p. (Гупта С. Доказательства надежды: реализация прав человека в XXI веке. Рецензия на монографию: Sikkink K. Evidence for Hope Making Human Rights Work in the 21st Century. Princeton: Princeton University Press, 2017. 336 p.) ....* 634

CONTENTS

ACADEMIC LIFE

- Irhin Yu.V.** XXV World Congress of International Political Science Association in Australia: “Borders and Margins” 469

POLITICAL PROCESS IN CONTEMPORARY RUSSIA: PROSPECTS AND TRENDS

- Okunев I.U., Shilovskiy R.S.** The Consequences of Merging Kamchatka Region and Koryaksky Autonomous District 484
- Ilinskaya S.G.** The Sea of Russian Culture (Russian Identity and the Concept of Tolerance) 496

POLITICAL PROCESSES IN CONTEMPORARY WORLD

- Bayeh E.** Single-party Dominance in Ethiopia: FPTP Electoral System and Parliamentary Government System as Contributing Factors 506
- Khalifa M.** Local Government and Policy Networks in the UK: An Analytical Study 516
- Kilani A.** China’s Global Conquest for Oil: A Research Review of Chinese ODI 525
- Almaqbalі M.** Russia’s Relations with Gulf States and Their Effect on Regional Balance in the Middle East 536
- Hawamdeh M., Al-Qteishat A.** The Impact of Syrian Refugee Crisis on Neighboring Countries 548

CURRENT PROBLEMS OF POLITICAL SCIENCE

- Savenkov R.V., Shcheglova D.V.** Theories of Collective Behavior and Resource Mobilization: Elaboration on the Concept of Political Protest 555
- Ivanov O.B.** Political Aspect of Social Conflicts 564
- Klimova A.S.** Ensuring the National Security of Great Britain from D. Cameron to T. May: Strategies and Realities 578
- Rozhkov A.A.** Psychoanalysis and Restoration of the Concept of Human Nature in Political Realism 595
- Skorik A.N.** Visualization as a Political Technology 609

REVIEWS

- Surguladze V.Sh.** The Ideology of Global Hegemony: The History of Formation and Development of Foreign Policy Strategies of American Neoconservatism. *Book Review: Blokhin K.V. Crusaders of the Cold War. American Neoconservatism: Ideology and Practice of Global Hegemony. Moscow: Ves' Mir Publishing House; 2016. 176 p. ....* 616
- Kazarinova D.B.** Pan-Slavism for Contemporary Russia: Historical Utopia or Geopolitical Challenge? *Reflections on the book by B.A. Prokudin "Pan-Slavism in the History of Politics and Thought in Twentieth-Century Russia". Moscow: Moscow University Press; 2018. 218 p. ....* 624
- Ivanov V.G., Efanova E.V.** Manufacturing Consent... or Hegemony? *Book Review: Kilani A. Comparative Analysis of Media Hegemony: Propaganda and Manufacturing Consent in U.S. Media. Columbia: SC; 2018. 166 p. ....* 630
- Gupta S.** Evidence for Hope: Making Human Rights Work in the 21st Century. *Book Review: Sikkink K. Evidence for Hope Making Human Rights Work in the 21st Century. Princeton: Princeton University Press; 2017. 336 p. ....* 634

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-469-483

XXV ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В АВСТРАЛИИ «ГРАНИЦЫ И РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ЛИНИИ»

Ю.В. Ирхин

Российская Академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
просп. Вернадского, 84, Москва, Россия, 119606

В статье анализируются подготовка, ключевые этапы, структура, характер работы и результаты XXV Всемирного Конгресса Международной ассоциации политической науки «Границы и разделительные линии», проходившего в г. Брисбене, Австралия, 21—25 июля 2018 г. Автор излагает основные проблемы и направления дискуссий, которые прозвучали на Конгрессе в Брисбене: границы, пределы и разделительные линии в политике и мире, права человека в эпоху глобализации и национализма, противоречивые миграционные процессы, современные вызовы либеральной демократии и глобальный подъем популизма, федерализация, традиции и демократические инновации в избирательной системе Австралии, исследовательские методы и подходы в политической науке, участие российских политологов. XXV Всемирный Конгресс Международной ассоциации политической науки в Австралии рассматривается как очередной логичный этап в ее 70-летнем генезисе.

Ключевые слова: Международная ассоциация политической науки, Российская ассоциация политической науки, глобализация, национализм, вызовы либеральной демократии, миграция, глобальный подъем популизма, исследовательские методы, федерализм

Ведущей организацией политологов различных стран вот уже семьдесят лет выступает Международная ассоциация политической науки (International Political Science Association (IPSA)), созданная по инициативе ЮНЕСКО в 1949 г. Формирование Международной ассоциации политической науки (МАПН) явилось принципиальным этапом в генезисе и академическом конституировании политологии. С этого времени политическая наука стала развиваться как формально признанная мировым сообществом научная дисциплина, что сыграло во многих случаях ключевую роль для институализации политологии в большинстве стран мира.

Международная ассоциация политической науки является членом Международного совета по социальным наукам при ООН и имеет статус консультативного члена ЮНЕСКО. Она объединяет 57 национальных и региональных ассоциаций (включая Российскую ассоциацию политической науки), 110 ассоциированных членов (политологических кафедр ведущих университетов мира) и более 3600 индивидуальных членов IPSA. Численность женщин в IPSA имеет тенденцию к росту

и сейчас уже примерно такая же, как и мужчин [6. Р. 5]. Не случайно за последние полтора десятилетия Президентами IPSA избирались женщины: Лурдес Сола (Бразилия), Хелен Милнер (США), Марианна Кнойер (ФРГ).

Основные направления функционирования IPSA: взаимодействие с национальными и региональными ассоциациями политической науки; организация международных политологических исследований и публикация их результатов; поддержка деятельности постоянных исследовательских комитетов; выпуск специализированных журналов («International Political Science Review», «International Political Science Abstract», «World Political Science», «Participation»), регулярное, с 1950 г. (раз в три года, а с 2012 г. — в два) проведение всемирных конгрессов политологов; периодически — их международных конференций, а также выездных летних исследовательских школ в разных странах по проблемам методологии политической науки.

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология» традиционно уделяет должное внимание анализу деятельности Международной ассоциации политической науки, опубликовав ряд аналитических обзоров ее Всемирных конгрессов за последние два десятилетия [1. С. 78].

ВСЕМИРНЫЕ КОНГРЕССЫ IPSA

В соответствии с конституцией IPSA ее высшим органом является Совет. Он определяет политику организации, финансовое обеспечение, может вносить изменения в программные документы, избирает Президента, Генерального секретаря, членов Исполнительного комитета; принимает решения о составе и месте пребывания секретариата организации (с 2001 г. — находится в г. Монреале, в Университете Конкордия); о руководстве редакций научных журналов МАПН, различных ее комиссий и др.

Указанные выше вопросы Совет обычно решает во время работы всемирных конгрессов политологов, на которых, как правило, бывают представлены все зарегистрированные в МАПН национальные ассоциации политической науки (признается только одна ассоциация от страны). Представитель ассоциации принимает участие от имени национальной делегации в выборах руководящих органов МАПН и решении других организационных вопросов.

Всемирный конгресс IPSA — наиболее масштабный и представительный международный форум политологов. Он дает возможность уловить и оценить новые тенденции в развитии различных направлений политической науки и политики, познакомиться с результатами исследований специалистов из разных стран мира, новейшей политологической литературой, а также политологией и политикой страны проведения конгресса, предоставить возможность выступить и опубликовать свой доклад любому политологу — члену IPSA, завязать или укрепить научные контакты.

Целесообразно уметь выделять и анализировать основные этапы в генезисе деятельности Международной ассоциации политической науки с точки зрения расширения ее геополитических масштабов присутствия в мире посредством про-

ведения Всемирных конгрессов политологов. Можно выделить континентально-европейский (1950—1970 гг. — первые 8 конгрессов); англо-американо-российский (1973—1994 гг. — также еще 8 конгрессов); азиатско-дальневосточно-ново-европейский периоды (1997—2018 гг. — состоялось 9 конгрессов).

Первый всемирный конгресс IPSA состоялся в 1950 г. в Швейцарии в Цюрихе (на нем было представлено 80 политологов из 23 стран). В 50-е и 60-е гг. XX в. конгрессы проводились только в странах континентальной Западной Европы: их было проведено восемь. В этот период конгрессы имели в основном европоцентристскую идеологическую и научную направленность.

В 70-е гг. «география» конгрессов значительно расширилась. IX конгресс (1973 г.) состоялся впервые вне Европы — Канаде (Монреаль, 1 тыс. участников, 56 стран), X (1976 г.) — в Великобритании (Эдинбург, 1081 политолог, 55 стран). А XI конгресс (1979 г.) был проведен в СССР, в Москве (1466 участников из 53 стран) [7. Р. 24], что имело существенное значение для дальнейшего развития политической науки и МАПН, а также содействовало будущей институализации политологии в России на рубеже 90-х годов как официально признанной государством. В 80-е гг. географический ареал конгрессов IPSA продолжал расширяться в направлении Америки (временами «возвращаясь» в Европу): XII конгресс IPSA (1982 г.) состоялся впервые в Латинской Америке, Бразилии (Рио-де-Жанейро, 1477 участник, 49 стран), XIII конгресс (1985 г.) был проведен в Париже (1763 политолога, 66 стран). XIV конгресс IPSA (1988 г.) впервые состоялся в США (Вашингтон, 1700 участников, 65 стран); XV конгресс (1991 г.) — второй раз в Латинской Америке, в Аргентине (Буэнос-Айрес, 1400 участников, 55 стран); XVI конгресс (1994 г.) — в ФРГ (Берлин, 1884 политолога, 83 страны) [4].

В странах Востока конгрессы IPSA начали проводиться с конца 90-х гг.: XVII конгресс (1997 г.) — в Республике Корея (Сеул, 1470 участника из 72 стран), XX конгресс (2006 г.) — в Японии (Фукуока, 2 тыс. участников, 100 стран). XIX конгресс (2003 г.) впервые был проведен в Африке (ЮАР, Дурбан, 1011 политологов, 69 стран). XX (2009 г.) — третий раз в Латинской Америке, в Чили (Сантьяго, 2119 исследователей, 70 стран). XXII конгресс (2012 г.) состоялся впервые в Испании (Мадрид, 3 тыс. политологов из 78 стран), XXIII конгресс (2014 г.) в Канаде (Монреаль, приурочен к 100-летию Канадской ассоциации политической науки (1913 г.)), XXIV конгресс (2016 г.) был первый раз проведен в Восточной Европе — Польше, Познани (2900 участников из 72 стран), а XXV конгресс (2018 г.) — в Австралии.

Конгрессы IPSA пока не проводились в крупных государствах Азии (Бангладеш, Индия, Индонезия, Казахстан, Пакистан и др.), а также в КНР, поскольку IPSA признает политологическую ассоциацию только Республики Китай (Тайвань) — и это, на наш взгляд, является несомненным ограничителем международной и научной деятельности IPSA.

Для участия в работе Всемирных конгрессов IPSA необходимо стать ее членом (зарегистрироваться на ее портале — IPSA.org/membership и внести вступительный взнос), выслать тезисы выступления (на англ. или фр. яз.), а затем (после одобрения) и весь доклад, оплатить организационный взнос участника (350 долл., для членов-студентов — 80 долл.).

Портал IPSA имеет интерактивный характер: можно корректировать свои тезисы, предлагать формировать секции со своими коллегами — членами IPSA по общей теме, выбирать различный статус участия (докладчик, дискуссант, председатель секции) и др. Разрешается участие в работе всех секций и сессий. Информация о членах IPSA представлена на ее портале; между ними возможны различные формы интерактивного взаимодействия, каждый член IPSA имеет личный online-кабинет. Тезисы докладов на всемирных конгрессах и их сообщения доступны на портале ipsa.org (Online Paper Room) для всех участников. На нем же находится доступный для всех его посетителей (IPSAportal. Top 300 websites for Political Science), где представлены сотни адресов различных политологических и политических сайтов. Новацией работы в конгрессах является разрешение участвовать в них без доклада и тезисов, в качестве сопровождающего лица, но полноправного участника, с допуском на все основные мероприятия IPSA (при 50% оплате участия), что в принципе удобно, если член IPSA хочет быть на конгрессе с членами семьи или коллегами, которым не нужны публикации.

XXV КОНГРЕСС IPSA: ОРГАНИЗАЦИЯ И СТРУКТУРА

XXV-й (в известном смысле юбилейный) конгресс Международной ассоциации политической науки проходил с 21 по 25 июля 2018 г., впервые за всю историю IPSA в Австралии, в специализированном, обширном Центре конгрессов и выставок крупного австралийского города Брисбен. В этом Конгресс-центре часто проходят важные международные конференции. Так, например, в 2014 г. там была проведена встреча делегаций государств группы G20, в которой участвовал президент России В.В. Путин; в 2003 г. состоялся XV Всемирный конгресс международной социологической ассоциации (ISA). (Очередной XIX Всемирный социологический конгресс также запланирован в Австралии (г. Мельбурн) в 2022 г. — в отличие от политологических — социологические конгрессы проводятся 1 раз в 4 года, а не в три-два, начиная также с 1950 г., когда ISA провела свой первый конгресс параллельно с первым конгрессом IPSA в Швейцарии (причем вначале они собрались все вместе, а затем разошлись по своим конгрессам); поэтому у социологов состоялось 19 всемирных конгрессов, а у политологов — 25).

Общее руководство подготовкой конгресса осуществлял Программный комитет IPSA в составе: Террел Карвес (Великобритания), Фезун Туркмен (Турция), Катарины Гелбер Австралия, Йоко Касуя (Япония) и Йезуса Товаро (Мексика). Организационную работу в подготовке конгресса реализовывал постоянный Секретариат IPSA во главе с ее Генеральным секретарем (с 2000 г.) Ги Лашапелем (Канада) и координатором Роксоланой Бобек (Канада), которая оформляла и подписывала, после одобрения руководителей IPSA, все приглашения на конгресс.

Участников конгресса приветствовали официальные лица: министр инноваций и развития туристической индустрии Австралии Хон Джонс, лорд-мэр г. Брисбена Грэхэм Квирк, Президент IPSA Илтер Туран (Турция). Приветствия от правительства и мэра города проведения конгресса означали не только вежливость принимающего государства, но и его принципиальное согласие на работу этого международного форума, его правил и состава участников.

В г. Брисбене основную организационную работу осуществлял Австралийский (Local) организационный комитет под руководством его Председателя — Катарины Гелбер (Университет провинции Квинсленд, куда входит Брисбен). В Комитет вошли представители крупнейших вузов Австралийского Союза: Австралийского национального университета (Мариан Совьер), Университета Мельбурна (Робин Ескерсли), Университета Сиднея (Пиппа Норрис), Университета Квинсленда (Брайан Хead, Джессика Кирк), Университета Нового Южного Уэльса — школы государственного управления (Микаэль Франческо), Университета Гриффитса (Рене Джеффри) и др. (из тринадцати членов Локального комитета 9 были женщинами).

Работа XXV конгресса IPSA основывалась на всесторонней поддержке Австралийской ассоциации политических исследований, созданной в 1952 г. и ставшей членом IPSA в 1953 г. Ассоциация объединяет около 570 постоянных членов, выпускает журнал «*Australian Journal of Political Science*», президент Дженни Левис [11. Р. 18]. Значительную помощь в работе конгресса оказывали студенты-волонтеры, осуществлявшие регистрацию участников, аккредитацию прессы, распространение информации, подготовку залов и т.л.

Тема конгресса — «Границы и разделительные линии» («*Borders and Margins*») — была призвана охватить те многообразные процессы, преобразования и острые противоречия глобализации, которые определяют развитие современного мира («новая нормальность», как говорят экономисты, или «посткризисная, многополярная реальность», как чаще определяют ее политологи) и влияют на состояние и трансформацию мирового порядка, взаимодействие государств, наций и этносов, управленческих структур, процессов и теорий [3].

Конгресс вызвал значительный научный интерес. По официальной информации IPSA, более 2150 ученых из 83 стран мира приняли участие в работе конгресса и в течение недели обсуждали вызовы современности, тенденции развития политологии и государственного управления. Были представлены практически все зарегистрированные в IPSA национальные ассоциации политической науки, включая российскую. Брисбенский конгресс, как и любой другой, имел свои особенности. Это был первый всемирный форум IPSA на «пятом континенте». Речь шла как об анализе актуальных политологических и политических проблем, так и популяризации идей IPSA в Австралии, изучении местного опыта.

Последние десятилетия конгрессы IPSA обычно проводятся летом, в конце июля. XXV конгресс IPSA не стал исключением. Его основная работа продлилась пять дней: с 21 по 25 июля 2018 г. Они так и были обозначены в программе: День 1 (22 июля), День 2 (23 июля) и т.д. Однако в его структуру были по традиции «подключены» еще два дня. Так, 20 июля было обозначено как традиционный *предконгрессовский* день, когда в здании соседнего отеля «Меркурий» прошли организационные собрания руководства IPSA и работала традиционная школа изучения методов исследования политики. А в *конгрессовский* день (26 июля) в этом же отеле провел свои заседания только что избранный новый исполком IPSA. Таким образом, весь международный политологический форум в Брисбене включил, как обычно, 7 дней.

Структурно работа Брисбенского конгресса подразделялась на целый ряд различных заседаний и мероприятий, связанных между собой общей повесткой дня.

Выделялись пленарные сессии (Plenary Session — SS.01; 02...). Их тематика меняется на каждом конгрессе, и они проводятся в самых больших залах. На этот раз были актуализированы темы: «Австралийские демократические инновации»; «Будущее человеческих прав в эру узкого национализма»; Президентская пленарная сессия «Вызовы границам либеральной демократии: глобальный подъем популизма» и др.

Общие сессии (General Session — GS.01, 02...) проводились по темам: «Демократия и автократия», «Сравнительная политика», «Международные отношения», «Глобализация и международная политическая экономия», «Электоральная интеграция», «Политическая теория», «Меньшинства: расовые, религиозные, сексуальные», «Миграция: границы, граждане, маргиналы», «Политическое участие», «Местная политика», «Популизм», «Политика в Азии». Было проведено несколько специальных сессий (Special Session) по вопросам анализа документов, событий и видеосюжетов в политике. Они ежедневно проходили в фойе Конгресс-холла. Состоялись заседания традиционных тематических сессий (темы меняются на конгрессах) по проблемам миграции, безработицы, реальных европейских и мировых границ, а также цифровых ограничений и возможностей.

На Конгрессе, как обычно, прошли традиционные заседания 51 постоянно действующего исследовательского комитета МАПН (Research Committee) по широкому дисциплинарному спектру политической науки и политики (один комитет мог организовать несколько панелей-заседаний). Наиболее значительные комитеты по количеству участников: RC.01. Концепции и методы; RC.02. Политические элиты; RC.06. Политическая социология; RC.10. Электронная демократия; RC.14. Политика и этничность; RC.29. Политическая психология; RC.26. Права человека; RC.30. Сравнительная публичная политика; RC.32. Публичная политика и администрация; RC.51. Международная политическая экономия. Кроме того, состоялись заседания нескольких временных малых групп (создаются только на время Конгресса), в которые было объединено по 8—9 участников, рассматривавших обычно определенную заранее политологическую или политическую проблему.

В рамках конгресса состоялись заседания 7 австралийских секций по актуальным проблемам политологии и политики в Австралии, в которых в основном участвовали местные политологи (См.: [10. P. 41—49]). В течение работы Конгресса прошли протокольные церемониальные сессии (открытия, закрытия, награждений, актовых лекций).

Графики всех заседаний и сессий на Конгрессе имели строгий регламент (1 час 45 минут); их названия, фамилии участников (председатель и сопредседатель, дискуссант, докладчики), темы докладов, время проведения и аудитория, а также общий алфавитный список всех участников с указанием страниц (где можно было найти информацию о времени и месте деятельности любого участника) были зафиксированы в объемной научной программе конгресса (См.: [10]). Тезисы выступлений были доступны на конгрессовском разделе сайта IPSA — ipsa.org; впервые работа основных секций была снята на видео и, соответственно, размещена на нем.

ХАРАКТЕР ПЛЕНАРНЫХ СЕССИЙ КОНГРЕССА

Важную роль в работе конгресса сыграли пленарные сессии, объединявшие большое количество участников. Первая из них называлась «Австралийские демократические инновации». Вообще на конгрессах обычно на пленарные сессии не ставятся «вопросы страны проведения форума». Однако в этом случае организаторы решили, что проблемы политики и политологии в Австралии будут интересны большинству участников, тем более что речь шла не только о стране, а и о целом континенте, имеющим более чем столетний опыт «непрерывной демократии».

Австралия занимает 4-е место в сводном списке «Лучшие страны мира», который суммарно состоит из следующих рейтингов этой страны: образование — 13-е место, здоровье — 3 место, качество жизни — 6 место, динамизм экономики — 6 место, политическая обстановка — 9 место. В рейтинге самых конкурентоспособных стран мира Австралия — на 16 месте. При численности населения почти в 25 млн человек ее ВВП превышает 1 триллион долл.; на душу населения приходится 50 тыс. долл.; индекс человеческого развития — высокий (0,939 — 4-е место в мире). Австралийский доллар достаточно стабилен. Являясь составной и неотъемлемой частью англо-саксонской цивилизации (Великобритания, Канада, США, Новая Зеландия) и Британского Содружества, Австралия успешно использует их потенциал и опыт в своеобразных условиях развития и входит в первую двадцатку наиболее экономически и технологически развитых, благополучных стран мира (См.: [2]).

В качестве ведущих докладчиков на первой пленарной сессии выступили профессор Университета Сиднея А. Грин и профессор политики Университета Аделаиды Л. Хилл.

Доклад А. Грина назывался «Считая все взгляды: австралийский опыт преференциального голосования». Докладчик на фактическом материале, с презентацией таблиц, проанализировал австралийскую методику и практики преференциального голосования на примере выборов в парламент. Высший законодательный орган Австралийского Союза состоит из двух палат: верхняя — Сенат (72 члена — по 2 от каждого штата и 2-х территорий) и нижняя — Палата Представителей (150 депутатов). Сенаторы избираются на основе пропорциональной избирательной системы. Выборы в Сенат проходят по партийным спискам. Сенаторы избираются на 6 лет, при этом каждые три года происходит обновление Сената наполовину. Для выборов в нижнюю палату Австралия поделена на 150 избирательных округов. Все депутаты Палаты Представителей (как и депутаты палаты парламентов штатов) избираются на три года по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства с предпочтительным (преференциальным) голосованием. Институт преференциального голосования имеет целью дать избирателям возможность не только проголосовать за список кандидатов определенной партии, но и внутри этого списка высказать предпочтение определенным кандидатам, способствовать их избранию. С этой целью, голосуя за список, избиратель отмечает и кандидатов этого списка, избрание которых для него более желательно.

Согласно этой системе избиратель помечает цифрами против фамилий кандидатов в избирательном бюллетене, в каком порядке он за них голосует, то есть это голосование с указанием кандидатов в порядке предпочтения. Такая процедура, по мнению А. Грина, имеет больше преимуществ, чем обычное голосование. Если ни один из кандидатов не получает абсолютного большинства первых мест в рейтинге, то кандидат с наименьшим рейтингом исключается из списка, а полученные им голоса перераспределяются в соответствии с рейтингом кандидата, получившего второе место в списке. И этот процесс продолжается, пока кто-то из оставшихся в списке кандидатов не наберет абсолютное большинство голосов. Используя преференциальное голосование, избиратель может содействовать избранию популярного кандидата, помещенного в середину списка. При выборах в Сенат Австралии многомандатно-преференциальная система носит более сложный характер, потому что от каждого штата избирается 6 членов. Кандидаты считаются избранными, если получают необходимую квоту голосов (1/7) от списочного числа плюс один голос. У депутатов, получивших «избыток» голосов, его перераспределяют в пользу других кандидатов, занявших относительно более низкие места, а занявшие последние исключаются из списка. В австралийской практике выборы приносят пропорциональное представительство партий (См.: [5. Р. 4]).

Профессор Л. Хилл выступила с докладом «Обязательное голосование в Австралии: эффекты, публичное одобрение и демократическое обоснование». Докладчик проанализировала электоральную систему страны с точки зрения характера участия граждан в выборах. Она показала, что австралийскую избирательную систему в процедурном смысле отличает такая особенность, как обязательное голосование населения. В Австралии голосование является обязательным, включая обязательную регистрацию участников голосования. Впервые обязательная система голосования была применена для принятия решений на референдумах в 1915 г., а для определения победителей на федеральных выборах — с 1924 г. Голосование является обязательным как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных штатов и территорий. Людей, не принявших участие в выборах, просят предоставить объяснения, и в случае, если их нет или они признаны неудовлетворительными (болезнь, религия), к виновным применяется административная мера взыскания в виде штрафа (20 долл.). В случае неуплаты штрафа виновные могут быть вызваны в суд, где их ждет более серьезное взыскание. В результате в выборах гарантированно участвует 95% австралийских граждан [2]. Л. Хилл полагает, что обязательное голосование и преференциальные выборы, в сочетании с активной позицией граждан, в сложном (федеративном) устройстве страны содействуют демократизации и прозрачности австралийской политики.

Вторая пленарная сессия называлась «Будущее человеческих прав в эру узкого национализма». Ее провел известный общественный деятель, консультант Отдела ООН по делам беженцев, а также Международной организации Красный Крест и Полумесяц, Президент Комитета по правам человека IPSA, профессор политических наук университета штата Небраска (Линкольн) Дэвид Форсайт. Он обратил внимание на возрастающую роль национальных (этнических) проблем в мировом развитии и в области прав человека. В этой связи Д. Форсайт дал

характеристику современного периода как своеобразной эры «Нового Национализма», поскольку за последние десятилетия произошли глубокие национальные изменения в мировом политическом процессе: появилось много новых национальных государств (в том числе часто образованных конфликтным путем «выхода» из прежних, более крупных), изменились и меняются численность и взаимоотношения между многими нациями и этносами как внутри стран, так и за их пределами, возникают новые национально-этнические конфликты и войны, повысилось значение этнических сообществ, движений за национально-этническое самоопределение. Все это затрудняет международное и межгосударственное сотрудничество, обостряет противоречия в условиях глобализации и повышает конфликтность мировой политики. Но в то же время «Новый Национализм», по мнению Форсайта, по ряду направлений похож на предшествующий, «старый национализм» начала XX века (периода Первой мировой войны). Докладчик выделил такие их общие черты, как спекуляция на популистских, почвеннических или местечковых этнических проблемах, причем в ущерб универсальным правам человека и правовым методам урегулирования конфликтов. При этих «старо-новых» подходах международное право и институты начинают ослабевать. Им противопоставляется некое «национальное величие», «национальная власть», «национальное благоденствие», что выше, чем правовые институты, а свободы и права человека рассматриваются как явление второстепенное по отношению к национальным или наднациональным аспектам.

Докладчик отметил в этой связи особое значение Всеобщей Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой ООН в 1948 г. (как раз исполнилось 70 лет!), других документов международного гуманитарного права, которые замалчиваются сторонниками или вдохновителями узко-националистических подходов и решений. Д. Форсайт указал на острую необходимость как политиков, так и политологов, активных и разумных граждан, соответствующих институтов и учреждений последовательно выступать против вопиющих нарушений прав человека: геноцида, преступлений против человечества и человечности, особенно военных действий преступного характера в вооруженных конфликтах; для обеспечения всей совокупности человеческих прав в политической, социальной, экономической и культурной сферах и областях [5. Р. 5].

Третья пленарная, президентская сессия «Вызовы границам либеральной демократии: глобальный подъем популизма» была проведена Президентом IPSA (2016—2018 гг.), профессором Ильтером Тураном (почетный профессор политической науки Университета Бильги, Турция). Он обратил внимание на кризис современной «западной» формы неолиберализма, которая навязывается многими исследователями в качестве универсальной и якобы единственно рациональной для всех стран мира. И если на первой этапе ее развития и применения (рубеж XX—XXI вв.) она действительно внесла позитивный вклад в развитие мировой экономики и глобализации, то позже оказалась неспособной дать рациональный анализ причин мирового экономического кризиса 2008/9 гг., резкого расслоения обществ на бедных и богатых, объяснить успехи успешного экономического подъема государств, руководствовавшихся консервативно-либеральными, нацио-

нально ориентированными теориями генезиса. Соответственно, им был актуализирован вопрос как о границах и пределах либеральной демократии, о ее соотношении с глобальным подъемом популизма и ростом миграционных процессов.

В обсуждении приняли участие известные политологи. Так, профессор Школы управления им. Кеннеди Гарвардского университета и департамента управления Университета Сиднея (Австралия), лауреат премии IPSA имени К. Дойча, Пиппа Норрис проанализировала популизм как выражение политической позиции, апеллирующей к народным массам и критикующей правящие элиты. Многие популисты представляют себя защитниками отдельных регионов либо социальных групп. К распространенным популистским выражениям относятся: «прямая демократия», «авторитетный лидер», «антинародное правительство», «борьба с коррупцией» и др. Популисты часто утверждают, что социальные проблемы имеют ясные решения: борьба с властью коррумпированных политических группировок, бюрократов и корпораций, привлечение к управлению представителей народа. Сторонники популизма считают его истинной демократией, а противники — демагогическими способами борьбы за власть, подрывающими основы сложившегося порядка [9]. П. Норрис полагает, что несмотря на многообразие популистских партий, их все объединяют два принципа: «антиистеблишментские убеждения и суверенитет народа». Со стороны либеральных кругов и элит (особенно в ЕС или в связи с феноменом Д. Трампа) отношение к популистским оппозиционным движениям является негативным; они рассматриваются как внесистемные или деструктивные силы, «открывающие дверь» для популяризации «авторитаризма, национализма и изоляционизма». Норрис подвергла критическому анализу феномен правого авторитарного популизма.

Профессор политической науки Свободного международного университета Гвидо Карли (Италия), президент IPSA в 2009—2012 гг., руководитель интернет-портала IPSA, Леонардо Морлино представил презентацию на тему «Новый популизм и протестные партии». Он отметил, что многие исследователи популизма рассматривали его как стиль риторики, который может служить не одной, а множеству идеологий. Популизм включает в себя критику существующего режима, а также иногда национализм, расизм или религиозный фундаментализм. Особенностью современного («нового») популизма является то, что он явился реакцией на резкое ухудшение положения народных масс (особенно молодежи) и обеднение среднего класса в условиях всемирного финансового кризиса, резкой дифференциации общества. Впервые после Второй мировой войны новое поколение на Западе живет хуже, чем предыдущее.

Причиной популярности популизма являются и сильные антиэлитные настроения. Избиратели не любят «истеблишмент» и готовы голосовать против него. Политика превратилась в закрытый клуб, куда пускают только «по спискам», а «демократическая политика» превратилась в банальное администрирование. Так, 75% депутатов французского парламента — выходцы из системы государственной службы, профессиональные чиновники. Собственно, «новый» популизм — это политика декларации ценностей в противовес политике проговаривания ритуала. Люди устали от бюрократического контроля с одной стороны и тотальной безответственности власти с другой.

Еще одной причиной популизма является провал миграционной политики ЕС, направленной на интеграцию мигрантов в европейские общества, и неудачами мультикультурного проекта в Германии, Франции и Великобритании, открыто признанного лидерами этих стран.

Л. Морлино полагает, что популистские партии имеют национальную специфику; в Европе это обычно «евроскептики» [8].

«Левый» и «правый» популизм имеют отличия. Правые (Национальный фронт во Франции, Альтернатива для Германии, движение «Брексит», партия евроскептиков «Шведские демократы») делают акцент на интересах всей нации, ее истории, культуре, борьбе с незаконной миграцией и т.д.; «левые» («Podemos», Испания, «СИРИЗА», Греция) — на антикапиталистические, антибюрократические и антиглобализационные идеи. Для некоторых популистских движений характерно прямое общение с гражданами через Интернет («Движение 5 звезд») или апробация интересов макрорегиона («Лига Севера» — в Италии). Л. Морлино отметил, что в популистских движениях большое значение имеют образы их политических лидеров. Представители «нового» европейского популизма обычно позитивно относятся к России, ориентируясь на ее пример независимого поведения. В целом популизм стал явлением международного значения, выходящим за пределы либеральной демократии; следует обращать внимание на его генезис и возможные трансформации.

РОССИЙСКИЕ ПОЛИТОЛОГИ НА ВСЕМИРНОМ КОНГРЕССЕ И ЕГО ИТОГИ

Делегации российских обществоведов и политологов традиционно участвуют в работе Всемирных конгрессов IPSA, начиная с ее III-го конгресса, состоявшегося в 1955 г. (!) в Стокгольме. Важно отметить, что с 1961 г. известные российские обществоведы: А.И. Лепешкин, А..А. Тадевосян, В.А. Туманов, Г.Х. Шахназаров, В.В. Смирнов, Е.Б. Шестопап, Т.А. Пархалина и М.В. Ильин избирались членами исполкома IPSA., а В.А. Туманов, В.В. Смирнов, Г.Х. Шахназаров, Е.Б. Шестопап и М.В. Ильин — ее вице-президентами. Соответственно, они содействовали развитию научных отношений между российскими и зарубежными политологами. Профессор М.В. Ильин (НИУ ВШЭ, Москва) является редактором журнала IPSA «Participation». В качестве ассоциированных членов IPSA от России выступают журнал «Полис», ИНИОН РАН, факультет политологии МГУ.

Из России в работе XXV Всемирного конгресса IPSA по линии РАПН приняли участие более 30 политологов из ведущих вузов и исследовательских центров страны, выступивших в различных заседаниях и сессиях. Были представлены МГИМО, ВШЭ, МГУ, РАНХиГС, РГГУ, РУДН, СПбГУ, ПФУ (Казань), ЮФУ (Ростов/Дон), журнал «Вестник РУДН. Серия: Политология», журнал «Полис» (Политические исследования), Институт социологии РАН.

Президент РАПН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО, профессор О.В. Голутвина явилась председателем секции «Межсекторальное взаимодействие политических элит» и выступила с докладом о режимных трансформациях в посткоммунистических государствах. Профессор ВШЭ М.В. Ильин

выступил по проблеме институционального наследия как ресурса. Вице-президент РАПН, профессор ВШЭ А.Ю. Мельвиль представил доклад о новых компонентах государственной мощи и влияния. Председатель совета РАПН по международному сотрудничеству профессор МГИМО А.И. Никитин выступил по проблеме применения Россией вооруженных сил за пределами страны. Профессор МГИМО О.Ю. Малинова сделала доклад о значении культурной политики памяти как источнике и ограничителе государственной власти и политики; доцент МГИМО О.Г. Харитонова рассмотрела проблемы траекторий регулирования межэтнических конфликтов. Председатель Научного Совета РАПН, профессор СПбГУ Л.В. Сморгунув представил доклад о правительстве как цифровой платформе: критика технократической культуры государственного управления в цифровую эпоху. Заведующий кафедрой Приволжского (Казанского) федерального университета, профессор О.И. Зазнаев выступил с докладом о соотношении этничности и форм правления на секции «Причины и последствия этнической политики». Главный редактор журнала «Полис», профессор С.В. Чугров рассмотрел политику «постправды» в современном мире. Ответственный секретарь редколлегии журнала «Вестник Российского Университета дружбы народов. Серия: Политология», доктор политических наук В.Г. Иванов активно участвовал в работе ряда секций.

В работе конгресса приняли участие и другие известные российские политологи: Т.Л. Барандова (ВШЭ), С.С. Бодрунова (СПбГУ), Г.А. Грибанова (СПбГУ), Л.Е. Ильичева (РАНХиГС), Ю.В. Ирхин (РАНХиГС), В.Н. Коновалов (Южный федеральный университет, Ростов/Дон), А.В. Кутелева (РУДН—Университет Альберты), Т.Н. Литвинова (Институт социологии РАН), И.Ю. Окунев (МГИМО), С.Н. Пшизова, (МГУ), А.Ю. Сунгуров (СПб, Центр «Стратегия»), И.Ю. Орлова (РАНХиГС) и др. Важно, что Т.Л. Барандова, О.В. Гаман-Голутвина, И.Ю. Окунев и Л.В. Сморгунув выступили председателями программных секций конгресса. Кандидатура профессора Л.В. Сморгунува была рекомендована РАПН и российскими политологами на конгрессе для избрания в Исполнительный комитет IPSA, однако при рейтинговом голосовании представителей всех национальных ассоциаций политической науки ему не хватило нескольких голосов.

На конгрессе было избрано новое руководство IPSA. Ее президентом на 2018—2020 гг. стала Марианна Кнойер — известная исследовательница проблем политики, профессор Университета Хильдесхайма в Нижней Саксонии (университет создан в 1978 г., основные факультеты — социальные и информационные науки). Генеральный секретарь IPSA Ги Лашапель (Канада, Монреаль, Университет Конкордия) и ее секретариат продолжили исполнять свои обязанности.

На заключительной церемонии конгресса были кратко подведены его итоги и оглашено решение Исполкома о том, что следующий XXVI Всемирный конгресс IPSA состоится 23—28 июля 2020 г. в Португалии, в одном из крупнейших вузов страны — Лиссабонском Университете (Universidade de Lisboa, воссоздан в 1911 г., 22 тыс. студентов). По существующей традиции прежний и избранный президенты IPSA — Илтер Туран и Марианна Кнойер — передали представительнице Национального организационного комитета будущего XXVI конгресса

в Португалии Эдалине Санчес официальный флаг IPSA. По его сине-голубому фону золотистыми буквами сверху выделена на французском и английском языках аббревиатура AISP*IPSA, под ней размещены символ земного шара и надпись World Congress — Congress Mondial, а затем чуть ниже выделены названия всех 25 городов, где проводились конгрессы (среди них есть и Москва (1979 г.)). Э. Санчес выступила с приветственной речью и от имени оргкомитета пригласила всех присутствующих на Лиссабонский конгресс IPSA.

Коллективная работа конгресса показала важность совместного обсуждения политологами различных стран, школ и направлений актуальных проблем политологии, национальной и мировой политики. Тема «Границы и разделительные линии» пронизывала все научные мероприятия форума. Было показано, что ускорение процессов глобализации, появление новых центров мировых сил и острая конкурентная борьба за ресурсы жизнедеятельности и влияния в целом привели к обострению глобализационных процессов. Кроме традиционных государственных возникли границы безопасности и «глобализационные пределы и границы»; нормы международного права оспариваются вычерчиванием пределов «национальных интересов»; установление санкционных, протекционистских, миграционных и иных границ стало нормой деятельности США и ЕС. Эти новые искусственные линии и границы направлены на изоляцию ряда государств, народов, этносов и т.д. С другой стороны, эгоистическая политика учреждения новых, искусственных границ и пределов вызывает растущую озабоченность и противодействие многих институциональных членов мирового сообщества, представителей демократических кругов, в том числе политологов.

В целом конгресс, представлявший около 3 тыс. политологов различных направлений, дал глубокий и достаточно плюралистический анализ актуализированных им проблем. Планирующийся XXVI конгресс в Португалии может быть полезен с точки зрения его проведения в экономически, политически и социально проблемной зоне Южной Европы, для обсуждения вопросов как общеевропейского, так и мирового посткризисного развития и сложившейся новой реальности международных отношений и политики в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Ирхин Ю.В.* XXIII Всемирный конгресс Международной ассоциации политической науки в Канаде «Вызовы современному управлению» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2014. № 4. С. 78—89.
- [2] *Australian Politics in the Twenty-first Century: Old Institutions, New Challenges.* Eds. Ian Ward (G. Kefford, H. Murphy-Gregory, I. Ward, St. Jackson, L. Cox, A. Carson). Cambridge, UK. New York. Port Melbourne. Victoria. New Delhi: Cambridge University Press, 2018.
- [3] *Borders and Margins: Federalism, Devolution and Multi-Level Governance.* Eds. Guy Lachapel, Pablo Onate. Berlin & Toronto: Barbara Budrich Publishers. Opladen, 2018.
- [4] *Boncourt T.* Une histoire de L' Association Internationale de Science Politique. Canada. Québec: IPSA, 2009.
- [5] *Carver T., Turmen F.* The Politics of Borders & Margins: Political Scientists Convine in Brisbane. Australia's Democratic Innovations: Antony Green. Counting All Opinions; Lisa Hill. Compulsory Voting in Australia // Participation. Canada, Quebec: IPSA. 2017. Vol. 41. № 1. P. 4—6.

- [6] International Political Science Associations. 2017—2018 Biennial Report. Ed. Guy Lachapelle. Canada. Quebec: IPSA, 2018.
- [7] Merritt R., Hanson E. Science, Politics and International Conferences. A Functional Analysis of the Moscow Political Science Congress. USA: Boulder, Colorado, 1989.
- [8] Morlino L. Democrazia e mutamenti: attori, strutture, processi. Roma: Luiss University Press, 2016.
- [9] Norris P. Electoral Integrity in America. New York: Oxford University Press, 2018.
- [10] Program. IPSA•AISP 25th World Congress of Political Science 25ème Congrès mondial de science politique. Borders and Margins. Frontières et marges. 21—25/07/2018. Brisbane. Australia. Montreal. Canada: Concordia University, 2018.
- [11] Sawyer M. A History of the Australian Political Studies Association // Participation. 2017. Vol. 41. № 1. P. 18—19.
- [12] Trent J., Stein M. The World of Political Science: A Critical Overview of the Development of Political Studies around the Globe: 1990—2012. Canada. Toronto: Barbara Budrich Publishers, 2012.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-469-483

XXV WORLD CONGRESS OF INTERNATIONAL POLITICAL SCIENCE ASSOCIATION IN AUSTRALIA: “BORDERS AND MARGINS”

Yu.V. Irhin

Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the auspice of the President of the Russian Federation
Vernadskogo prospect 84, 119606, Moscow, Russia

Abstract. The article analyses preparation, key stages, structure, character and the results of the work of XXV World Congress of International Political Science Association «Borders and Margins», held in Australia, Brisbane 21 to 25 July 2018. The overview considers the key problems and directions of discussions that took place during the Brisbane’s Congress: borders, frontiers and margins in politics and the world, human right in the era of globalization and nationalism, contradiction of migrations processes, contemporary challenges of liberal democracy and global rise of populism, federalization, tradition and democratic innovation in electoral system of Australia, research methods and approaches in political science, participation of Russian political scientists in the congress. The author considers XXV World Congress of International Political Science Association «Borders and Margins» as a logical stage in its seventy years genesis.

Key words: International Political Science Association (IPSA), Russian Political Science Association (RPSA), World congress of IPSA, challenges of contemporary governance, globalization and governance, public policy, quality of governance, federalization

REFERENCES

- [1] Irhin Y.V. XXIII Vsemirnyy kongress Mezhdunarodnoi assotsiatsii politicheskoi nayki v Kanade «Vizovi sovremennomy upravleniy» [XXIII World Congress of International Political Science Association in Canada: «Challenges of Contemporary Governance»]. *RUDN Journal of Political Science*. 2014; 4: 78—89 (In Russ.).

- [2] *Australian Politics in the Twenty-first Century: Old Institutions, New Challenges*. Eds. Ian Ward (G. Kefford, H. Murphy-Gregory, I. Ward, St. Jackson, L. Cox, A. Carson). Cambridge, UK. New York. Port Melbourne. Victoria. New Delhi: Cambridge University Press; 2018. 350 p.
- [3] *Borders and Margins: Federalism, Devolution and Multi-Level Governance*. Eds. Guy Lachapel, Pablo Onate. Berlin&Toronto: Barbara Budrich Publishers. Opladen; 2018. 230 p.
- [4] Boncourt T. *Une histoire de L'Association Internationale de Science Politique*. Canada. Québec: IPSA; 2009. 82 p. (In Fr.).
- [5] Carver T., Turmen F. The Politics of Borders & Margins: Political Scientists Convine in Brisbane. Australia's Democratic Innovations: Antony Green. Counting All Opinions; Lisa Hill. Compulsory Voting in Australia. *Participation. Canada, Quebec: IPSA*. 2017; Vol. 41; 1: 4—6.
- [6] *International Political Science Associations. 2017—2018 Biennial Report*. Ed. Guy Lachapelle. Canada. Quebec: IPSA; 2018. 45 p.
- [7] Merritt R., Hanson E. *Science, Politics and International Conferences. A Functional Analysis of the Moscow Political Science Congress*. USA: Boulder, Colorado; 1989.
- [8] Morlino L. *Democrazia e mutamenti: attori, strutture, processi*. Roma: Luiss University Press; 2016. 266 p. (In Ital.).
- [9] Norris P. *Electoral Integrity in America*. New York: Oxford University Press; 2018. 280 p.
- [10] *Program. IPSA•AISP 25th World Congress of Political Science 25eme Congrès mondial de science politique. Borders and Margins. Frontières et marges. 21—25/07/2018. Brisbane. Australia*. Montreal. Canada: Concordia University; 2018.
- [11] Sawyer M. A History of the Australian Political Studies Association. *Participation*. 2017. Vol. 41; 1: 18—19.
- [12] Trent J., Stein M. *The World of Political Science: A Critical Overview of the Development of Political Studies around the Globe: 1990—2012*. Canada. Toronto: Barbara Budrich Publishers; 2012.

Информация об авторе:

Ирхин Юрий Васильевич — доктор философских наук, профессор кафедры политологии и политического управления Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственного управления при Президенте РФ, профессор Российского государственного гуманитарного университета (ORCID ID: 0000-0002-3350-2563) (e-mail: irkhine@mail.ru).

Information about the author:

Irhin Youri Vasilievich — PhD (History), Doctor of Science in Philosophy, Full Professor of the Department of Political Science and Management of the Institute of Social Sciences, Russian Academy of National Economy and Public Administration; Professor of Russian State Humanitarian University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-3350-2563) (e-mail: irkhine@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 23.09.2018.

Received 23.09.2018.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-484-495

ПОСЛЕДСТВИЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ КАМЧАТСКОЙ ОБЛАСТИ И КОРЯКСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА*

И.Ю. Окунев, Р.С. Шиловский

Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, Россия, 119454

В ходе проведения федеративных реформ 2000-х годов произошло объединение двух субъектов Российской Федерации — Камчатской области и Корякского автономного округа — и был образован новый субъект Федерации — Камчатский край. До объединения данные субъекты представляли собой совокупность различных проблем, которые федеральные власти стремились разрешить с помощью создания единого региона. Власти и граждане двух регионов практически не видели никаких перспектив успешного развития нового субъекта. С точки зрения мотивов и интересов различных групп результаты объединения были неоднозначными, ведь в первые годы многие социально-экономические показатели были достаточно высокими, а проблемы в управлении остались практически без изменения. Данные итоги объединительного процесса продолжают оказывать значительное влияние на современную социально-экономическую ситуацию и политическую обстановку. Целью данного исследования является анализ последствий объединения Камчатской области и Корякского автономного округа в Камчатский край на основе мотивов и интересов представителей федерального центра, региональных властей и граждан двух регионов. Основными методами исследования выступают анализ документов, анализ статистических данных, а также сравнительный метод. Непосредственно на тему камчатского сценария объединения существует немного исследований, и в данном труде предпринята попытка оценки изменений объективных обстоятельств после образования Камчатского края до настоящего времени сквозь призму восприятия реформы различными политическими акторами.

Ключевые слова: объединение регионов России, Камчатский край, Камчатская область, Корякский автономный округ, региональное управление, социально-экономическое развитие

---

¹* Статья подготовлена в рамках реализации гранта РНФ № 17-78-10053 «Трансформация территориальной идентичности в присоединенных автономных округах России (сравнительный анализ на основе полевых исследований)». The article is part of an RSF grant project of No. 17-78-10053 “Transformation of Territorial Identity in Adjoined Autonomous Districts of Russia (comparative field study)”.

ВВЕДЕНИЕ

После распада СССР одной из самых насущных проблем современной России стал вопрос об административно-территориальном делении (АТД). У РФ осталось 89 субъектов, которые имели различный статус, что осложняло управление ими со стороны центра, ставило под вопрос целостность государства, его экономическое благополучие и породило ряд других проблем. Поэтому федеральные власти всерьез задумались об укрупнении субъектов федерации путем присоединения одних административно-территориальных единиц к другим.

С 2003 по 2008 годы было реализовано 5 проектов объединения 11 субъектов России, в результате чего количество субъектов Федерации сократилось с 89 до 83. Последствия реформы были неоднозначны для каждого субъекта Федерации, каждый кейс имел свои успехи и свои недостатки.

Данное суждение касается и камчатского сценария объединения, затронувшего самые отдаленные территории России. Дальний Восток всегда являлся крайне важным регионом РФ как в экономическом, так и в военно-стратегическом плане. Поэтому необходимо проанализировать камчатский кейс реформы АТД России для выявления положительных и негативных тенденций развития края после объединения.

Целью данной статьи является оценка последствий объединения Камчатской области и Корякского автономного округа (далее — КАО) в Камчатский край. Они будут анализироваться на основе мотивов и интересов трех групп акторов, принявших непосредственное участие в объединительном процессе: федеральных властей, органов власти двух регионов и электората.

ПРЕДЫСТОРИЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ

В 1932 году в Дальневосточном крае появилась Камчатская область, которая в 1956 году стала самостоятельным субъектом. В экономическом плане область успешно развивалась: существовала довольно эффективная лесопромышленная промышленность, удовлетворявшая как внутренние потребности, так и потребности торговых партнеров из других стран, мясомолочная промышленность, за счет чего местное население имело собственное мясо и молоко, и были особо развиты пушной промысел и рыбное хозяйство. Кроме того, в богатой полезными ископаемыми области в большом количестве добывались различные минералы. Таким образом, экономика региона успешно развивалась, что не в последнюю очередь обеспечивалось государственным контролем.

После распада СССР обстановка резко изменилась: все вышеперечисленные отрасли экономики пришли в упадок, что вызвало большой отток трудоспособного населения из области. Кроме того, все это усугубляла нехватка жилья, высокая смертность, неразвитость и изношенность транспортной инфраструктуры, а $\frac{1}{5}$ населения почти осталась без денежных средств [5]. Лишь в управленческом аспекте все было в порядке: в руках губернатора Камчатки находилась реальная власть на территории области. Таким образом, в 1990-х — начале 2000-х годов сильно пострадали экономическая, социальная и демографическая сферы.

Была ли ситуация в Корякском автономном округе лучше обстановки в области?

В 1930 году был образован Корякский национальный округ, в котором большую часть населения составляли коренные жители — коряки, ительмены, чукчи и эвены. В 1934 году он перешел в подчинение Камчатской области, а с 1937 года центром округа стало село Палана, оставшееся им и поныне. Регион был крайне труднодоступным: туда можно было добраться лишь на воздушном или морском транспорте. Национальный округ жил в основном за счет рыболовства и оленеводства.

По Конституции СССР 1977 года Корякский национальный округ стал Корякским автономным округом, который в 1993 году, уже после распада СССР, стал самостоятельным субъектом Российской Федерации, входившим в то же время в состав Камчатской области (т.н. «матрешечным» субъектом). Округ был одним из самых отсталых в РФ, что отражается во многих показателях: оленеводство как одно из основ хозяйственного развития округа практически перестало существовать; не ощущалось прогресса в области развития транспортной инфраструктуры, так как дорожное строительство шло крайне медленными темпами, а авиасообщение часто прерывалось из-за неблагоприятных природных условий и технических неполадок; округ занимал первое место по уровню заболеваемости туберкулезом, причем здравоохранение было в плачевном состоянии, так как практически все больницы представляли собой изношенные деревянные постройки; округ был на первом месте по уровню безработицы, хотя в то же время население округа уменьшилось на 40%; более $\frac{3}{4}$ населения жили за чертой бедности, а цены на товары и услуги были одними из самых высоких в России. Высокая заболеваемость, нищенские условия существования и огромные миграционные потоки из округа приводят к сокращению численности малочисленных народов, что негативно отражается на национально-культурном наследии региона и всей России. Кроме того, управляемость этой территорией была на крайне низком уровне: в географически разобщенных районах округа, в которых население было сильно рассеяно, существовала двухуровневая система самоуправления с главами и сельскими советами, фактически независимыми от губернатора округа. А. Кынев звучно назвал это «демократией в нищете», что верно во всех смыслах [9]. Таким образом, глубоко дотационный Корякский автономный округ крайне нуждался в реализации определенных мер для преодоления проблем экономического, социального, демографического, культурного и политического порядка.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР: ЦЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Во всех случаях объединения федеральные власти преследовали две цели: повышение уровня социально-экономического развития территорий и улучшение управляемости регионами, причем больше внимания уделялось более слабо развитым в экономическом и управленческом аспектах автономным округам. В камчатском кейсе нужно было улучшить социально-экономические показатели и управляемость Корякского округа, хотя это было достаточно сложно осуществить ввиду многочисленных проблем и в самой Камчатской области.

В 2005 году, незадолго до объединения, вышел указ «О мерах по социально-экономическому развитию Камчатской области и Корякского автономного округа», в котором ставились задачи по развитию энергетики, транспортной и социальной инфраструктуры и жилищного хозяйства [16]. Результаты реализации данной программы развития региона были не особо впечатляющими: с одной стороны, были построены и отремонтированы больницы, детские сады и школы, а также объекты транспортной инфраструктуры (хотя это было сделано лишь в последние 4 года, через 7—11 лет после объединения); с другой стороны, сохраняются высокие цены на жилье и слабо развита сфера энергетики (было завершено начатое еще до объединения строительство газопровода «Соболево — Петропавловск-Камчатский» и ТЭЦ в Палане, но остались недостроенными остальные четыре обозначенные в указе теплоэлектростанции).

Тем не менее, важно подчеркнуть, что для других отраслей экономики объединение имело больше положительных, чем отрицательных последствий. Особо активно разрабатываются золоторудные месторождения, были образованы новые горно-обогатительные комбинаты, а также активно ведутся геолого-разведочные работы [1]. Также отмечается рост мясомолочной промышленности и рыбного хозяйства, показатели которых, согласно официальным данным, значительно выросли [14]. Оленеводство тоже стало успешно развиваться: с 2010 года реализуется программа «Поддержка и развитие северного оленеводства в Камчатском крае» при финансировании правительства Камчатского края. Оленеводов обеспечили современной техникой, медикаментами, спецсредствами, лучше проводятся зооветеринарные мероприятия, увеличили олений генофонд — все осуществилось при поддержке региональных властей [2]. Негативные тенденции прослеживаются лишь в лесопромышленности: показатели снизились почти на треть с 2009 по 2016 годы [14]. В общем и целом, несмотря на ряд проблем, объединение оказало значительное влияние на рост социально-экономических показателей в регионе.

Объединение двух субъектов также способствовало относительно повышению управленческого уровня в Корякском округе: перенос центра из Паланы в Петропавловск-Камчатский привел к упразднению окружных структур и резкому сокращению местного чиновничества, а Корякский округ фактически переходил под полный контроль Камчатского края (в «особом статусе» не были прописаны те сферы, в которых сохранялась самостоятельность администрации Корякского округа). Тем не менее, чиновники представляли собой образованный слой, который знал свой округ, его сильные и слабые места и которому доверяло население. Теперь же нужно было добираться до далекого Петропавловска-Камчатского, а поблизости не к кому было обратиться за помощью и советом, так как безработные чиновники и их семьи стали уезжать из округа. Помимо этого не был решен вопрос фрагментированности социально-политического пространства в округе, что усугублялось неразвитостью дорожной системы между различными поселениями.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЛАСТИ В КОРЯКИИ И НА КАМЧАТКЕ

КАО и Камчатская область, столкнувшись с рядом серьезных проблем, не хотели изначально объединяться друг с другом, не видя никакого позитивного эффекта от этого. Как отмечают авторы работы «Объединение субъектов Российской Федерации: за и против», региональные власти почти не проявляли никакой инициативы в разработке данного проекта, который в итоге был лишен реального социально-экономического наполнения, поэтому «главной мотивацией объединения стало выражение готовности региональных элит выполнять распоряжение федеральной власти» [12. С. 61—62]. Председатель комитета облсовета по рыбной промышленности и флоту Анатолий Шашкун назвал данный вопрос дилеммой «объединения нищего и голого» [8].

Почему региональные власти, особенно власти в КАО, категорически отказались объединяться, видя ухудшение социально-экономической и демографической ситуации?

Депутатов облсовета Камчатской области волновал бюджетный вопрос, так как у Камчатской области была большая задолженность, которая была еще больше в КАО [8]. Поэтому региональные власти Камчатки боялись не справиться с той ношей, которая свалится на их плечи в виде Корякии. Это касалось и других проблем, с которыми столкнулся КАО [12. С. 61].

Несмотря на вышеперечисленные трудности, никто в Корякии также не хотел объединяться с Камчатской областью. Не сработали и обещания большего объема дотаций и инвестиций в округ в случае согласия на объединение: корякские депутаты считали, что после объединения бюджет будет перераспределяться по остаточному принципу, что больно ударит по и без того проблемной социально-экономической ситуации в Корякии. Помимо этого власти КАО отмечали бесперспективность объединения, официальной целью которого называлось социально-экономическое развитие региона: они понимали, что объединение двух дотационных регионов ничего качественно не изменит. Не возымел успеха и аргумент о поддержке малочисленных народов Севера: его еще озвучивали в период образования КАО в 1993 году, но коренное население продолжало бедствовать [7]. Наконец, главную опасность представляло серьезное сокращение корякского чиновничества, которое должно было последовать за ликвидацией окружных учреждений.

Тем не менее, некоторые доводы в пользу объединения оказались весьма привлекательными для региональных властей двух субъектов. Например, часть депутатов в Камчатской области обращала внимание на искусственное разделение двух субъектов, которое произошло в 1993 году [7]. Возрождение единой Камчатки без административных преград восстановило бы социально-экономические контакты между представителями двух регионов, что способствовало бы улучшению социально-экономической обстановки. Кроме того, создание единого региона могло бы благотворно повлиять на решение транспортных проблем, в частности совместное развитие транспортной инфраструктуры и понижение цен на транспорт, которые являются чрезвычайно высокими для жителей обоих субъектов.

К данным аргументам обращались и депутаты КАО, в поле зрения которых находились также проблемы образования и здравоохранения [12. С. 61—62]: в едином регионе с развитой инфраструктурой у жителей округа была бы возможность обращаться в медицинские и образовательные учреждения области, которые были лучше окружающих.

В результате объединение позитивно повлияло на развитие двух бывших регионов. Оправдались практически все надежды региональных властей в социально-экономической сфере: были устранены административные барьеры с экономических отношений между двумя бывшими субъектами, успешно развивается оленеводство, с 2008 года идет субсидирование авиаперелетов (граждане платят 30—40% от реальной стоимости авиабилета [11]), а также в последние четыре года активно начали развивать транспортную инфраструктуру, хотя до сих пор в большей степени по краю проходят грунтовые и лесные дороги. Кроме того, некоторые опасения региональных властей оказались напрасными: с 2007 по 2016 годы доходы бюджета увеличились в 2,3 раза, причем выросли собственные доходы края, а доля федерального трансферта снизилась с 64% до 54%; расходы выросли в 2,6 раза, причем резко уменьшился дефицит бюджета; с 2007 по 2017 годы кредиторская задолженность упала с 1,5 млрд рублей до 48 млн рублей, а государственный и муниципальный долг сократился на 26% [1]. То есть объединение не ухудшило, а улучшило ситуацию с бюджетом: правительство края приложило много усилий для сокращения долгов, роста собственных доходов бюджета, снижения дотационности и увеличения расходов.

В управленческом аспекте для камчатского чиновничества объединение сыграло только положительную роль: под их контроль перешел другой субъект Федерации, область стала краем, а значит повысился их экономический и политический статус среди регионов РФ.

В отношении корякского чиновничества объединение имело двоякие последствия. С одной стороны, были ликвидированы «окружные суд, прокуратора, милиция... другие федеральные структуры» [12. С. 65], в результате чего многие корякские чиновники остались без работы и им пришлось уехать из округа. Особый статус округа фактически не оставляет самостоятельности для окружной власти: глава об особом статусе округа в уставе Камчатского края, которая представляет собой единственный документ по данному вопросу, является самым маленьким по объему и содержанию среди прочих документов об особом статусе бывших автономных округов и не дает конкретных деталей «особости» Корякского округа (кроме того факта, что в округе проживают малочисленные народы Севера). С другой стороны, корякские депутаты получили больше всего мест в законодательном собрании — 20%.

ГРАЖДАНЕ КАМЧАТСКОГО КРАЯ

Намеченный референдум об объединении двух субъектов Федерации, как и любое другое политическое решение, имело своих сторонников и противников, однако здесь была интересная деталь: в то время как противники представляли свои

аргументы против необходимости объединения, сторонники не являлись ими в прямом смысле этого слова, а лишь осознавали неизбежность референдума и невозможность повлиять на его отмену [6]. Поэтому можно заключить, что большинство населения не стремилось быть в составе единого региона и не рассчитывало на положительные результаты объединения. Это подтверждает и низкая явка избирателей в Камчатской области, где она кое-как перевалила за 50%.

Прежде всего жителей Камчатской области пугало то, что в ситуации, когда их правительство не может разрешить множество своих проблем, присоединение КАО лишь усугубит их положение. В первую очередь, придется иметь общий бюджет с округом, где существуют высокая задолженность, большое количество убыточных предприятий и спад производства, а это означает возможное обострение социально-экономических проблем области. Такая вероятность особо беспокоила население в том плане, что были бы возможны проблемы с отоплением и энергоснабжением области, на которое будет расходоваться меньше средств ввиду прироста территории субъекта [15].

Представителям Корякского автономного округа не нравился проект об объединении в двух аспектах. Во-первых, слияние регионов не будет стимулировать экономический рывок и выход из застарелых проблем округа, поэтому нужно сначала преодолеть эти трудности, а затем уже задумываться о возможности объединения [6]. Во-вторых, возникла неуверенность в последствиях для малочисленных народов Севера после референдума, так как это могло еще больше осложнить жизнь постепенно уменьшающегося коренного населения. Считалось, что это даже станет серьезным препятствием для положительного исхода голосования [15].

Тем не менее, референдум был проведен и единый регион был образован. По происшествии 10 лет у населения все же сохраняется более отрицательный настрой по отношению к объединению, чем положительный: 50% выступают против объединения, а 39% поддерживают его [13].

Если соотнести ожидания населения с реальностью, то на первый взгляд результаты являются только отрицательными, так как, несмотря на улучшение бюджетных показателей, в 2017—2018 годах население охватили протестные настроения в связи с ухудшением социально-экономической ситуации. Однако анализ итогов реформы осложняется тем, что на реальные плюсы и минусы объединения наслаиваются проблемы общегосударственного уровня в связи с введенными западными санкциями и увеличением курса доллара с 2014 года. Например, камчатцы жалуются на чрезмерно высокий уровень потребительских цен, однако здесь в основном стоит говорить об общегосударственных проблемах с 2014 года, так как до этого периода покупательная способность населения росла достаточно высокими темпами [14]. То же самое относится к реальной заработной плате населения, которая начала снижаться лишь с 2014 года [14], и уровню бедности, которая до 2014 года снижалась на 1—2% в год и затем снова выросла до уровня 2010 года [14]. Из реальных проблем, относящихся непосредственно к объединению, стоит выделить то, что почти по всем индикаторам вырос уровень

заболеваемости населения [14], что отмечается жителями края не как следствие состояния медицинских учреждений, а как результат некомпетентности медицинского персонала, в котором снизилось количество профессиональных работников [3]. Кроме того, сохраняются проблемы с началом отопительного сезона края, а дороги находятся в непригодном состоянии — большую часть составляют лесные дороги [4]. Как проблемы слияния двух субъектов, так и социально-экономические вызовы 2014 года привели к значительной убыли населения за счет растущей эмиграции.

На данный момент сохраняются и некоторые положительные тренды после референдума: уровень безработицы продолжает падать, традиционное хозяйство малочисленных народов получает хорошую финансовую поддержку, транспорт постепенно обновляется, строятся новые больницы, школы и спортивные центры, а жители Корякии имеют возможность добраться до Петропавловска-Камчатского по льготным ценам.

Таким образом, в социально-экономическом плане объединение сыграло в основном позитивную роль: ситуация осложнилась лишь теми трудностями, которые не касались самой реформы.

В отношении управления, как говорилось ранее, реформа лишь осложнила жизнь населения: теперь центр переехал в Петропавловск-Камчатский, куда было значительно труднее добраться ввиду часто неблагоприятных погодных условий и технических проблем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На далеком, но крайне важном для России полуострове Камчатка объединились два субъекта Федерации, образовав единый Камчатский край. Как и в некоторых других российских регионах, здесь в 2000-е годы разгорелась оживленная дискуссия о перспективах существования новой административно-территориальной единицы, ее преимуществах и недостатках. Федеральные власти страстно желали создать один субъект, в котором улучшилась бы экономическая и политическая обстановка. В рядах региональных властей Камчатки и Корякии существовало больше скепсиса в отношении благополучного развития нового края, причем больше оснований на недовольство было у властей КАО. Обычное население боялось увеличения/ликвидации своего субъекта, что могло негативно отразиться на его невысоком уровне жизни.

Тем не менее, результат оказался крайне необычным: регион, в который входили два дотационных субъекта с высокой задолженностью и множеством проблем различного характера, стал медленно, но уверенно развиваться и постепенно выпутываться из своих проблем. В экономике края продолжает страдать ряд отраслей промышленности, дорожная сеть остается в примитивном состоянии, а также сохраняется высокий уровень заболеваемости населения, но реформа дала свой положительный толчок к дальнейшему социально-экономическому развитию, который затем перешел в отрицательную тенденцию ввиду непредвиденных обстоятельств 2014 года. В политико-административном плане федеральный Центр получил более подконтрольную территорию, что не соответствовало ожи-

даниям окружных властей и их электората. Тем не менее, федеральные и региональные власти продолжают испытывать большие затруднения в данной сфере: управляемость крайне зависит от географического фактора, и пока в округе недостаточно развита транспортная инфраструктура, будет сложно добиться необходимого уровня управления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Владимирова М.* Дмитрий Коростелёв — о росте экономики края // Камчатский край. 04.07.2017. Режим доступа: <http://kam-kray.ru/news/12168-dmitrii-korostelyov-o-roste-ekonomiki-kraja.html>. Дата обращения: 01.08.2018.
- [2] *Владимирова М.* Такая вкусная оленина, такое трудное оленеводство // Камчатский край. 15.10.2014. Режим доступа: <http://kam-kray.ru/news/2014/10/15/takaya-vkusnaya-olenina-takoe-trudnoe-olenevodstvo.html>. Дата обращения: 01.08.2018.
- [3] *Демиденко О.* Камчатка встает на дыбы: недалёко до беды? // ИА REGNUM. 30.07.2018. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2455975.html>. Дата обращения: 01.08.2018.
- [4] *Демиденко О.* Недалеко до беды? На Камчатке давно беда! // ИА REGNUM. 03.08.2018. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2458714.html>. Дата обращения: 05.08.2018.
- [5] *Дорогин В.* Забытый регион, или почему Камчатка, благодатный край с уникальными возможностями, живет на дотациях // Региональная экономика: теория и практика. 2003. № 2(2). С. 2—6.
- [6] Жители Корякии неоднозначно относятся к объединению с Камчаткой // ИА REGNUM. 06.04.2005. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/433747.html>. Дата обращения: 01.08.2018.
- [7] Жители Корякии против слияния с Камчатской. Зачем объединять «голового и нищего»? // РИА Новый День. 13.04.2005. Режим доступа: <https://newdaynews.ru/fareast/22707.html>. Дата обращения: 01.08.2018.
- [8] *Кравченко М.* Камчатские депутаты одобрили объединение с Корякией на деньги федерального центра // Издательский дом Коммерсантъ. 27.04.2005. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/573820>. Дата обращения: 01.08.2018.
- [9] *Кынев А.* Демократия в нищете: Корякия избрала губернатора без надежды на лучшее // Демократия.ру. 28.04.2004. Режим доступа: <http://www.democracy.ru/article.php?id=591>. Дата обращения: 01.08.2018.
- [10] *Кынев А.* Недостижимая симметрия: об итогах «укрупнения» субъектов Российской Федерации // Неприкосновенный запас. 2010. № 3. Режим доступа: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_71/6967-nedostizhimaya-simmetriya-ob-itogax-ukrupneniya-subektov-rossijskoj-federacii.html. Дата обращения: 01.08.2018.
- [11] На субсидирование авиаперелетов по Камчатке направлено порядка 500 млн рублей // Официальный сайт исполнительных органов государственной власти Камчатского края. 14.03.2018. Режим доступа: <https://kamgov.ru/news/na-subsidirovanie-aviapereletov-pokamcatke-napravleno-poradka-500-mln-rublej-15028>. Дата обращения: 01.08.2018.
- [12] Объединение субъектов Российской Федерации: за и против / Под ред. С. Артоболевского, Е. Гонтмахера. М.: Институт современного развития, 2010. 176 с.
- [13] Опрос: жители края неоднозначно относятся к объединению Камчатской области и Корякии // ИА «Кам 24». 30.06.2017. Режим доступа: <https://www.kam24.ru/news/main/20170630/49656.html>. Дата обращения: 01.08.2018.
- [14] Официальная статистика // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Камчатскому краю. Режим доступа: http://kamstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kamstat/ru/statistics/. Дата обращения: 01.08.2018.
- [15] *Соколов А.* Камчатку пугает объединение с Корякией // Правда.Ру. 18.07.2006. Режим доступа: <https://www.pravda.ru/society/family/purse/18-07-2006/191011-kamchatka-0/>. Дата обращения: 01.08.2018.

- [16] Указ Президента РФ от 21 октября 2005 г. № 1227 «О мерах по социально-экономическому развитию Камчатской области и Корякского автономного округа» // Информационно-правовой портал Гарант.ру. Режим доступа: <http://base.garant.ru/6194566/>. Дата обращения: 01.08.2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-484-495

THE CONSEQUENCES OF MERGING KAMCHATKA REGION AND KORYAKSKY AUTONOMOUS DISTRICT

I.U. Okunev, R.S. Shilovskiy

Moscow State Institute of International Relations (University)
Under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76 Vernadsky Avenue, Moscow, Russian Federation, 119454

Abstract. As part of the 2000s federal reforms, two constituent units of the Russian Federation were merged: the Kamchatka Region and the Koryaksky Autonomous District. As a result, the Kamchatka Territory was formed. Before the merging, these regions had had a variety of problems, which the federal government attempted to resolve by creating a new territorial unit. The local authorities and residents were highly skeptical as to the prospects of the new region's further development. From the perspective of the interests of various groups, the unification results were rather ambiguous, as despite the first years' successful economic and social performance indicators, management problems remained. The consequences of the merging continue to have a great impact on the modern economic, social and political situation in the region. The present study aims to analyze the after-effects of merging the Kamchatka Region with the Koryaksky Autonomous District into the Kamchatka Territory taking into consideration the motives and interests of federal authorities, local governments and the two regions' population. Document analysis, analysis of statistical data and comparative method are used in this study. There are a few research works about the Kamchatka unification; and this study presents an attempt to assess the objective changes since the formation of the Kamchatka Territory until now, taking into account the perspectives of different political actors.

Key words: merging Russian regions, Kamchatka Territory, Kamchatka Region, Koryaksky Autonomous District, regional management, economic and social development

REFERENCES

- [1] Vladimirova M. Dmitriy Korostelev — o roste ekonomiki kraja [Dmitri Korostelev on the Economic Growth in the Region]. *Newspaper "Kamchatskiy kray"*. 04.07.2017. Available from: <http://kam-kray.ru/news/12168-dmitrii-korostelyov-o-roste-ekonomiki-kraja.html>. Accessed: 01.08.2018 (In Russ.).
- [2] Vladimirova M. Takaya vkusnaya olenina, takoe trundnoe olenevodstvo [Venison is So Tasty, Deer Farming is So Hard]. *Newspaper "Kamchatskiy kray"*. 15.10.2014. Available from: <http://kam-kray.ru/news/2014/10/15/takaya-vkusnaya-olenina-takoe-trudnoe-olenevodstvo.html>. Accessed: 01.08.2018 (In Russ.).
- [3] Demidenko O. Kamchatka vstaet na dibi: nedaleko do bedi? [Kamchatka is Up in Arms: Are we in Trouble?]. *Information Agency REGNUM*. 30.07.2018. Available from: <https://regnum.ru/news/2455975.html>. Accessed: 01.08.2018 (In Russ.).
- [4] Demidenko O. Nedaleko do bedi? Na Kamchatke davno beda! [Are We in Trouble? Kamchatka Has Been in Trouble for a While!]. *Information Agency REGNUM*. 03.08.2018. Available from: <https://regnum.ru/news/2458714.html>. Accessed: 05.08.2018 (In Russ.).

- [5] Dorogin V. Zabitiy region, ili pochemu Kamchatka, blagodatniy kray s unikal'nimi vozmozhnostyami, zhiwet na dotatsiyah [Godforsaken Region, or Why Kamchatka, Land of Plenty with Unique Opportunities, Lives off Allowances]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika*. 2003; 2(2): 2—6 (In Russ.).
- [6] Zhiteli Koryakii neodnoznachno odnosyatsya k ob'edineniyu s Kamchatkoy [Koryakia's Residents Have Mixed Feelings about Merging with Kamchatka]. *Information Agency REGNUM*. 06.04.2005. Available from: <https://regnum.ru/news/433747.html>. Accessed: 01.08.2018 (In Russ.).
- [7] Zhiteli Koryakii protiv sliyaniya s Kamchatkoy. Zachem ob'edinyat' "gologo i nischego"? [Koryakia's Residents Are Against Merging with Kamchatka. Why Unite "a Pauper and a Beggar"?]. *RIA Noviy Den'*. 13.04.2005. Available from: <https://newdaynews.ru/fareast/22707.html>. Accessed: 01.08.2018 (In Russ.).
- [8] Kravchenko M. Kamchatskie deputati odobrili ob'edinenie s Koryakiey na den'gi federal'nogo tsentra [Kamchatka's Lawmakers Have Approved Merging with Koryakia Funded by the Federal Center]. *Kommersant'*. 27.04.2005. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/573820>. Accessed: 01.08.2018 (In Russ.).
- [9] Kinev A. Demokratie v nischete: Koryakiya izbrala gubernatora bez nadezhdi na luchshee [Democracy Below Poverty Line: Koryakia Elected New Governor with no Hope for the Better]. *Demokratiya.ru*. 2004. Available from: <http://www.democracy.ru/article.php?id=591>. Accessed: 01.08.2018 (In Russ.).
- [10] Kinev A. Nedostizhimaya simmetriya: ob itogah "ukrupneniya" sub'ektov Rossiyskoy Federatsii [Infeasible Symmetry: On the Results of "Expanding" Russian Federal Subjects]. *Neprikosnovenniy zapas*. 2010; 3. Available from: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_71/6967-nedostizhimaya-simmetriya-ob-itogax-ukrupneniya-subektov-rossijskoj-federatsii.html. Accessed: 01.08.2018 (In Russ.).
- [11] Na subsidirovanie aviapereletov po Kamchatke napravleno poryadka 500 mln rubley [Around 500 Million Rubles Have Been Allocated to Subsidize Internal Flights in Kamchatka]. *Official website of the executive authorities of the Kamchatka Region*. 14.03.2018. Available from: <https://kamgov.ru/news/na-subsidirovanie-aviapereletov-po-kamchatke-napravleno-poradka-500-mln-rublej-15028>. Accessed: 01.08.2018 (In Russ.).
- [12] *Ob'edinenie subjektov Rossiyskoy Federatsii: za i protiv* [Merging Territorial Units of the Russian Federation: Pros and Cons]. Ed. by S. Artobolevskiy, E. Gontmaher. Moscow: Institut sovremennogo razvitiya; 2010: 176 p. (In Russ.).
- [13] Opros: zhiteli kraya neodnoznachno odnosyatsya k ob'edineniyu Kamchatkoy oblasti i Koryakii [Opinion Poll: The Residents Are Ambivalent about Merging Kamchaka and Koryakia]. *Information Agency "Kam 24"*. 30.06.2017. Available from: <https://www.kam24.ru/news/main/20170630/49656.html>. Accessed: 01.08.2018 (In Russ.).
- [14] Official statistics. *Regional Office of Federal Service for National Statistics in the Kamchatka Region*. Available from: http://kamstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kamstat/ru/statistics/. Accessed: 01.08.2018 (In Russ.).
- [15] Sokolov A. Kamchatku pugaet ob'edinenie s Koryakiey [Kamchatka Fears Merging with Koryakia]. *Pravda.ru*. 18.07.2006. Available from: <https://www.pravda.ru/society/family/purse/18-07-2006/191011-kamchatka-0/>. Accessed: 01.08.2018 (In Russ.).
- [16] *Ukaz Prezidenta RF ot 21 oktyabrya 2005 g. № 1227 "O merah po sotsial'no-ekonomicheskomu razvitiyu Kamchatskoy oblasti i Koryakskogo avtonomnogo okruga* [Decree of the President of Russian Federation of October 21, 2005, No. 1227 "On the Measures for Social-Economic Development of the Kamchatka Region and the Koryaksky Autonomous District"]. Law portal Garant.ru. Available from: <http://base.garant.ru/6194566/>. Accessed: 01.08.2018 (In Russ.).

Сведения об авторах:

Окунев Игорь Юрьевич — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (ORCID ID: 0000-0003-3292-9829) (e-mail: iokunev@mgimo.ru).

Шиловский Ростислав Станиславович — студент факультета управления и политики Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (Россия) (e-mail: Urom-de-hai@mail.ru).

Information about the authors:

Okunev Igor Yurievich — PhD in Political Science, Associate Professor at the Department of Comparative Politics, MGIMO University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-3292-9829) (e-mail: iokunev@mgimo.ru).

Schilovskiy Rostislav Stanislavovich — Associate Professor at the Department of Comparative Politics, MGIMO University (Russian Federation) (e-mail: Urom-de-hai@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 09.08.2018.

Received 09.08.2018.

© Окунев И.Ю., Шиловский Р.С., 2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-496-505

«МОРЕ РОССИЯ» (РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИДЕЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ)

С.Г. Ильинская

Сектор истории политической философии
ФГБУН «Институт философии Российской академии наук»
ул. Гончарная, 12, стр.1, Москва, Россия, 109240

В своей статье автор как альтернативу сформулированной В.Л. Цымбурским историософской и геополитической концепции России как Острова предлагает иную цивилизационно-культурологическую метафору, на его взгляд, более адекватную российской истории и культуре, тем самым вырываясь из понятийного ряда доминирующих в геополитике национальных школ, однозначно ассоциирующих Россию с Сушей, деконструируя целый ряд враждебных ей геополитических концепций. Предложенная метафора подчеркивает как специфичность, «особость», уникальность российской культуры, так и связь ее с «океаном мировой цивилизации». Ее использование позволяет сформулировать «русскую идею» с учетом тех вызовов глобализации, которые на сегодня угрожают российскому государству и русской культуре, а также по-иному трактовать территориальные потери на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: геополитика, российская культура, российская идентичность, толерантность

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ РАКУРС

Прежде чем приступить к изложению собственно концепции, необходимо сказать несколько слов о сотворении геополитической реальности. Можно считать геополитику «лысенковщиной» [7. С. 61], а не наукой, однако сложно оспорить тот факт, что «геополитические мечтания» [4. С. 82] все чаще изменяют политическую реальность. Ибо однажды открытые и вовлеченные в репертуар геополитические «паттерны („хартленд“, „римленд“, „дуги нестабильности“, „разломы между цивилизациями“ и т.п.) обретают собственное виртуальное бытие, способность в подходящий для них момент актуализироваться и вдохновлять политиков и идеологов» [11].

В данной статье мы не будем подробно останавливаться на том, что же такое геополитика и какова ее российская специфика, полагая, что данный вопрос достаточно подробно был освещен в свое время в статье В.Л. Цымбурского «Геополитика как мировидение и род занятий». Мы лишь в качестве альтернативы сформулированной Цымбурским историософской и геополитической концепции России как Острова предложим свою цивилизационно-культурологическую метафору, на наш взгляд, более адекватную текущей политической ситуации, а также российской истории и культуре.

Рассмотрение России не как острова, а как уникального внутреннего озера-моря (вроде Каспийского или Аральского), дает нам ряд преимуществ. Во-первых,

таким образом мы вырываемся из понятийного ряда доминирующих в геополитике национальных школ, однозначно ассоциирующих Россию с Сушей, деконструируя целый ряд враждебных ей геополитических концепций (от Хартленда, Внутреннего и Внешнего Полумесяцев Хэлфорда Маккиндера до политики сдерживания Николаса Спайкмена). Во-вторых, аналогия воды позволяет метафорически привлечь в концепцию дополнительное качество «текучести», некую цивилизационную субстанцию (российскую культуру), способную проникать и заполнять собою прилегающее пространство. В-третьих, почему, собственно, Море? Причем не просто море, а озеро-море. Такая метафора подчеркивает как специфичность, «особость», уникальность российской культуры, так и связь ее с «океаном мировой цивилизации». Даже внутреннее море в исторической перспективе «дышит», т.е. может временами мелеть, а может и расширяться. Вот почему действия «Русского мира» по сохранению и расширению пространства русской культуры представляются нам верно сформулированной задачей.

ИСТОРИКО-ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Восточный мир (китайская, арабская, индийская цивилизации) имеет свои геополитические паттерны, которые по ряду оснований оставлены за пределами данной статьи. Ключевые из них: китайские и индийские конструкты, в отличие от западных, не доминируют в глобальном масштабе, а арабо-мусульманские (обладающие глобальными претензиями) — не заимствуются отечественным обществознанием на государственном уровне в течение последних 30 лет вкупе с общим набором социально-политических разработок.

Господствующая американская школа геополитики опирается на англосаксонско-протестантскую (с включением норманнского и венецианско-иудейского компонента) культурную основу, существенно отличающуюся от отечественной руссо-финно-угорско-православной с тюрко-мусульманским влиянием.

Исторически первый тип формировался, осваивая новые земли весьма специфическим образом, в ходе которого превалировала тактика «выжженной земли». В процессе колонизации англо-саксонскими племенами Британских островов были уничтожены бритты — коренные кельтские жители. Экспансия викингов, а затем и норманнское завоевание Англии имело те же последствия, только масштабы погибшего населения оказались ниже. Самоистребление высшей элиты в ходе войны Алой и Белой Розы открыло небывалые по тем временам каналы вертикальной мобильности для ее рекрутирования из мелкопоместного дворянства (джентри) и даже торгового сословия. В результате этого процесса на вооружение берутся такие иудео-венецианские практики [3], которые позволили Англии потеснить Нидерланды и стать «владычицей морей», а позднейшим геополитическим концепциям однозначно классифицировать англо-саксонско-протестантскую цивилизацию как «Цивилизацию Моря». В процессе колонизации Нового Света, когда были практически полностью истреблены североамериканские индейцы и аборигены Австралии, приравнены к «черному дереву» африканцы, ввозимые на Американский континент в качестве рабов, тактика «выжженной земли»

наследуется США, которые после Второй мировой войны начинают лидировать на морских пространствах. А данную цивилизацию теперь принято называть атлантической (атлантистской).

В отличие от Британской империи Российская расширилась принципиально иначе. «Море» российской культуры питалось «ручейками» и «реками» культур малых народов. В освоении земель превалировала тактика «присоединенной земли» и включающей культуры, преимущественно мирное освоение и дружественное отношение к коренным этносам (особенно в Сибири). Это не значит, что в процессе расширения Российской империи не приходилось воевать, однако тотального истребления коренного населения осваиваемых земель старались избежать, поскольку инородцев воспринимали в качестве людей, признавая к тому же за ними право сохранения традиций и верований (будь то буддизм, ислам или язычество).

Вынужденный характер приграничных войн был продиктован тем, что русские земли по большей части их периметра были окружены кочевыми и горскими племенами, имевшими принципиально иную культуру хозяйствования. Необходимость отражения и прекращения грабительских набегов диктовала стратегию укрепления государства, тактику строительства крепостей, заставляла воевать в Крыму, на Кавказе, в Средней Азии.

Несмотря на то, что политика русификации и христианизации время от времени проводилась, все этнические группы, включенные в Российскую империю, сохранили свою обрядность и религию, приумножили численность. В армии новобранцев приводили к присяге не только попы, но и муллы, ламы, даже шаманы.

В Финляндии институты будущей государственности сформировались и укрепились именно в тот период, когда она находилась в составе Российской империи. То же можно сказать и о бывших советских республиках — в настоящее время суверенных государствах.

В конце 1990-х — начале 2000-х годов, когда уже были ясны первые результаты третьей волны демократизации [10], в компаративных политических исследованиях стала интенсивно развиваться тема политической культуры. Именно ею объясняли, почему в различных странах институты демократии и парламентаризма укоренились с определенными особенностями. Большую популярность получили исследования политических систем молодых демократий Африканского континента, Латинской Америки. Культурные традиции ложились в основу объяснительных моделей Хуана Линца, Джованни Сартори, Сеймура Липсета и многих других авторов, обосновывающих в дискуссиях на страницах *Journal of Democracy*, почему в одних государствах сформировалась парламентская, а в других — президентская демократия. Татьяна Ворожейкина много писала тогда об особенностях гражданских институтов латиноамериканских стран, в основе которых лежали католические корни [1].

Однако религиозный фактор был также одним из важнейших в отношении к коренному населению колонизируемых земель еще в период их освоения. Католики, протестанты и православные в своих контактах с аборигенами демонстриро-

вали принципиально различные стратегии взаимодействия. При всех жестокостях португальских и испанских конквистадоров они считали индейцев людьми и брали индианок в жены. Активно развернувшаяся после колонизации миссионерская деятельность католических священников привела к тому, что степень истребления коренного населения в Центральной и Южной Америке была существенно ниже, нежели в Северной. В итоге (в отличие от США и даже Канады) здесь сформировался весьма пестрый этно-расовый состав населения.

Ответ на вопрос: почему католическая традиция в принципе признавала за туземцами право на то, чтобы считаться людьми, и активно осуществляла миссионерскую деятельность, а протестантская занималась планомерным уничтожением, — заключается в том, как в эсхатологии каждой из традиций видится спасение (коллективно или индивидуально). Реформация привела к революционным сдвигам в сознании, именуемым процессом «индивидуализации веры» [2], что в целом было весьма прогрессивно для развития капиталистических отношений, однако определенным образом сказалось на восприятии Другого.

Отношение протестантских переселенцев к коренному населению Северной Америки наилучшим образом иллюстрирует рассуждение Дэвида Юма в работе «Исследования о принципах морали». В главе 3 «О справедливости» Юм, рассматривая категорию справедливости совокупно с появлением собственности, утверждает, что изобилие делает справедливость бесполезной: «Зачем называть этот предмет моим, когда, если им завладевает кто-нибудь другой, мне стоит лишь протянуть руку, чтобы самому овладеть равноценным предметом?» [14. С. 224—225]. Затем он ставит вопрос о том, должны ли люди ограничивать «справедливостью» свои аппетиты в отношении земель других «сущест, которые, будучи мыслящими», обладают, однако, «столь незначительной духовной и телесной силой», что «не способны оказать какое-либо сопротивление» [14. С. 231]. «И так как проявление такого могущества... не приводит ни к каким неудобствам, то сдерживающие начала справедливости и собственности, будучи совершенно бесполезными, никогда не имели бы места... Величайшее превосходство цивилизованных *европейцев* над дикими *индейцами* вводит нас в искушение вообразить себя в том же самом положении по отношению к ним [как к животным — примеч. С.И., курсив Д.Ю.] и избавиться от всех сдерживающих начал справедливости и даже человеколюбия в обращении с ними» [14. С. 232].

Итак, Юм дает отрицательный ответ на поставленный им вопрос: «это было бы абсолютное господство, с одной стороны, и абсолютное повиновение — с другой» [14. С. 232], — поскольку в его «коммунитаристской» теории справедливость не существует как «универсальное» абстрактное понятие, а является только «нашей» традицией, не распространяемой на «других», к ней не принадлежащих.

Русско-православная традиция (в отличие не только от англо-шотландско-протестантской, но и от католической) всегда признавала за туземцами право на «их» земли, поскольку имела иное мировосприятие. Разрыв отношений Рима и Константинополя в 1054 году был неслучаен и имел в своей основе множество обрядовых, догматических и этических разногласий, но не это главное. Раскол

христианства на Западное и Восточное обусловил жесткое требование подчинения со стороны первого. Впоследствии две разные логики религиозного сознания, развиваясь обособленно, породили два принципиально отличных типа восприятия Другого и взаимоотношений с Ним. Если Папа Римский был заместителем Бога на Земле (что для православного сознания было немыслимо), то Патриарх Константинопольский считался лишь первым среди равных церковных иерархов.

Надо сказать, что основания не признавать примат Рима у Византии были. Когда в V веке варварские племена, создавшие впоследствии современную западноевропейскую цивилизацию и культуру, разгромили ослабевший Рим, Византия на протяжении восьми столетий оставалась единственной прямой наследницей античной культуры, пока в 1204 году в нее не вторглись далекие потомки тех самых варваров — крестоносцы. Отличительным свойством западноевропейской культуры является восприятие иных — даже самых высокоразвитых цивилизаций планеты — как объектов приложения своих сил, не обладающих собственной безусловной ценностью. Это присуще и «среднему» человеку Запада, и крупнейшим его мыслителям [6. С. 46—47]. С одной стороны, данное свойство помогло западноевропейской культуре сыграть грандиозную роль в истории человечества, с другой — западный отказ в признании всемирно-исторической ценности Другого особенно ярко проявляется в отношении истории Византийской империи и ее наследницы — России. По мнению Вадима Кожинова, объясняется это достаточно просто: «Византия была единственной прямой соперницей Запада», опережала Запад, «развертывала свое самостоятельное, своеобразное культурное творчество» [6. С. 49], в котором не было ничего подобного средневековой инквизиции или гонениям на иудеев. Отчасти это объясняется сложившимся в Византии единством церкви и государства, которое Кожинов определил как «идеократическое» (имея в виду власть православных идей), тогда как более рационально устроенные государства Западной Европы он назвал термином «номократия» (имея в виду власть закона) [6. С. 52].

Другой причиной более высокой терпимости внутри самой Византии и одновременно — ее неприятия Западом является ее евразийская сущность. В доказательство данного тезиса историк говорит об имманентном расизме даже самых гуманистических идеологов Запада, а также приводит тот факт, что любой человек, исповедующий православие, мог занять в Византийской империи самый высокий пост: «так, император Лев III Великий (VIII век) был сирийцем, Роман I Лакапин (X век) — армянином, а патриарх Константинопольский Филофей (XIV век) — евреем» [6. С. 55]. «Россия, подобно Византии, сложилась и как *евразийское*, и как *идеократическое* государство» (курсив В.К.) [6. С. 58], чем также «заслужила» западное непонимание и неприятие.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПОДОПЛЕКА

Подобные утверждения выглядят на первый взгляд странными, т.к. современный Запад принято считать торжеством толерантности и политкорректности. Однако авторская позиция проясняется, если принять во внимание тот вывод,

к которому я пришла более 10 лет назад, анализируя западные теории толерантности (Локка, Канта и Милля): все они были сформулированы вынужденно, когда не стало возможности далее игнорировать и подавлять Другого, и получили практическое применение в отношении тех Других, которые уже перестали быть угрозой в военном или политическом отношении. Сначала вопрос пытаются решить радикально, путем физического истребления Других, представляющих опасность или имеющих потенциал конкурировать. Именно этим, кстати, объясняется нетерпимость к «сильной» России (слабую просто игнорируют).

Последовательно рассматривая возникшие на Западе теории толерантности, я сделала вывод, что любая европейская версия терпимости, на чем бы она ни основывалась: нецелесообразности вмешательства в частную сферу (терпимость Локка достигается разделением публичной и частной ипостасей), правах человека (терпимость Канта достигается соблюдением неотчуждаемых индивидуальных прав) или автономии индивида (терпимость Дж. Ст. Милля достигается устранением подавления внутри гражданского общества), имеет серьезные ограничения для тех, на кого она распространяется [5. С. 41]. Новые модели формулируют путем установления или смещения границ толерантности (в каждом случае есть свои исключения, на которых терпимость не распространяется).

В концепции Локка это атеисты, паписты и магометане (а также любые нетерпимые, в чьем мировоззрении прочно утвердились опасные для государства убеждения) [5. С. 22]. Терпимость в интерпретации Канта (помимо очевидных достоинств) ставит под вопрос любое многообразие, навязывая «естественные» права тем, для кого они могут стать тяжким бременем, и не распространяется на нереспубликанские государства. Та логика, в которой сейчас осуществляется либеральная демократизация мира — кантовская логика, делающая невозможным признание любой неправовой (не либерально-правовой) власти [5. С. 54—55]. Поборник свободы Джон Стюарт Милль оправдывал ведущий к прогрессу патерналистский деспотизм в отношении «варварских» народов [5. С. 71—72]. Условием защиты прав одной группы в каждом случае является ограничение или уничтожение прав другой.

В то время как в православно-христианской теории толерантности Вл. Соловьева, основанной на его концепции всеединства, терпимость постулируется, исходя из общности происхождения людей, и направлена на исполнение каждым народом данного ему религиозно-нравственного закона: единство в многообразии! Современное переосмысление его идей, в том числе понимания нации как этапа, ступени развития в направлении к общечеловеческому и универсальному, позволяет переключиться с этнокультурного антагонизма и конфронтации, борьбы за обретение политического суверенитета на развитие каждым народом собственной культуры [5. С. 196—197].

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОТВЕТ

В 1990-е годы в российской политологии появился яркий автор, которому, по выражению Б.В. Межуева, «как ни одному другому мыслителю современной России удалось совместить прагматический реализм во внешней политике с цивили-

лизационной политикой идентичности». Его теория позволила обрести российскому бытию новый смысл, поскольку объясняла, «почему Россия может принять существующие границы своего государства, не думая ни про имперский реванш, ни про националистическую ирреденту, но почему в то же время Россия должна всеми силами препятствовать полному взятию лимитрофных территорий под контроль структурами Евро-Атлантики» [8].

Если крайне упрощенно сформулировать суть разногласий между двумя геополитическими концепциями, возникшими практически одновременно: Сэмюэля Хантингтона и Вадима Цымбурского, то она заключается в следующем. С точки зрения Хантингтона относительно мирное сосуществование цивилизаций возможно лишь тогда, когда они будут занимать свои традиционные географические ареалы [9]. Цымбурский же настаивал на том, что всегда будут лимитрофные территории, переходящие из-под влияния одной цивилизации под влияние другой, выполняющие роль «проливов» или даже «континентального шельфа» [12]. Его вариант цивилизационной геополитики включал: различение для каждой цивилизации этнического и геополитического ядра и периферии; тезис об отсутствии непреходимых границ между перифериями соседних цивилизаций; ставку на консолидацию и развитие цивилизационного ядра [13. С. 940]. Проблема же, однако, заключалась в том, что атлантическая цивилизация имеет агрессивный характер и перманентно стремится к расширению. Ее проникновение в арабо-мусульманский ареал в ходе «Арабской весны» 2011 года породило такое количество непредсказуемых последствий (в том числе наплыв в Европу мигрантов из стран Ближнего и Среднего Востока), что вызвало утрату актуальности многих классических геополитических концепций.

Конечно, мощный флот, включающий современные авианосцы, имеет и поныне большое значение как фактор глобального могущества. Однако высокий уровень человеческой мобильности, сетевой характер, неопределимость и множественность структур идентичности, плотная техническая и электронная оснащенность, цивилизационный антагонизм и культурная мозаичность, другие особенности мира сегодняшнего привели к появлению новых угроз, создаваемых и реализуемых малыми силами и возможностями.

Концепция «Русского мира» только начала формироваться, когда ушел из жизни Вадим Цымбурский, вот почему, возможно, он не успел прореагировать на нее в своих работах. Данный идентификационный конструкт имеет ряд достоинств, как мне кажется, до сих пор не в полной мере оцененных. Это, во-первых, его гибкость и неформальный характер и, как следствие, способность легко проникать через государственные границы, что роднит данный идеологический продукт с такими современными сетевыми феноменами, как международная диаспора (китайская, армянская, еврейская и т.д.). Во-вторых, это культурно-языковой способ солидарности, исключая жесткую привязку к этничности, выгодно отличающий также, например, мусульманскую умму. В-третьих, одномоментная «всемирность» и укорененность данного вида самоидентификации в русской традиции и культуре.

Дополнение концепта «Русский мир» геополитической метафорой «Море Россия» позволяет осмыслить «русскую идею» с учетом тех вызовов глобализации, которые на сегодня угрожают российскому государству и русской культуре, а также по-иному трактовать территориальные потери последних 30 лет на постсоветском пространстве. Поскольку российская цивилизация обладает толерантностью иного характера, нежели западная, и является уникальной в этом своем качестве, то те культурно-государственные субъекты постсоветского пространства, которые хотят сохранения своей идентичности, в перспективе обречены на возвращение в «Русский мир», в ходе очередного повышения уровня «Моря Россия».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Ворожейкина Т.Е.* Специфика гражданского общества в Аргентине // МЭиМО. 1996. № 6. С. 97—106.
- [2] *Глинчикова А.Г.* Раскол или срыв «русской Реформации»? М.: Культурная революция, 2008. 384 с.
- [3] *Делягин М.* Правила богатства: истреби аристократию, уничтожь крестьянство и создай банк. Факторы британского превосходства. Режим доступа: <http://delyagin.ru/articles/187-pozitsija/59601-factory-britanskogo-prevoskhodstva>. Дата обращения: 24.09.2018.
- [4] *Ильин М.В.* Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // Полис. Политические исследования. 1998. № 3. С. 82—94.
- [5] *Ильинская С.Г.* Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика. М.: Праксис, 2007. 288 с.
- [6] *Кожин В.В.* От Византии до Орды: история Руси и русского слова. М.: Эксмо; Алгоритм, 2011. 560 с.
- [7] *Косолапов Н.А.* Геополитика как теория и диагноз (метаморфозы геополитики в России) // Бизнес и политика. 1995. № 5. С. 57—61.
- [8] *Межуев Б.В.* «Остров Россия» и российская политика идентичности: неусвоенные уроки Вадима Цымбурского // Россия в глобальной политике. 2017. № 2. Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/Ostrov-Rossiya-i-rossiiskaya-politika-identichnosti-18657>. Дата обращения: 24.09.2018.
- [9] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций // Геополитика: Антология. М.: Академический проект; Культура, 2006. С. 591—627.
- [10] *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.
- [11] *Цымбурский В.Л.* Геополитика как мировидение и род занятий // Полис. Политические исследования. 1999. № 4. С. 7—28.
- [12] *Цымбурский В.Л.* Народы между цивилизациями // Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы 1993—2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 212—238.
- [13] *Цымбурский В.Л.* Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика // Геополитика: Антология. М.: Академический проект; Культура, 2006. С. 935—966.
- [14] *Юм Д.* Исследование о принципах морали // Юм Д. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1965. 928 с.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-496-505

THE SEA OF RUSSIAN CULTURE (RUSSIAN IDENTITY AND THE CONCEPT OF TOLERANCE)

S.G. Ilinskaya

The Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
Goncharnaya str., 12, Moscow, Russian Federation, 109240

Abstract. As an alternative to V.L. Tsymbursky's historic-philosophical and geopolitical concept of "Russia as an Island", the author suggests her own cultural metaphor that is more adequate to Russian history and civilization. While in leading national geopolitical schools, Russia is associated with Land, the author puts forward a new concept comparing Russia to Sea, thus deconstructing a number of opposing geopolitical ideas. The proposed metaphor underlines both the specificity, "singularity", and uniqueness of Russian culture and its association with the «ocean of world civilization». This metaphor helps formulate a "Russian idea" in the light of new global challenges that threaten the Russian state and Russian culture today. It also helps to get a better insight into the geographical losses on the Post-Soviet territory.

Key words: geopolitics, Russian culture, Russian identity, tolerance

REFERENCES

- [1] Vorozheikina T.E. Specificity of civil society in Argentina. *Global economy and international relations*. 1996; 6: 97—106 (In Russ.).
- [2] Glinchikova A.G. *Raskol ili sryv «russkoj Reformacii»?* [The Split or Breakdown of "Russian Reformation"?]. Moscow: Kul'turnaya revolyuciya; 2008. 384 p. (In Russ.).
- [3] Deliagin M. *Pravila bogatstva: istrebi aristokraciyu, unichtozh' krest'yanstvo i sozdaj bank. Faktory britanskogo prevoskhodstva* [The Rules of Wealth: Exterminate the Upper Class, Annihilate the Peasants, and Establish your Own Bank. Factors of British Superiority]. Available from: <http://delyagin.ru/articles/187-pozitsija/59601-factory-britanskogo-prevoskhodstva>. Accessed: 24.09.2018 (In Russ.).
- [4] Il'in M.V. Etapy stanovleniya vnutrennej geopolitiki Rossii i Ukrainy [Stages of Evolution of Internal Geopolitics of Russia and Ukraine]. *Political studies*. 1998; 3: 82—94 (In Russ.).
- [5] Ilinskaya S.G. *Tolerantnost' kak princip politicheskogo dejstviya: istoriya, teoriya, praktika* [Tolerance as a Principle of Political Action: History, Theory, Practice]. Moscow: Praxis; 2007. 288 p. (In Russ.).
- [6] Kozhinov V.V. *Ot Vizantii do Ordya: istoriya Rusi i russkogo slova* [From Byzantium to the Horde: History of Ancient Rus and Russian Vocabulary]. Moscow: Eksmo; Algoritm; 2011. 560 p. (In Russ.).
- [7] Kosolapov N.A. Geopolitika kak teoriya i diagnoz (metamorfozy geopolitiki v Rossii) [Geopolitics as a Theory and Diagnosis (Metamorphoses of Geopolitics in Russia)]. *Business and politics*. 1995; 5: 57—61 (In Russ.).
- [8] Mezhuiev B.V. «Ostrov Rossiya» i rossijskaya politika identichnosti: neusvoennye uroki Vadima Cymburskogo ["Russia as an Island" and Russian Identity Policy: Unlearned Lessons of Vadim Tsymbursky]. *Russia in global politics*. 2017; 2. Available from: <http://globalaffairs.ru/number/Ostrov-Rossija-i-rossijskaya-politika-identichnosti-18657>. Accessed: 24.09.2018 (In Russ.).
- [9] Huntington S. Stolknovenie civilizacij. *Geopolitika: Antologiya* [The Clash of Civilizations. *Geopolitics: Anthology*]. Moscow: Akademicheskij projekt; Kul'tura; 2006: 591—627 (In Russ.).
- [10] Huntington S. *Tret'ia volna. Demokratizaciya v konce XX veka* [The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century]. Moscow: ROSSPEN; 2003. 368 p. (In Russ.).
- [11] Tsymburskii V.L. Geopolitika kak mirovidenie i rod zanyatij [Geopolitics as a World View and Occupation]. *Political studies*. 1999; 4: 7—28 (In Russ.).

- [12] Tsymburskii V.L. *Narody mezhdru civilizacijami. Ostrov Rossiya: Geopoliticheskie i hronopoliticheskie raboty 1993—2006* [Peoples between Civilizations. Russia as an Island: Geopolitical and Chronopolitical works, 1993—2006]. Moscow: ROSSPEN; 2007: 212—238 (In Russ.).
- [13] Tsymburskii V.L. *Rossija — Zemlja za Velikim Limitrofom: civilizacija i eyo geopolitika. Geopolitika: Antologija* [Russia, a Land Behind the Great Limitrophe: Civilization and Geopolitics. *Geopolitics: Anthology*]. Moscow: Akademicheskij proekt; Kul'tura; 2006: 935—966 (In Russ.).
- [14] Hume D. *Issledovanie o principah morali. Sochineniya*. [An Enquiry Concerning the Principles of Morals. *Selected Works*]. Moscow: Mysl'; 1965: Vol. 2 (In Russ.).

Сведения об авторе:

Ильинская Светлана Геннадьевна — кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора истории политической философии ФГБУН «Институт философии Российской академии наук» (ORCID ID: 0000-0002-7402-5265) (e-mail: svetlana_ilinska@mail.ru).

Information about the author:

Ilinskaya Svetlana Gennadievna — PhD, Senior Research Fellow of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-7402-5265) (e-mail: svetlana_ilinska@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 22.03.2018.

Received 22.03.2018.

© Ильинская С.Г., 2018.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-506-515

SINGLE-PARTY DOMINANCE IN ETHIOPIA: FPTP ELECTORAL SYSTEM AND PARLIAMENTARY GOVERNMENT SYSTEM AS CONTRIBUTING FACTORS

E. Bayeh

Ambo University
19, Ambo, Ethiopia

Abstract. The primary objective of this paper is to reveal the role of the FPTP electoral system and the parliamentary government system in reinforcing single-party dominance in Ethiopia. For this purpose, the author uses secondary sources of data in his research. The data analysis showed that both the FPTP electoral system and the parliamentary government system have contributed substantially to the existing single-party dominance in Ethiopia. The FPTP electoral system encouraged a single-party rule by awarding seat advantage in parliament to the stronger party, EPRDF. The parliamentary government system has also promoted single-party dominance across all branches of the government by vesting parliament sovereignty with the EPRDF. The researcher comes to the conclusion that due to the inequality of perspectives and opportunities for all political parties (or no genuine multi-party system), the FPTP electoral system and the parliamentary government system inevitably contribute to the development of single-party dominance, which may further lead to authoritarianism.

Key words: Single-party dominance, Parliamentary government system, FPTP electoral system, EPRDF, Ethiopia

1. INTRODUCTION

Studies on Ethiopian politics reveal that Ethiopia has no genuine democracy due to several factors. One of the main circumstances associated with the existing weak democracy is the existence of single-party dominance in the country [7]. Following the end of the military rule, a coalition party, the Ethiopian People's Revolutionary Democratic Front (EPRDF), seized the governmental control. EPRDF consists of the Tigray People's Liberation Front (TPLF), the Amhara National Democratic Movement (ANDM), the Oromo People's Democratic Organization (OPDO), and the Southern Ethiopian People's Democratic Movement (SEPDM), with TPLF being the dominant faction. Since EPRDF came to power in 1991, it has been a single ruling political party, with no opportunity for opposition to win the office. The ruling party monopolized the political space, kept its opponents out of any sort of meaningful political participation, and perpetuated an authoritarian rule. The successive election results

corroborate this assertion: EPRDF won 96.6% (1992)¹, 90.1% (1995), 87.9% (2000), 66% (2005), 99.6% (2010), and 100% (2015) (See: [1; 2; 3; 12; 21; 28]).

The incumbent party adamantly resisted the emergence of any strong opposition. Ever since the 2005 parliamentary election and the resultant political turmoil, opposing political parties have been severely repressed. The fact that the opposition received substantial popular support in the election came as a shock to the government and forced it to take all necessary steps to suppress and debilitate all opposition parties, media, and civil society organizations [1; 3]. For instance, in 2009, it enacted proclamations on Anti-Terrorism and the Charities and Societies, the true underlying motive of which was to harass and silence journalists, opposition leaders, and *activists*, as well as eliminate several civil society organizations promoting democratization and human rights protection [1]. The 2008 Media proclamation, the 2007 Electoral proclamation, and the 2008 Revised Political Parties Registration proclamation are all restrictive laws enacted subsequent to the shocking 2005 election [1]. EPRDF's suppressing policy drastically narrowed the political space, perpetuated an authoritarian single-party dominance, and erased the border between the ruling party and government in the country.

There has been an ongoing active discussion on the single-party system in Ethiopia among various scholars in the field of politics. Nevertheless, while assessing the factors that contributed to single-party dominance, many authors ignore the role of Ethiopia's First-Past-The-Post (FPTP) electoral system, as well as the parliamentary government system, which became the underlying motive for conducting this research. The current research attempts to shed light on how the FPTP electoral system and the parliamentary government system have reinforced single-party dominance and thus undermined the formation of democracy in the country. In his analysis, the author uses a qualitative research method and relies on secondary sources of data: publications, scientific journals, reports, and legal documents.

2. PARTY SYSTEM: GENERAL INFORMATION

Political parties are organizations of politically like-minded people who seek political power and public office to realize their policy goals [16]. There are different types of party systems. In this article, the author used the classification offered by Newton and Deth [16]: 1) Dominant one-party systems: party systems in which one party dominates all the others; 2) Two-party systems: party systems in which two large parties dominate all the others; 3) Multi-party systems: party systems where several or many leading parties compete; oftentimes, as a result of this competition no single party has an overall majority.

One-party-dominant systems, which are the focus of this paper, are also defined by Sartori as “party systems in which the same party wins an absolute majority in at least three consecutive elections” [8]. Many scholars consider this structure antithetical to the very essence and nature of democracy, as in such systems there is no genuine party competition, because “a single party has managed to govern alone or as the primary and on-going partner in coalitions, without interruption, for substantial periods of

---

¹ This result shows the EPRDF's winning margin in the 1992 regional and local elections.

time” [8]. According to Sartori’s typology, one-party dominance has two varieties, namely *dominant party systems* and *dominant-authoritarian party systems* [8]. Thus, single-party dominance can exist both in democratic and undemocratic regimes. In Ethiopia’s case, there is little room for doubt as to the undemocratic nature of the political regime, as was demonstrated above and will be discussed in the subsequent sections.

2.1. Party System in Ethiopia

The appearance of a political party in Ethiopian politics is a fairly recent phenomenon. There was no legitimate political party up until the end of the monarchical rule [5; 27]. During the imperial regime (the Haile Selassie’s rule), there was no party politics, no right to question the authority of the king, and no right to claim power on the basis of popular election. Establishing political parties was illegal during this era; therefore, opposition forces were forced to operate in the form of rebel fronts from outside the country [27]. Among the opposition groups that fought the imperial regime were the Eritrean Liberation Front (ELF), the Ethiopian National Liberation Front (ENLF), and the Somali Abo Liberation Front (SALF).

Following the collapse of Emperor Haile Selassie’s regime in 1974, a military junta (the Derg) took political power and embraced socialism as their ideology. After a decade of party-less rule, the Derg regime created a single vanguard political party called Workers’ Party of Ethiopia (WPE) [5] and outlawed all other political parties and rebel fronts [27]. Thus, the repression of opposing political parties and rebel groups in the country continued: the Ethiopian People’s Revolutionary Party (EPRP), the All Ethiopian Socialist Movement (AESM), the Marxist-Leninist Revolutionary Organization (MLRO), the Workers’ League (WL), *Echat*, and *Abyotawi Seded* were severely repressed [27]. Despite the persecution of opposing political parties, other ethnic insurgent groups continued their struggle until the collapse of the regime in 1991.

After the current government took power in 1991, the country has become an ethnically-diverse federal state, and a multi-party system has been legally and officially recognized [14]. As a result, currently there are several formally acknowledged, mainly ethnic-based political parties participating in the national elections.

Multi-party elections do not necessarily bring a genuine multi-party system [4]. The majority of African states have experienced multi-party elections, but no change in government [4], as was the case with Ethiopia, where several political parties participated in national elections a few times in succession, however, a single party still holds the power. The existing opposition in Ethiopia is still not strong enough to compete with EPRDF. They lack financing and are unable to keep pace with the ruling party’s ability to campaign throughout the entire territory of the country. The government has failed to propose adequate funding for the opposing parties while making every effort to marginalize them by arresting their members and leaders and labeling them as terrorists [27; 10]. As is stated by M. Chege, “the government’s repressive stance has, in turn, made it difficult for opposition parties and alliances to mobilize their membership effectively through public meetings and the press” [5].

The lack of support for the opposition caused authors engaged in the research of Ethiopian politics to actively debate the existence of a genuine multi-party system in modern Ethiopia. The questionable nature of the Ethiopian multi-party system has injurious effect of the development of democracy in the country. Consequently, studies describe Ethiopia as a one-party dominated state [5; 27]. The author of the current research, however, would like to highlight the role of the FPTP electoral system and the parliamentary government system in the development of single-party dominance and the downfall of democracy. Therefore, in the following sections, the researcher will review a variety of existing electoral and government systems and reflect on the benefits of adopting one to help truly democratize Ethiopia.

3. ELECTORAL SYSTEM: GENERAL INFORMATION

One of the mechanisms of public participation in the political decision-making of a country is through election, by means of which citizens choose their representatives and vest in them the authority to defend their interests. Different states adopt different types of electoral systems, but for this study, the author selected the following most popular types.

Simple Plurality/First-Past-The-Post: In this system, the winning candidate gets more votes than any other (a simple plurality), no matter how many candidates and how small the winning margin [16]. The candidate who receives the most votes will be declared a winner.

Proportional Representation: This system requires the use of multi-member voting districts, and the electoral support is reflected proportionately into the elected body [24]. The competing political parties gain seats in proportion to the number of votes cast for them [15].

3.1. Simple Plurality / FPTP Electoral System and Single-Party Dominance in Ethiopia

As was mentioned above, there are different types of electoral systems, and it is incorrect to say one is better and more democratic than the rest [16]. Each has its benefits and flaws, and the preference depends on what one wants from a voting system [16]. Though no electoral system is perfect, a considerable majority of researchers in the field tend to favor the proportional representation (PR) system over the FPTP (plurality) system [17]. Adopting the FPTP system in a plural society is against the very idea of democracy (ibid). Conversely, although subject to political instability and break-up resulting from government coalitions, the PR system gives better representation to the minority [5; 15]. Most importantly, the PR system is preferable in a state which has a parliamentary system of government [17]. I. Szilágyi [20], concurrent with this idea, mentions that “many parliamentary countries, especially those that use “first-past-the-post” voting, have governments composed of one-party”. This statement leads to the conclusion that FPTP system sets perfect conditions for one-party dominance as it rewards the winner a majority of seats [11; 15; 20; 24; 25]. Eventually, states with a dominant one-party system have a high tendency of becoming authoritarian states [5].

Despite all these facts, Ethiopia, a multi-national state with a parliamentary system of government, adopted the FPTP electoral system. Conforming to the mentioned above ideas, the author insists that the FPTP electoral system contributed to further consolidation of single-party dominance in Ethiopia. Because opposition parties have not been able to get better support than the ruling party, the latter has remained the winner enjoying a majority of seats in the parliament. Differently put, given its relative strength and having the FPTP electoral system as an aid, EPRDF has managed to successively steal victory in all national elections.

The weakness of opposition parties is associated, among other factors, with their sheer numbers. Ethiopia has a multi-ethnic, diverse society. Accordingly, a myriad of opposition groups have emerged, each one of them serving to represent their respective social/ethnic segments. The appearance of these multi-ethnic political parties is greatly discouraged by the incumbent party for the sole reason that they jeopardize its hegemonic aspirations. Internal disagreements have further fractured many of the existing parties into numerous smaller political units; although there is hardly any substantial difference in their policy goals. The opposition groups' internal discord and separation has also been partly fueled by systematic interventions of the ruling government in their affairs [10]. The author believes that this uncontrolled proliferation of smaller opposition political parties in the country dwindles down their financial and operational capacity and decreases the chances of receiving substantial electoral support. Contrarily, it enables the ruling-party to further consolidate its ascendancy in Ethiopia's political system while taking advantage of the *winner-takes-all* electoral system. Since, according to the FPTP electoral system requirements, EPRDF only needs marginally better support than the rest of its enfeebled competitors, it has managed to win a number of consecutive parliamentary elections by a landslide. Thus, with a multitude of fragmented and weakened opponents facing a giant, the FPTP system serves the incumbent party as a legal instrument to sustain its dominance.

Moreover, in a state where the FPTP system is applicable, only a single individual is elected in each electoral district, and thus minority candidates are less likely to get seats. This discourages various smaller parties and holds them back from active participation in national politics. The PR system, on the contrary, allows them to build confidence, as the likelihood of their share in the parliament increases [29]. The party history of Ethiopia is a good illustration of this tendency. Narrow chances of winning, coupled with the deliberate repression by the state has compelled several opposition groups to back-out from the electoral competition. The elections for Ethiopia's first popularly chosen national parliament, which were boycotted by minority parties and left the ruling-party without competitors, can serve as a textbook example of the FPTP system and single-party dominance correlation [3; 28]. This state of affairs does not only discourage the parties, but also the voters, who see no sense in providing their support for a self-defeating enterprise. Such a discouraging impact of the FPTP system on both parties and voters is another reason why the incumbent party has been enjoying its continued dominance, while nipping all the contenders' efforts to resist in the bud. Thus, the FPTP system enables the ruling party to monopolize the state power and use the government apparatus and national resources to circumvent any possible challenge from competitors in upcoming elections.

To sum up, the FPTP system, combined with a dominant one-party system, provides a stable, more centralized and less accountable rule [11]. A perfect example of such rule is Ethiopia, where, with the help of the FPTP system, EPRDF has been winning the office for the last 27 years on loop, while decimating opposition groups.

4. SYSTEMS OF GOVERNMENT: GENERAL INFORMATION

According to the relationship between the legislative and executive branches, government systems can be classified into three main types: parliamentary, presidential, and hybrid. The first two are the most commonly practiced systems of government in the world, while only a few countries adopted the third type [16].

Parliamentary System: The core characteristic of this government system is integration of power between the legislative and executive branches [13; 16; 19]. In the parliamentary system, the executive branch is an integral part of the legislature; thus overlapping of membership can occur: the parliament appoints executive officials, mostly from its own members, and they are accountable to the parliament [9]. In case they fail to get majority support from the parliament, executive officials can lose their power through the process called ‘vote of no confidence’ [13; 16; 19]. Moreover, the parliament also appoints judges of the Supreme Court, relying on the recommendation of the prime minister. Parliamentary system is characterized by the sovereign power of the parliament and strong interrelation among the three branches of government.

Presidential System: A presidential system is a system of government where the executive branch is separate from the legislative branch [13; 19]. There is no overlapping of membership as an individual cannot serve as a member of the legislature and an executive official at the same time. In the presidential system, the president (chief executive) is directly elected by people and is accountable to people. The formation and operation of executive and legislative authorities occur independently of each other [19]. The president appoints other cabinet members, and they are accountable to him/her. The president also has the power to assign judges to the Supreme Court. Generally, one can observe relatively less integration among the three branches of government.

Hybrid System: This system is a combination of the features of the first two systems of government. In the hybrid system, there is no clear separation of power among the two branches of government (executive and legislative). While the president is directly elected by people and is accountable to people [6], the prime minister is appointed by the president but reports to the parliament [16]. The cabinet, as well, is answerable to the parliament [19]. Again, we can observe a relatively more significant integration between the two branches than in the presidential system.

4.1. Parliamentary System of Government and Single-Party Dominance in All Government Bodies in Ethiopia

The Federal Democratic Republic of Ethiopia (FDRE) has adopted a parliamentary system of government. Article 45 of the 1995 FDRE constitution states that “the Federal Democratic Republic of Ethiopia shall have a parliamentarian form of government”. Further discussion will demonstrate the characteristics of the parliament system in Ethiopia.

The author strongly argues that this type of a government system is one of the major factors influencing the formation of party dominance in a given country. It is the author's conviction that the parliamentary system adopted by Ethiopian government has significantly helped EPRDF to secure its dominance as a single political party in the country and assume strong control over all government bodies. Thus, the parliament, a sovereign body, has consisted solely of the EPRDF members. The analysis below shows how the parliamentary system has fortified the ruling party's monopoly of power across all branches of the government.

Law-Making Power: Members of the parliament (HPR) are elected in accordance with provisions of Article 54 of the 1995 FDRE constitution. This government body is mandated to make laws as per Article 55 (1) of the constitution. Due to the frailty of opposing political parties and the adoption of FPTP electoral system, a single political party (EPRDF) has controlled the seats in the parliament and, as a result, the legislative power in Ethiopia. Consequently, the dominant single party has been making laws regulating the diverse society of Ethiopia, neglecting to meet various interests of different ethnic and social groups, which compromises the quality of the laws.

Most importantly, this unrepresentative (single-party dominated) parliament has been using its power to make oppressive laws that narrow the political space and restrict free participation of various political actors. The most important examples of these restrictive laws were referenced in the introduction; for example, the 2009 Anti-Terrorism, and the Charities and Societies proclamations, which kept democracy supporters and political competitors out of the political arena and made EPRDF the only game in town. These proclamations are examples of EPRDF's attempts to hold on to power through abusing authority and overreaching the limits of the parliament's law-making capacity (Adem, 2012).

Law-Enforcing Power: Like in other parliamentary systems, in Ethiopia, the chief executive is the Prime Minister (Art.74 (1)). "The Prime Minister is elected from among members of the House of Peoples' Representatives" (Art.73 (1)). He/she has the mandate to execute the functions listed under Art.74. The prime minister is accountable to the parliament (HPR). The council of ministers, drawn mainly from the parliament and mandated to exercise the powers and functions stated under Art.77, is also accountable to the HPR for all of its decisions (Art.76 (3)). Therefore, it is obvious that executive officials depend upon the support of the EPRDF, which solely constitutes the parliament. Hence, a single party in the parliament appoints its members to the executive departments and removes them whenever it sees fit.

It is evident that institutions within the executive branch are duty bound to implement whatever oppressive, exclusionary and unaccountable laws that have been enacted by parliament, such as intimidating and harassing opposition leaders and members, independent journalists and activists [10]. In concordance with this opinion, E. Veen unequivocally labelled Ethiopia's security institutions "guardians of TPLF/EPRDF political dominance" [23]. The police, the military, the intelligence and security service are all commanded mainly by individuals who carry authority in the ruling party and do everything in their power to maintain the party's political control. Hence, one can conclude that the *de jure* national security forces are serving as *de facto* TPLF/EPRDF security forces. In addition, the public prosecutor, the prison administration, and all

other administrative bodies serve as partisan executive agencies and actively participate in persecuting and silencing any form of political opposition [23]. In light of this, it is logical to conclude that the incumbent party makes and implements laws in the country, thereby perpetuating its monopoly of government power.

Law-Interpreting Power: The constitution (Art.78 (1) & 79 (2, 3, 4)) stipulates independence of the judiciary branch. In respect to its formation, the constitution states that “The President and Vice-President of the Federal Supreme Court shall, upon recommendation by the Prime Minister, be appointed by the House of Peoples’ Representatives” (81 (1)). “Regarding other Federal judges, the Prime Minister shall submit to the House of Peoples’ Representatives for appointment candidates selected by the Federal Judicial Administration Council” (81(2)). The same procedure is followed at the state levels (see sub art.3&4). This appointment procedure undoubtedly compromises the cardinal principle of judicial independence as judges are subject to appointment by EPRDF and the EPRDF-appointed presidents and vice-presidents. EPRDF’s upper hand in the operation of the judiciary branch, as in all other branches, is undeniable.

In relation to this, courts, just as all other government institutions, have been criticized for reinforcing the single-party dominance through implementing laws in a way that serve the interest of the ruling-party. There have also been accusations that courts were staffed with ‘puppet’ judges who ‘graduated from the EPRDF-controlled Civil Service College’ to criminalize and suppress anybody challenging the ruling party [26]. Moreover, courts have been accused of an unfair attitude toward persons charged with political crimes and depriving them of constitutionally guaranteed rights, such as a right to a favorable legal presumption [23]. Therefore, the judiciary system is another partisan institution that renders decisions commanded by the ruling party.

The conclusion is that the strong integration among the three branches of government, as is presupposed by a parliamentary system, has helped EPRDF to dominate the law-making, law-interpreting and law-enforcing bodies of the government. The government and the ruling party, inextricably fused together, devote all state resources and use all government institutions to guarantee the survival of the ruling-party.

CONCLUDING REMARKS

Even though Ethiopia officially recognized a multi-party system, the analysis of its field practices revealed that, in fact, the current Ethiopian government is comprised of a dominant one-party system. On top of different factors pointed out by other authors, whose works were analyzed in this research, this study confirmed the fact that the adoption of FPTP and the parliamentary system of government in Ethiopia considerably contributed to securing single-party dominance across all governmental spheres. Therefore, unless substantial efforts are made to increase the power and voice of opposition parties and institute a genuine multi-party system through abolishing the current election and governmental systems, it is highly unlikely that single-party dominance will ever cede ground to any other rule.

REFERENCES

- [1] Adem A. Rule by law in Ethiopia: Rendering Constitutional Limits on Government Power Nonsensical. *CGHR Working Paper 1*. Cambridge: University of Cambridge Centre of Governance and Human Rights; 2012.

- [2] Alemayehu G. Cartoon Democracy: Ethiopia's 2010 Election. *International Journal of Ethiopian Studies*. 2011; 5(2): 27—51.
- [3] Arriola L.R., Lyons T. Ethiopia: The 100% Election. *Journal of Democracy*. 2016; 27(1): 77—88.
- [4] Bogaards M. Counting Parties and Identifying Dominant Party Systems in Africa. *European Journal of Political Research*. 2004; 43: 173—197.
- [5] Chege M. Political Parties in East Africa: Diversity in Political Party Systems. Stockholm: International IDEA; 2007.
- [6] Cheibub J., Elkins Z., Ginsburg T. Beyond Presidentialism and Parliamentarism. *British Journal of Political Science*. 2013: 1—30. DOI: 10.1017/S000712341300032X.
- [7] Dahla C. The Ethiopian Quest for Democracy in a Dominant Party State: A Case Study on Democratization in Ethiopia Since the Implementation of Ethnic Federalism in 1995. Master Thesis, Leiden University; 2012.
- [8] Doorenspleet R., Nijzink L. One-Party Dominance in African Democracies: A Framework for Analysis. Doorenspleet R., Nijzink L. (eds), *One-Party Dominance in African Democracies*. USA: Lynne Rienner Publishers; 2013.
- [9] Gerring J. Minor Parties in Plurality Electoral Systems. *Party Politics*. 2005; 11 (1): 79—107.
- [10] Gudeta K., Alemu K. Ethiopian Opposition Political Parties in the Post-1991 Political Structure. *International Journal of Current Research*. 2014; 6 (1): 4784—4799.
- [11] Horowitz D. *Electoral Systems and Their Goals: A Primer for Decision-Makers*. Duke University; January 2003. Available at: http://cic.nyu.edu/sites/default/files/e6electoralsystems_horowitz.pdf. Accessed: 10.09.2018.
- [12] Ishiyama J. Alternative Electoral Systems and the 2005 Ethiopian Parliamentary Election. *African Studies Quarterly*. 2009; 10 (4): 38—56.
- [13] Johari J.C. *Principles of Modern Political Science*. New Delhi: Terling Publishers Pvt.Ltd.; 1996.
- [14] Kassahun B. Party Politics and Political Culture in Ethiopia. Salih M (ed.), *African Political Parties: Evolution, Institutionalisation and Governance*. London: Pluto Press; 2003.
- [15] Molomo M. In Search of an Alternative Electoral System for Botswana. *Pula: Botswana Journal of African Studies*. 2000; 14 (1): 109—121.
- [16] Newton K., Deth J. *Foundations of Comparative Politics*. UK: Cambridge University Press; 2005.
- [17] Oseni B. One-Party Dominant Systems and Constitutional Democracy in Africa: A Comparative Study of Nigeria and South Africa. PhD Dissertation. University of Exeter. 2012.
- [18] Reynolds et al *The International IDEA Handbook of Electoral System Design*. Stockholm: International Institute for Democracy and Electoral Assistance; 2002.
- [19] Shugart M. Semi-Presidential Systems: Dual Executive and Mixed Authority Patterns. *French Politics*. 2005; 3: 323—351.
- [20] Szilágyi I. Presidential versus Parliamentary Systems. *AARMS*. 2009; 8 (2): 307—314.
- [21] Tesfaye A. Identity Politics, Citizenship, and Democratization in Ethiopia. *International Journal of Ethiopian Studies*. 2006; 2 (1/2): 55—75.
- [22] The Constitution of Federal Democratic Republic of Ethiopia. Proclamation No. 1/1995.
- [23] Veen E. Perpetuating Power: Ethiopia's Political Settlement and the Organization of Security. *CRU Report*. The Netherlands: Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'; 2016.
- [24] Warioba I. The First-Past-The-Post Electoral System versus Proportional Representation in Africa: A Comparative Analysis. Master's Thesis. Eduardo Mondlane University, Mozambique; 2011.
- [25] Wilks-Heeg S., Crone S. Is 'first-past-the-post' working? An Audit of the UK's Electoral System. *AV Referendum Briefing. No. 1*. Liverpool: Democratic Audit; 2011.
- [26] Wondwosen T. Ethnicity and Political Parties in Africa: The Case of Ethnic-Based Parties in Ethiopia. *The Journal of International Social Research*. 2008; 1 (5): 781—809.

- [27] Wondwosen T. Ethiopian Opposition Political Parties and Rebel Fronts: Past and Present. *International Journal of Social Sciences*. 2009; 4 (1): 60—68.
- [28] Wondwosen T. Electoral Violence in Africa: Experience from Ethiopia. *International Scholarly and Scientific Research & Innovation*. 2009; 3 (7): 1653—1677.
- [29] Yonatan F. Ethnic Identity and Institutional Design: Choosing an Electoral System for Divided Societies. *The Comparative and International Law Journal of Southern Africa*. 2009; 42 (3): 323—338.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-506-515

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ПРОСТОГО БОЛЬШИНСТВА И СИСТЕМА ПАРЛАМЕНТСКОГО ПРАВЛЕНИЯ КАК ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ДОМИНИРОВАНИЮ ОДНОЙ ПАРТИИ В ЭФИОПИИ

Э. Байе

Университет Амбо
19, Амбо, Эфиопия

Основная цель настоящей статьи заключается в выявлении роли избирательной системы простого большинства и системы парламентского правления в укреплении господства одной партии в Эфиопии. Проведенный автором анализ данных показал, что и избирательная система простого большинства, и система парламентского правления в значительной степени способствовали сложившейся системе однопартийного доминирования в Эфиопии. Избирательная система простого большинства поощряла однопартийное правление, предоставляя преимущество при получении мест в парламенте более сильной партии — Революционно-демократического фронта эфиопских народов. Парламентская система правления также способствовала однопартийному доминированию во всех ветвях власти. Автор приходит к выводу, что из-за неравенства перспектив и возможностей для всех политических партий (и отсутствия подлинной многопартийной системы) избирательная система простого большинства и система парламентского правления Эфиопии неизбежно способствуют доминированию одной партии, что может в дальнейшем привести к авторитаризму.

Ключевые слова: доминирование одной партии, парламентская система правления, избирательная система простого большинства, Революционно-демократический фронт эфиопских народов, Эфиопия

Сведения об авторах:

Эндалькашью Байе — кандидат политических наук, преподаватель департамента гражданственности и этических исследований Университета Амбо (Эфиопия) (ORCID ID: 0000-0003-4404-4737) (e-mail: endbayeh@gmail.com).

Information about the authors:

Endalcachew Bayeh — PhD in Political Science, Senior Lecturer of Department of Civics and Ethical Studies, College of Social Sciences and Humanities, Ambo University (Ethiopia) (ORCID ID: 0000-0003-4404-4737) (e-mail: endbayeh@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 09.09.2018.

Received 09.09.2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-516-524

LOCAL GOVERNMENT AND POLICY NETWORKS IN THE UK: AN ANALYTICAL STUDY

M. Khalifa

Applied Science University
315 Shabab Road, Manama, Bahrain

Suez Canal University
4.5 Km the Ring Road, Ismailia, Egypt, 41522

Abstract. In the United Kingdom, local government includes authorities and subordinate agencies that are established according to the law, under the direction of a locally elected council to provide services for their local neighborhoods and represent their concerns and interests. The United Kingdom does not have a federal government, like the United States; there is no division of powers between the central government and local units. The central government has all governmental powers and is dominantly responsible for public policy making. The research will clarify the function of local government and identify the relationship between the central government and local authorities. It will also analyze modern models of policy networks in the UK and demonstrate their difference from the federal system.

Key words: local government, policy networks, local authorities, public policy

THE STRUCTURE OF LOCAL GOVERNMENT IN ENGLAND

The United Kingdom consists of four countries: England, Wales, Scotland and Northern Ireland. The constituent units of Great Britain are England, Scotland and Wales; Britain consists of England and Wales [17. P. 4].

In England, the highest tier of sub-national division established by the central government is *regions*. Between 1994 and 2011, the model of local government in England was very complex, with no separate governing body for the whole country other than the Government of the United Kingdom.

There are nine regions which have an administrative role in the implementation of UK Government policy. There are also areas governed (mostly indirectly) by elected bodies, such as Greater London which has an elected Assembly and Mayor, but the other regions play a relatively minor role in comparison, with unelected regional assemblies and regional development agencies.

England has five types of local authorities, each one of them either *single-tier* or *two-tier*.

SINGLE-TIER AUTHORITIES

These authorities are responsible for providing all local government services; in other words, they are all-purpose councils. It applies to three types of authorities, including:

A) Metropolitan Authorities

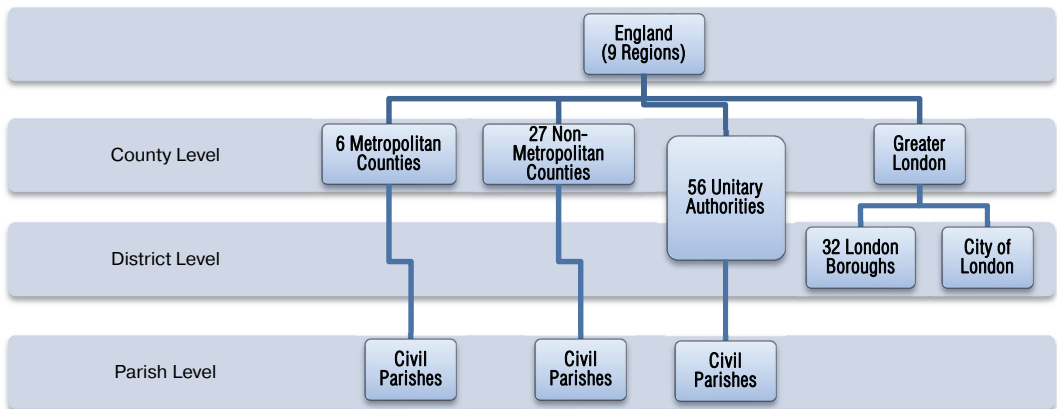
The metropolitan counties are a type of county-level administrative division of England. There are six metropolitan counties — Greater Manchester, Merseyside,

South Yorkshire, Tyne and Wear, West Midland and West Yorkshire. Each one covers a large urban area, typically with populations of 1.2 to 2.8 million; the six metropolitan counties are divided into 36 metropolitan districts covering the crowded populated urban areas [2. P. 3].

Fig. 1. The nine regions in England and Wales, Scotland and Northern Ireland

Fig. 2. Structure of local government in England

B) London Boroughs (Greater London)

The London boroughs are administered by London Borough Councils, which are elected every four years. The boroughs are the principal local authorities in London and are responsible for running most local services in their area, such as schools, social services, waste collection and roads. In 2001, the population of London had fallen to 7.2 million and was expected to rise towards 8 million by 2020 [7. P. 3].

In all, there are 32 boroughs in the City of London, each with their own local government, school centers, suburbs and proud sense of identity and history. Each borough has a representative in Parliament. The boroughs are divided into five groups: the Inner East and South, Inner West, Outer South, Outer West, North West, and Outer East and North East [12. P. 9].

Fig. 3. Map of London Boroughs

C) Unitary Authorities

These local authorities are responsible for the provision of a variety of services within districts administrated by two different councils. As of the last amendment in 2009, there are 56 unitary authorities in England. “This single tier pattern, which had been put in place in metropolitan counties, was supposed to reduce bureaucracy and costs and provide for greater accountability” [1. P. 57].

Typically, unitary authorities cover towns or cities which are large enough to function independently of the county or other regional administration. Sometimes they consist of further sub-divisions which differ from the rest in that they provide a single authority and have no lower levels of administration.

Two-Tier Authorities

Two-tier authorities are essentially county and district councils working together to deliver services.

D) County councils

These authorities deliver all-encompassing services (core services), such as education, healthcare, utilities, etc. Each council covers a population in the range of 500 000—1 500 000.

E) Districts

Districts focus on smaller, more localized services, such as tourism, each covering a population of about 100 000. “District” can also be referred to as a “borough” or a “city council”.

TOWN AND PARISH LEVEL

In some areas there are parish and town councils, which are the lowest level of local government. Parish councils are responsible for bus shelters, burial grounds, allotments, Christmas lights, village halls and other smaller scale arrangements. There are over 8 000 town and parish councils in England, mainly in rural and semi-rural areas [18. P. 73].

Sometimes a parish council may be referred to as a town. In Wales, a parish council is called a community council. Parish councils are not essentially planning authorities, but they can be consulted on certain local planning and development matters [19. P. 52].

Table 1

The responsibilities of county and district councils in UK

Activity	County Councils	District Councils
County farms	All services	
Education	All services	
Highways and transportation	Transportation planning Constructing new county roads Maintenance of county roads Public transport infrastructure and co-ordination Highways and street lighting Public right of way	Street cleansing Street lighting
Housing		All services
Leisure and amenities	Libraries Archaeology Archives County Parks and picnic sites Grants to village halls, sports, arts, countryside and community projects	Allotments Museums/art galleries County parks, local parks & open spaces Playing fields, other than schools Swimming pools and sports centers
Planning	Structure plans Minerals control Environment and conservation Economic and tourism development Waste disposal control	Local plans Development control Local land and charges Environment and conservation Economic development
Public protection	Waste regulation and disposal, waste recycling centers Trading standards. Registration of births, deaths and marriages Coroner's office Courts Fire and rescue	Refuse collection Food safety and hygiene Markets Control of pollution Cemeteries/ crematoria
Social services	All services	
Council tax		Collection of own tax, plus precepts for county and parishes

Table 1 shows the activities of county and district councils [6. P. 101].

“Local authorities can only do what the law allows; all councils’ powers derive from Acts of Parliament. Indeed, local government itself exists only by courtesy of the Parliament, which frequently alters its powers and functions” [6. P. 101].

THE RELATIONSHIP BETWEEN CENTRAL GOVERNMENT AND LOCAL GOVERNMENT

Generally, the government can use its majority in the Parliament to legislate a law determining what local authorities can and cannot do, a power used with great frequency by central government [6. P. 138]. Therefore, the relationship between the central and local governments has been tense.

While the local government's needs often contradict the central government's intention to ensure that its policies are carried out throughout the land, it is also assumed that the local government must be a primary representative of local interests. With this background, the ineptitude of informal networks and the need to regulate the relationship is evident.

According to Rhodes, there is a weak center in the UK's government system due to the increased complexity of its structure with resultant fragmentation and disorder, as well as the government's inability to control the levers and realize its objectives. He notes that the state has become a "collection of inter organizational networks made up of government and societal actors, with no sovereign actor being able to steer or regulate [13]. Thus, the central government has lost control of policy networks, which have acquired self-organizing capacities and resist central direction [11. P. 23].

POLICY NETWORKS IN ENGLAND

In England, policy making and policy implementation at the local level has quite a complex nature. The web of inter-organizational relations has been the key discussion point in political science circles. Inter-governmental relations have been subject to a great deal of criticism, which has led to an increasing concern about the necessity to improve policy networks [5. P. 121—122].

Nowadays, one of the important topics in British literature on policy making is policy network analysis. There is an ongoing discussion among authors. Dowding, for instance, mentions that "policy network analysis has become the best paradigm for studying policy—making process in British political science" [3. P. 136]. Jordan adds that although the idea of "network" is now a commonplace term in policy-making studies, there is lack of substance to the term [10. P. 319—320]. Hay, however, claims that the "network paradigm" is "reshaping the political, economic, and social landscape of the advanced industrial societies" [8. P. 33].

In the late 1970s, Richardson and Jordan proposed the term 'policy community' to refer to organizational subsystems, and later, Marsh and Rhodes attempted to systematize and clarify these terms in order to develop the idea of networks [14].

Rhodes talks about five dimensions of networks: 1) group of interests (interests vary according to services or client groups); 2) members (public or private groups); 3) vertical independence (the degree of independence of a policy network from the actors); 4) horizontal independence (the interconnections between upper and lower levels); 5) distribution of resources (allocation of resources that need to be exchanged) [13. P. 77].

Policy networks are defined as a means of categorizing the relationship between organizational groups and the government. Smith and Rhodes describe a policy network as a "cluster or complex of organizations connected to each other by resource depend-

encies and distinguished from other clusters or complexes by breaks in the structure of resource dependencies” [15. P. 7; 14. P. 14].

Rhodes’ model is completely different from the one offered by Richardson and Jordan (1979) in the way it determines different types of networks. Richardson and Jordan use the term “policy community” to describe all types of relations between the state and organizational groups, while Rhodes distinguishes between relations in different areas of policy on the basis of composition, integration, and interdependence. The Rhodes Model is presented as a meso-level concept, addressing the structural relationship between units of sub-central government, as opposed to a micro-level concept looking at relationships within specific units of the government.

Rhodes assumes that policy is made and implemented by a group of organizations, which include government branches. These organizations are interdependent and act in accordance with one another in order to meet their goals. Most importantly, groups of organizations quite naturally develop straightforward connections among themselves because of their shared interests [9. P. 153].

Policy networks take place when there is an exchange of information and resources between different groups of organizations and central government. The exchange of information can be minimal, in the case of a group submitting a proposal in writing, or complex, with groups that have institutional access to government and are involved in the detailed development of policy [15. P. 56].

Table 2

R. Rhodes [14. P. 14] classified five distinct types of policy network

Type of Network	Characteristics
1. Policy community “territorial”	Stability, highly restricted membership, limited vertical interdependence, limited horizontal articulation
2. Professional network	Stability, highly restricted membership, vertical interdependence, limited horizontal articulation, serves interest of profession
3. Intergovernmental network	Limited membership, limited vertical interdependence, serves interest of producer
4. Producer network	Fluctuating membership, limited vertical interdependence, serves interest of producer
5. Issue network	Unstable, large number of members, limited vertical interdependence

This variation between policy networks has important implications for the relationships that exist between different parts of the governmental system, and between government and the private sector. In addition, these inter-organizational relations have a major impact on how functions of subnational governmental authorities are actually managed and fulfilled [5. P. 123].

One flaw of this classification is that it takes into account only five types of networks. This number seems highly unlikely. For example, the authors’ understanding of the intergovernmental networks is one-dimensional. The characteristics of such networks include topo-cratic membership (i.e. their authority is limited by the geographical area to which they belong), the services they provide, limited vertical interdependence and ability to penetrate a range of other networks [14. P. 13]. The authors do not cover the links between intergovernmental agencies or organizations, failing to analyze the context in which policy networks operate. In later works, Rhodes and Marsh

focus on the disadvantages of this typology and make attempts to contextualize networks, representing them as a continuum [14. P. 183].

The authors describe the policy community and issue networks as located at the opposite ends of the continuum; however, the position of other types of networks on the continuum is not clear. Rhodes' model appears to merge two separate dimensions, with policy networks differing according to their integration and dominating interests [14. P. 184].

J.A. Chandler [2] argues that local authorities act as stewards of the central government, who are left to discharge their responsibilities, with the central government intervening only if the steward's conduct is found to have been unsatisfactory. The broad outlines of policy are determined nationally; local authorities play a substantial part in interpreting those policies and mobilizing the resources needed to bring them to fruition.

The debate about the relations between central and local governments has been centered around two models of policy networks: the agency model and the partnership model. The supporters of the agency model argue that the local authorities are the agents of the central government, responsible for carrying out the instructions of ministers and the Parliament. According to the partnership model, the role of local authorities is that of partnership with the central government in providing services for the public [4. P. 4—7].

The Agency Model

This model suggests that the local authorities have a subordinate relationship to the central government with little or no discretion in the task of implementing national policies.

In this model, however, while the central government departments put pressure on local authorities, the latter still retain some policy discretion in representation of central / local relationships. The model sees local authorities as something far more complicated than simple, uncritical, unthinking agents of the center [6. P. 140].

The Partnership Model

The Partnership Model sees authorities as more or less co-equal partners with central government in providing services.

Today, partnerships address a broader range of issues, such as the quality of life, and they are set up within networks that cover all parts of the country. Many of these networks have been created by the national government [6. P. 140].

CONCLUSION

A crucial distinction must be made between federalism and decentralization. Federalism, for example, in the USA, grants subunits of government a final say in certain areas of governance; it grants these governments definitive rights against the center. Decentralization in UK, in contrast, is a managerial strategy by which a centralized regime can achieve the results it desires in a more effective manner.

The effectiveness of any decision making unit depends on a variety of factors, including the available information, the quality of personnel, the level of control over subordinates, and perceived prestige among those who must follow commands.

These factors suggest that sometimes the most effective decisions will be made by the central government and that sometimes they will be made by a geographical subdivision.

A central government can achieve uniformity and may be able to command greater resources and prestige.

A subsidiary government may be able to gather information more effectively, to control street-level employees, and to respond to circumstances, that are specific to its locality.

The choice between those two alternative strategies — that is, the particular allocation of responsibility within the overall structure — is determined by the effectiveness of each strategy in achieving the desired result. In decentralization, as opposed to federalism, the central government identifies this result and thus defines the criteria for success or failure, and the central government decides how decision making authority will be divided between itself and geographical subunits.

If we compare the systems in Britain and the United States, we will find the following differences: Britain is a unitary state, and thus we can observe that the sovereignty exists at the center, in the Parliament, even if power may be delegated to other local units. By contrast, the United States is a federal country in which sovereignty is divided between the center (Washington) and the regions, the division of responsibility being set out in the constitution.

Britain, for example, has been exhibiting a high degree of central control for a long time; nowadays, there has been a move towards a degree of decentralization.

Finally, the United States is less centralized than Britain; the allocation of power between Washington and the states is more straightforward than the power distribution that exists between London and the UK national capitals.

REFERENCES

- [1] Barry C., Vincent N. *Town and Country Planning in the UK. 13th edition*. UK: Routledge; 2003. 602 p.
- [2] Chandler J.A. *Local Government Today. 3rd edition*. UK: Manchester Press; 2001. 303 p.
- [3] Dowding K. Model or Metaphor? A Critical Review of the Policy Network Approach. *Political Studies*. 1995; 43: 136—158.
- [4] Elcock H. *Local Government; Policy and Management in Local Authorities*. UK: Routledge; 1994. 353 p.
- [5] Gray C. *Government beyond the Center: Sub National Politics in Britain*. UK: Macmillan press; 1994. 212 p.
- [6] Greenwood J., Pyper R., Wison D. *New Public Administration in Britain*. Third Edition. UK: Routledge; 2002. 304 p.
- [7] Hammett Ch. *Unequal City: London in the Global Arena*. UK: Routledge; 2003. 292 p.
- [8] Hay C. The Tangled Webs We Weave: the Discourse, Strategy and Practice of Networking. Marsh D. *Comparing Policy Networks*. Buckingham: Open University Press; 1998: 33—51.
- [9] Hudson J., Lowe S. *Understanding the Policy Process; Analyzing Welfare Policy and Practice*. 2nd edition. UK: Policy Press, University of Bristol; 2004. 352 p.
- [10] Jordan A.G. Sub-Governments, Policy Communities and Networks Refilling the Old Bottles. *Journal of Theoretical Politics*. 1990; 2 (3): 319—338.
- [11] Laffin M. Central Local Relations in an Era of Governance: Towards a New Research Agenda. *Local Government Studies*. 2009; Vol. 35; 1: 21—37.

- [12] MacInnes T., Kenway P. *London's Poverty Profile*. UK: New Policy Institute; 2009. 100 p.
- [13] Rhodes R.A. *Beyond Westminster and Whitewall*. UK: Unwin Hayman; 1988. 480 p.
- [14] Rhodes R.A., Marsh D. *Networks in British Government: Policy Communities and Issue Networks: Beyond Typology*. UK: Clarendon Press; 1992. 295 p.
- [15] Smith M.J. *Pressure Power and Policy: State Autonomy and Policy Networks in Britain and United States*. UK: Harvester Wheatsheaf; 1993. 262 p.
- [16] The Local State We're In. PwC's Annual Local Government Survey 2018. PwC. Available from: <https://www.pwc.co.uk/industries/government-public-sector/local-government/insights/local-state-we-are-in-2018.html>. Accessed: 06.09.2018.
- [17] Throp C. *Countries around the World: England*. UK: Raintree Publisher; 2012. 48 p.
- [18] Turner T.J. *Local Government: Disclosure and Comparisons*. USA: University Press of America; 2005. 204 p.
- [19] Denyer-Green B., Ubhi N. *Development and Planning Law*. 4th edition. UK: Elsevir Ltd; 2010. 418 p.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-516-524

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЕТИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ: АНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

М. Халифа

Университет прикладных наук
315 Шахаб Роад, Манама, Бахрейн

Университет Суэцкого канала
4.5 км. Ринг Роад, Исмаилия, Египет, 41522

В Великобритании под местными органами власти понимаются органы власти и зависимые учреждения, которые создаются в соответствии с законодательством под руководством избираемого на местном уровне совета для предоставления услуг в отдельных населенных пунктах и представления своих интересов. Так как Великобритания не является федеративным государством, там нет разделения полномочий между центральным правительством и органами местного самоуправления. Вместо этого центральное правительство обладает всеми государственными полномочиями и осуществляет государственную политику. В представленной статье исследуются отношения между центральным правительством и местными органами власти в стране, а также уточняются институциональные механизмы отношения между ними. Автор анализирует современные модели политических сетей в Великобритании и выявляет их отличия от федеративных систем.

Ключевые слова: местное самоуправление, политические сети, органы местного самоуправления, государственная политика

Сведения об авторе:

Махмуд Калифа — PhD, старший преподаватель Университета прикладных наук (Бахрейн) и Университета Суэцкого канала (Египет), приглашенный научный сотрудник Университета Линкольна (Великобритания) (ORCID ID: 0000-0003-2673-5366) (e-mail: m.khalifa@commerce.suez.edu.eg).

Information about the authors:

Mahmoud Khalifa — PhD, Senior Lecturer of Applied Science University (Bahrain) & Suez Canal University (Egypt), Visiting Fellow of the University of Lincoln (UK) (ORCID ID: 0000-0003-2673-5366) (e-mail: m.khalifa@commerce.suez.edu.eg).

Статья поступила в редакцию 07.09.2018.

Received 07.09.2018.

© Халифа М., 2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-525-535

CHINA'S GLOBAL CONQUEST FOR OIL: A RESEARCH REVIEW OF CHINESE ODI

A. Kilani

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. With all natural resources at its possession and the ambition to conquer the globe, China has set its role as one of the biggest international players in the world economy. Considering liberalized policies recently employed by China, it was just a matter of time before the country shifted from being a communist state to becoming a capitalist economy. The effect of China's 'going out' policy is remarkable in both developing and developed nations. China has become a phobia for western countries, especially the United States, imposing a threat for their state enterprises which cannot sustain the competition, and a lifesaver for those trying to improve their living standards. This paper will review six articles on China's outward direct investment (ODI), its formation and effect on other states.

Key words: oil, China, outward direct investment (ODI), Chinese National Oil Companies (NOCs)

The modernization of China's petroleum industry has been fostered greatly by price liberalization, competition, enterprise reform, and management incentives. Although China vigorously fortified foreign investment in the past, enterprises are currently playing the central role, shaping policy domestically and internationally to suit the country's economic interests. China's outward direct investment (ODI) has experienced a significant increase since the 1990s. After 2002, when China started its 'Going Global' plan to encourage its foreign investment activity, China's ODI surged remarkably. Between 2003 and 2009, China's ODI increased nearly sevenfold, from \$33 billion to \$230 billion. 2016 was the strongest year for Chinese ODI on record, with ODI flows outstripped foreign direct investment (FDI) for the first time [2. P. 5]. China is the second largest oil importer after the United States, and it is expected to take the lead in the next few years. China's large oil consumption is creating many issues for the government. Beijing considers oil a national security issue and, in order to survive, China is prepared to come face-to-face with the western hemisphere, especially the USA, in a battle for oil.

This paper will examine six articles that review the origin of China's outward direct investment, mainly in oil, and discuss the consequences of Chinese ODI in several countries. These articles focus on different aspects related to the matter at hand. The first article presents an overview of China's outward direct investment [6]. The second one examines the history of Chinese ODI, the diametrically opposed reactions of the United States, and the challenges faced by Chinese multinational corporations operating in or attempting to enter the U.S. market [3]. The third article traces the development of China's ODI policies and presents some findings from a recent survey on Chinese outward investment intentions in Canada [8]. The fourth article focuses on the developing

world and analyzes Chinese ODI in Africa [1]. After an overview of the countries affected by Chinese ODI, the fifth article presents a brief analysis of the confluence of domestic factors, both economic and political, that shape the behavior of National Chinese oil companies (NOCs) abroad and the implications of this behavior for energy security in China and the rest of the world [4]. Finally, the sixth article looks at the acquisitions of well-known international firms by Chinese companies [7]. By means of reviewing the mentioned articles, this paper will trace the origin of Chinese ODI, evaluate its role in U.S, Canada, and Africa, and discuss the Chinese National Oil Companies' (NOCs) strategies and motivations. The articles in question were selected from reliable scientific journals writing about Chinese political and economic affairs. Among the publishers are the Hong Kong Institute for Monetary Research, U.S.—China Economic & Security Review Commission, and Project Muse. The authors' expertise ranges from policy analysis to academic work in the field of political economy.

OVERVIEW OF CHINA'S ODI AND ITS IMPLICATION FOR THE U.S ECONOMY

We will start the analysis of China's outward FDI (foreign direct investment) by reviewing the article "Going Out: an Overview of China's Outward Foreign Direct Investment" by Nargiza Salidjanova [6]. In her analysis, the author points out four main trends in the development of ODI in China. First, Chinese outward FDI is growing with a rapid pace; since China has considerable savings, it invests mainly in low-yield treasury bonds, however, the Chinese are seeking to diversify their assets and looking into high-yield bond investing. Second, Chinese ODI is widely spread in small amounts; the author gives empirical evidence demonstrating that Chinese investments are spread over 177 countries and can be as low as \$10,000 per sector. Third, China is heavily involved in Merger and Acquisition policy (M&A), i.e. Chinese companies invest in and bid for other companies in the developed world. Salidjanova gives the example of CNOOC's failed bid for Unocal in 2005. Finally, Chinese investments are directed by the government via government executives inside companies, especially in the energy and communication sectors; in return, the government provides a variety of subsidies including low interest rate loans from major banks, which are publicly owned. Salidjanova's analysis has four sections: 1. Evolution of China's outward investment and organizational background; 2. Distribution of China's ODI by destination and type; 3. Round-tripping of Chinese investments; 4. Future of Chinese direct investment and U.S interests.

In the first section, Salidjanova states that ever since the Chinese government initiated foreign investment, it has retained tight control over its development and makes major decisions, such as what type of industries to invest in and which markets to expand to, thus aligning foreign investment with the government's long-term development strategies. China's ODI has gone through four stages of development. The first stage was between 1979 and 1985, when trade and investment were controlled solely by the government. During the second stage (1986—1991), the government allowed non-state enterprises to invest overseas. The third stage was between 1992 and 1998, during which liberalization continued but many countries suffered heavy losses

due to corruption and institutional weakness (the author must be referring to the Asian Economic Crisis), and as a result, ODI activities leveled off, yet continued to increase slightly. The last stage (1999 — present) marks the beginning of China's "going out" policy aimed at promoting "the international operations of capable Chinese firms with a view to improving resource allocation and enhancing their international competitiveness". Moreover, China had other rational reasons to initiate their "going out" policy: mainly to access and secure overseas supply of new resources due to dramatic increase in domestic demand for raw materials, especially in the energy field. Another reason is the acquisition of advanced technology: Chinese companies are actively purchasing foreign firms, such as IBM's personal computer division, to access state-of-the-art technologies and manufacturing processes.

Next, Salidjanova discusses the distribution of Chinese ODI by destination and type, supporting her argument with empirical data. The author explains that most of China's ODI is concentrated in Asia and the Middle East (75.5%); nevertheless, the flow of Chinese ODI in the United States has been experiencing notable increase. The author presents an ODI diagram, showing investment distribution by sectors, the highest percentage of investment flow being in the services sector, which attests to the fact that Chinese companies are set on serving and promoting the export of Chinese commodities. The energy sector is the third biggest and is most important for China. Salidjanova shows this clearly by giving examples of Chinese NOCs buying other oil companies as part of China's merging and acquisition policy.

In the last section, the author writes about China—U.S relations and the impact of China's ODI on American Economy and interests. In short, Salidjanova believes that Chinese enterprises present a problem for developed countries since they are state owned and lack transparency, not to mention the fact that they create zero employment, since Chinese companies tend to bring employees from China. Overall, the author's speculation is that Chinese ODI will continue to grow due a number of reasons, such as high demand for raw materials, purchase of new technology, merger and acquisition policy, and access to natural resources.

CHINESE ODI IN THE UNITED STATES

After the general overview of China's ODI, we will proceed to analyze the effect of Chinese FDI on the United States' economy by reviewing the article "China's Outward Foreign Direct Investment" by Wei He and Marjorie A. Lyles [3]. The authors argue that China's direct investment in the United States is economically, not politically, driven; they support this argument by referring to the phenomenon they call "China fever vs. China fear" — the response of American public which falls at opposite end of the spectrum. He and Lyles state that Chinese FDI in the United States is being welcomed by the majority of U.S governors, who solicit Chinese companies to invest in their states; however, the takeover of American businesses by Chinese companies has caused fear and raised national security concerns. In addition, the authors explore the challenges of Chinese Multinational Corporations (MNCs), their opportunities in direct investing in the United States, their lack of experience in foreign investment and its political consequences.

He and Lyles trace the “China fear vs. China fever” phenomenon back to China’s entrance into the WTO, which made investing in China particularly attractive for American companies due to low cost labor and the largest consumer market in the world (1.3 billion customers). The authors mention that more than twenty American States have established commercial offices in China; therefore, they see China as a business partner regardless of the country's communist regime. On the other hand, fear of China grows due to its rapidly increasing influence in the international arena. Hence, Americans are afraid of Chinese political and economic takeover, as they believe that the U.S. is losing its manufacturing base to China, which may result in trade imbalance in the United States. Other fears relate to national security, health and safety matters, as Chinese manufacturers have been neglecting safety measures and producing goods of poor quality. A growing distrust of China is also related to violation of intellectual property rights. Overall, China’s fast growing investment in the United States and acquisition of major U.S companies constitute a cause for concern. The authors refer to a similar situation in the 1980s, when Japan acquired a number of U.S businesses, which raised cultural and political fear. As for the fear of competition, the authors believe it is mostly unfounded, since Chinese companies are state-owned and do not have to make any profit. Since the 1990s, Chinese companies have become less controlled by the state and are required to make profits to be distributed among the shareholders, the government being one of them. At the end of this section, the authors note that China is still a developing country whose economy is in the transition phase, and it is facing difficulties related to certain legal issues, for example, copyrights.

In the next section, he and Lyles talk about the roots of Chinese FDI in the United States. According to the authors, 2005 was a remarkable year for the development of Chinese ODI in the United States: they talk about the acquisition of IBM’s personal computer department by Lenovo and the takeover bid for Maytag by Haier. However, the authors mention that Chinese investment in the United States goes back to 1981, after China's "reform and opening up" policy was initiated. The most notable occurrence was when a Chinese bank opened its branch in New York; currently it is a fully operating retail and commercial institution. There was also a number of other buyouts of American companies by Chinese firms in several industries, in addition to China opening industries in the States. The authors then proceed to talk about the “Liability of Foreignness” and point out four sources of costs that firms operating overseas have to incur: increased operating costs caused by spatial distance, firm-specific costs related to the unfamiliarity with the culture of the local market, costs resulting from the host country’s political and economic characteristics, and costs derived from the home country environment. However, the authors present a counter argument claiming that some of these liabilities can be managed, such as spatial distance, which can be facilitated by mutual agreements. As for cultural differences, although Chinese firms have learned how Americans run their businesses in China, the cross-cultural collaboration still needs time to develop. The problem of cultural misunderstanding is demonstrated using the example of Haier, when some of the Chinese company’s methodologies had to be altered in order to correspond American values. The authors believe that while it took more than two decades for American companies to adapt and integrate in China, Chinese companies in the States

will assimilate in less than twenty years. At the end, the authors suggest that Chinese firms should avoid investing in sensitive industries, such as energy and defense, as it may become a matter of national security. They also add that China's economy will surpass U.S. economy in the next twenty to thirty years with 60 per cent growth in ODI.

CHINESE ODI IN CANADA

To get a better understanding of China's investment relationships with other developed countries, we will review the article "China Goes Global: The Implications of Chinese Outward Direct Investment for Canada" by Yuen Pau Woo and Kenny Zhang [8], which focuses on Chinese investment policies in Canada. The authors pay close attention to developed countries' concerns related to Chinese investment, as most industrialized nations feel apprehensive about giving China access to their technological and natural resources. Besides, China has had bad reputation as a notorious human rights violator. Further, the article traces the development of Chinese ODI policies, and discusses the current state of Chinese FDI in Canada.

Woo and Zhang point out that Chinese ODI is highly regulated and was primarily driven by government interests until the recent 'going out' policy announced by the regime in 2002. The authors divide Chinese ODI policy into five stages. The first stage lasted from 1979 to 1983, when the only firms allowed to invest overseas were state-owned and approved by the State Council. During the second stage (1984—1992), ODI was liberalized and non-state enterprises were permitted to establish foreign subsidiaries. The third stage (1993—1998) is described by the authors as one marked by greater control of overseas investment; the government introduced rigorous policies for monitoring ODI to ensure the investments are being productive. The fourth stage (1999—2002), heralded by China's entry into the WTO, was a turning point in Chinese ODI policy, as the government encouraged national enterprises to engage in global trade and production. The fifth (current) stage started in 2002 at the Chinese Communist Party's 16th Congress, when the leadership announced its famous 'Stepping Out' policy and urged Chinese companies to move from exporting to investing overseas. The authors note that recent changes in ODI policy have focused on five main areas: creating incentives for ODI; streamlining administrative measures, including greater transparency of intentions and decentralization of government authority; reducing investment risks; providing investment guidance; and easing capital control. Woo and Zhang surmise that the current trend towards liberalization in Chinese ODI policy is likely to continue and they further compare China of 1980 to China of today, drawing parallels on how the decision-making authority was delegated from the central government to local governments, and eventually to the enterprise itself. Also they believe that the motivation for foreign investment has shifted from a mere interest in securing natural resource supply to gaining access to brands, markets, and technology.

The authors also present a survey analyzing the ODI intentions of Chinese companies. According to its findings, 23% of companies intend to raise their ODI within one year and more than 40% intend to invest overseas within next 2 to 5 years. As far as the motivation for ODI is concerned, the survey result suggests that the majority of

companies consider business potential their primary motive, as opposed to following government's incentives and policy. Despite the fact that most of the largest overseas investment companies are state-owned, the survey found that many small and medium-sized privately owned companies are also stepping out into the global arena. Moreover, the survey shows that 60% of existing ODI is carried out through joint ventures, as Chinese companies see more potential in this type of investment. The top target industries for Chinese companies are in auto manufacturing, food, and electrical machinery. Woo and Zhang present statistics on Chinese investment in Canada, which is steadily increasing, while Chinese companies are buying Canadian shares mainly in the oil and energy sector.

Lastly, Woo and Zhang predict increase of Chinese ODI and further evolution of its liberalization policy. As for investment in Canada, the survey shows that only 8% of respondents would consider placing their subsidiaries in this country. Moreover, 40% of respondents did not have a basic knowledge of investment opportunities in Canada. Among the most promising sectors for investment in Canada, Chinese companies named ICT and energy, as shown by the survey. It is not clear why Chinese enterprises do not see Canada as a promising investment opportunity, however, the authors mention that certain initiatives are being taken on local, business, and governmental levels to encourage Canadian investment.

CHINESE ODI IN AFRICA

This section of the paper will discuss Chinese FDI in developing countries as opposed to the industrialized world, reviewed in the previous sections. Hence, we will turn to analyzing the article "China's Outward Direct Investment in Africa" by Yin-Wong Cheung, Jakob de Haan, XingWang Qian and Shu Yu [1]. In this article, the authors examine China—Africa relations and present data and empirical determinants of Chinese ODI in Africa, which we are not going to touch upon since a detailed economic analysis is not our goal. The authors analyze China's ODI and find it relatively small in comparison with the world FDI. However, they note a substantial increase of China's ODI in developing countries, mainly Africa. They also talk about two academic opinions regarding Chinese ODI. The proponents of the first standpoint argue that Chinese investment in Africa has had a negative effect on the country's politics and economy, resulting in a setback of the political reform, crowding African industries, and worsening employment conditions. Advocates of the second point of view see a positive effect of China's growing engagement in Africa, including growth of African exports, development of infrastructure, increase in productivity, and improvement of the living standards of the Africans. In their investigation, the authors use both the officially approved ODI dataset (1991—2005) and a relatively new IMF format ODI dataset approved by the Ministry of Commerce of China.

The authors trace the establishment of China—Africa relations back to 1955, when China made its first contact with Egypt, offering its support to liberation movements and held the Bandung Asian-African conference in Indonesia. Subsequently, in the 1980s, China changed its role in Africa and began to cultivate economic ties and encourage

business cooperation. According to data offered by the authors, China held diplomatic relations with 49 out of 54 African countries, with direct subsidiaries in 48 countries out of the 49. Ever since the “Going Global” policy was adopted, China has been establishing special economic zones in African countries with the goal to promote its manufacturing sector and create employment in Africa. As for the financial sector, China has been working in two major directions: facilitating China's economic activities in Africa by providing trade credits and investment loans; and creating a private equity fund to finance China's ODI in Africa (the China—Africa Development Fund). Analyzing trade relations between China and Africa, the authors mention that trade between the two had experienced a staggering growth in the new millennium, from \$9.5 billion in 2000 to \$79.8 billion in 2009. Other cooperation includes contracts engaging China in African infrastructure, from building highways to constructing dams and energy plants. Overall, the authors believe that since China increased its involvement in Africa in the 2000s, the continent has witnessed significant economic improvement. However, the authors mention that western investors have been expressing their dissatisfaction with China's tendency to separate business from politics, as they can no longer put development incentives on African countries, while China benefits economically at the expense of democracy and human rights.

In the data and empiric section, the authors use three econometric methodologies, which will not be discussed in this paper excluding the results. In terms of output, the authors highlight that China seeks large markets measured by the GDP to place its investments, and that most African countries which have contracts with China will probably receive funds. As for the risk factor, the findings showed that Chinese investments are encouraged in countries with high corruption and criminality. Another ODI motive driving China to Africa is getting access to the continent's natural resources, especially oil and minerals; this is a relatively recent phenomenon, which became prominent after the adopted “Going Out” policy. In addition, according to the authors, this policy is the major, if not the sole, motive behind seeking resources in Africa. In general, the authors consider China—Africa relations to be based on equal partnership and call it a win-win strategy.

THE STRATEGY AND EXECUTION OF CHINESE NATIONAL OIL COMPANIES (NOCs)

To explain how Chinese ODI works, we need to get into more detail on NOCs' relationship with the government, their motives, strategies, and how they operate. In this context, we will review the article “The Roots of Chinese Oil Investment Abroad” by Trevor Houser [4]. The author traces the evolution of the Chinese oil sector, examines NOC-government relationship, and studies Chinese oil companies' motives, strategies and behavior overseas. As is stated by Houser, China's oil conquest started with massive natural resource depletion in China in the late 1970s. That, along with the inability to produce oil domestically, triggered a significant shift in Chinese oil policy in the early 1980s, when Beijing converted its petroleum and chemical ministries into state-owned enterprises: CNOOC and Sinopec. These enterprises were given authority to regulate Chinese oil policy; CNOOC, among other tasks, assumed responsibility for offshore

oil exploration. The rest of Chinese oil companies joined in with CNPC in 1988. The three enterprises (CNOOC, Sinopec and CNPC) remained under the authority of the state planning commission, which entailed additional costs and possible structure reforms. According to Houser, there are a few ways for the government to control these enterprises: by imposing regulations, by assuming ownership (the government became the official owner of the companies) and hiring their own representatives to run the companies' business (the majority of the companies' executives are public administrators, for example, vice ministers). Therefore, as the author points out, National Oil Companies, had their own reasons to support the "going out" policy. At first, Sinopec and CNOOC were tasked to drill domestically, but could not afford to make a marginal profit due to price limitations. They tried to lobby the government to raise prices; the latter refused to do so, as it was fraught with high inflation in the energy sector and, as a result, national inflation. Therefore, the NOCs were forced to decrease their extraction and refining in order to cut losses, which led to a drop in Chinese oil reserve to below 1% and decrease in China's oil consumption to 9% globally. It became a national security issue for the Chinese government to supply oil and gas to its market, and it announced "going out" policy, while still encouraging domestic extractions.

After they "stepped out", the NOCs had to take into consideration certain aspects of offshore oil extraction: technical capabilities, competition from International Oil Companies (IOCs), and political risks. Chinese companies were rapidly expanding, which allowed them to sell their oil not only domestically, but in the global market as well. Drilling oil in areas of political instability, such as Africa, represented a certain risk for Chinese NOCs. However, they took full advantage over other IOCs and pulled oil in countries such as Iran, Sudan, and Syria; which, for certain political reasons, were inaccessible for western companies. Houser mentions another beneficial circumstance that helped Chinese NOCs' expansion: owned by the government, they do not need external financing, as they are not required to pay dividends to their stakeholders, unlike other International Oil Companies. The author mentions the case of Unocal buyout attempt, when CNOOC placed a topping bid for American oil company Unocal; the attempt to purchase Unocal fell through, however, it doubled CNOOC's subsidiary revenue. Houser also gives multiple examples on how Chinese companies benefit from governmental loans to third world countries, particularly Africa, which gives them drilling advantages over other oil companies. In his article, the author demonstrates contradictory relationships between the government and NOCs: on the one hand, oil companies have governmental support, as they share mutual goals (Houser mentions Angola loan as an example), on the other hand, and in majority of cases, their interests conflict (domestic fuel price example). The author elaborates on NOCs' strategies and behavior overseas, as well as the motives behind the NOCs offshore oil production and shows how it relates to national security issues.

CHINESE COMPANIES' MAJOR ACQUISITIONS

The last section of the review will deal with the M&A activities of Chinese oil companies. The article "Global Ambitions: Chinese Companies Spread Their Wings" by Margot Schüller and Anke Turner [7] will help us to gain some insight on the topic.

The article in question analyzes the development of China's overseas investment (which has already been discussed in great detail in our review), international merger and acquisition (M&A) policy, the role of the government in the "going out" policy, Chinese companies' quest to become global players, and, finally, the future of China's ODI. In the first section, the authors present their overview of Chinese ODI history. Briefly, they state that Chinese ODI is rapidly increasing due to policy liberalization, and China is becoming an important source of FDI, ranking second to the United States, although China's current ODI is still relatively small. Consequently, they explain how China's main interest shifted from securing their natural resources to obtaining cutting edge technology and going global.

The second section of the article is of particular interest for the current review. Schüller and Turner mention that, according to the Ministry of Commerce in China, the share of M&A was only 18% of China's total overseas investment. The main strategy in Chinese M&A policy was purchasing well-known foreign companies. The authors put outward direct investments into two categories: investments in new assets and investments in existing assets. Building the facilities from scratch, which is referred to as a "greenfield investment", represents the first category; whereas M&A belongs to the second category of ODI. The authors note that M&A does not only have to deal with acquisitions, but also takeovers, buyouts, and consolidations. The main M&A target of China is in North America and Asia, with investments in natural resources having the highest priority. The authors conclude this section with a rather unoriginal statement that China's M&A (just like overall ODI) is still relatively small but is steadily increasing.

In the third section, Schüller and Turner look at the policies supporting the "going out" strategy, discussed earlier in this paper. Their review, like the previously analyzed articles, goes over the five stages of China's ODI development, from the 1980s to 2002. They also talk about the government's interest in offshore natural resources and the advantage of Chinese oil companies over their western counterparts, as they are not required to make any profit. Another reason for China's ODI growth is the necessity to explore new foreign markets due to China's expanding exports. Schüller and Turner delve into detailed explanation of the reasons why Chinese companies seek natural resources, the only legitimate reason being the government's involvement in the companies' decision making. The most significant M&A activity can be considered CNOOC's bidding for Unocal in 2005; the bid topped the one offered by American company Chevron (18.5 billion to 16.5 billion), which was possible due to CNOOC's access to cheap loans from state-owned banks; however, Unocal was eventually merged with Chevron. Another important M&A event is Haier's takeover of American company Maytag, which was seen by the Chinese as a way to penetrate the USA and EU's markets and to expand its product range. Besides Beijing's main M&A goal of expanding into new markets, China still seeks acquisition of new technologies and brands. As for the future of China's ODI, the authors' conclusion is concurrent with the ones drawn in the other articles; although, they do establish co-relation between the increase of M&A and that of the ODI.

CONCLUSION AND REMARKS

In the articles reviewed, the discussion was centered around Chinese ODI policy reforms in the period from the 1980s to present, during which China changed its political regime from communist to capitalist. All the authors, except Salidjanova, mark 2002 as the year when ‘going out’ policy was launched, following years of economic and political liberalization. The major motivating factor for initiating this policy was China’s desperate need for energy and natural resources. This need remains today and will remain in the future [5]. Subsequently, due to the liberalization of national enterprises, this need was fortified by seeking access to advanced technologies and western brands. ‘Going Global’ had many positive effects on China’s economy, as well as the economies of other nations, for example, China’s ODI played a key role in improving living standards in Africa, which was possible due to China’s policy of non-involvement into the host country’s internal affairs, as China it did not impose any conditions of African countries, unlike its western counterparts. In fact, African countries were more than willing to let China invest in their natural resources. However, the fear of Communist China’s growing power prompted the leaders of developed countries to try and limit China’s influence on the world economy and politics. The Chinese are very eager to acquire American companies to access state-of-the-art technology and open new markets. However, the United States, contrary to its democratic image, keeps attempting to slow the expansion of the Chinese oil market, as it did when U.S. Congress interfered in the bid of Unocal by CNOOC and did not allow the acquisition of the company by China. This demonstrates Washington’s fear for their national security. As far as other developed countries are concerned, they encourage Chinese investments. A good example would be Canada: in their article, Yuen Pau Woo and Kenny Zhang present enough evidence to prove and highlight the importance of Chinese capital for the Canadian economy. Therefore, we can conclude that China's real competitor is not the developed world, but the global economic and political hegemony: United States and its main partners. Despite Chinese ODI still being relatively moderate, the articles reviewed show evidence that Chinese foreign investment will continue to grow and, eventually, change the distribution of power on the global arena.

REFERENCES

- [1] Cheung Y.-W., de Haan J., Qian X.W., Yu Sh. *China’s Outward Direct Investment in Africa*. Hong Kong Institute for Monetary Research; 2011: 1—38.
- [2] *China Going Global Investment Index 2017. A Report by The Economist Intelligence Unit*. 2017. 33 p.
- [3] He W., Lyles M.A. *China’s Outward Foreign Direct Investment*. Business Horizons; 2008: 1—7.
- [4] Houser T. The Roots of Chinese Oil Investment Abroad. *Asia Policy*. 2008; 5: 141—166.
- [5] *Oil 2018. International Energy Agency Report*. Available from: <https://www.iea.org/oil2018/>. Accessed: 10.07.2018.
- [6] Salidjanova N. Going Out: An Overview of China’s Outward Foreign Direct Investment. U.S.—*China Economic & Security Review Commission*. 2011: 1—41.
- [7] Schüller M., Turner A. Global Ambitions: Chinese Companies Spread Their Wings. *CHINA Actuel*. 2005; 4: 1—12.

- [8] Woo Y.P., Zhang K. *China Goes Global: The Implications of Chinese Outward Direct Investment for Canada*. (n.d.). Available from: https://www.researchgate.net/publication/237429620_China_Goes_Global_The_Implications_of_Chinese_Outward_Direct_Investment_for_Canada. Accessed: 10.07.2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-525-535

ГЛОБАЛЬНОЕ ЗАВОЕВАНИЕ НЕФТИ: ИССЛЕДОВАНИЕ ВНЕШНИХ ПРЯМЫХ ИНВЕСТИЦИЙ КИТАЯ

А. Килани

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

В статье утверждается, что, усиливая внешнеэкономическую экспансию, Китай определил свою роль в качестве одного из крупнейших международных игроков в мировой экономике. С момента начала политики экономической либерализации в стране переход к капиталистической экономике стал лишь вопросом времени. Эффект политики «выхода за рубеж» Китая отчетливо заметен как в развивающихся, так и в развитых странах. Автор полагает, что высокая инвестиционная активность КНР, в том числе и внешние прямые инвестиции, стали своеобразной фобией для западных стран, особенно для США, создавая угрозу для государственных предприятий, которые не могут выдержать конкуренции. В статье рассмотрены и проанализированы шесть аналитических статей о внешних прямых инвестициях Китая в нефтегазовой сфере, их формировании и влиянии на другие государства. На основе проведенного сопоставительного анализа автор делает вывод о том, что основным мотивирующим фактором для начала политики «выхода за рубеж» была острая потребность Китая в энергоносителях и природных ресурсах. Внешние инвестиции КНР будут продолжать расти, что, в конечном счете, изменит распределение сил на мировой арене.

Key words: нефть, Китай, внешние прямые инвестиции (ОДИ), национальные нефтяные компании Китая (ННК)

Сведения об авторе:

Ахмад Килани — аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-5438-9264) (e-mail: ahmad.kilanys@gmail.com).

Information about the author:

Ahmad Kilani — Postgraduate Student of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID: 0000-0002-5438-9264) (e-mail: ahmad.kilanys@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 27.07.2018.

Received 27.07.2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-536-547

RUSSIA'S RELATIONS WITH GULF STATES AND THEIR EFFECT ON REGIONAL BALANCE IN THE MIDDLE EAST*

M. Almaqbali

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str. 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. The article reviews the history of formation and development of Russia's diplomatic relations with the Arab Gulf States. It analyzes the countries' rapport in the framework of the Cooperation Council for the Arab States of the Persian Gulf on the issue of homeland security in the region (the Iranian and Syrian questions, Qatar crisis). It also looks at the development of military and technical cooperation and the evolution of economic relations, which Russia uses to secure its growing geopolitical influence in the Arabian Gulf. The research describes the prospects of political development after the withdrawal of Russian troops from Syria.

Key words: Arabian Gulf, GCC, Syria, Saudi Arabia, Qatar

Russia began making contact with Gulf States back in 1932, when the USSR became one of the first countries that formally recognized Saudi Arabia and established diplomatic relations with the state. Shortly after, due to the change in the Soviets' party line (conversion to a new ideology and development of a moderate stance towards regional conflicts), the relations were suspended. The aggravation of international relations in the region was also the result of the competition between the Great Powers, and their respective political ambition. In the light of "West—East" political-military confrontation, the Soviet Union took immediate interest in the latest regional developments.

During the Cold War, the Soviet government viewed Gulf States as the United States' allies, and consequently, Moscow's adversaries. The Kremlin-Riyadh relations became especially strained after the introduction of Soviet troops on the territory of Afghanistan. In 1990s, the Kingdom's support of separatism in Kosovo and Chechnya became a large stumbling block in the two states' relations. At the time, however, due to a growing rapport between Moscow and the West, Russia—Saudi Arabia relations shifted to the background of the global arena.

In the 2000s, Russia renewed its rapprochement with Gulf States, which was based primarily on mutual economic interests. In 2006, when Russia served as a host nation for a G8 summit for the first time, Moscow leaders suggested including problems of "energy security" in the agenda for negotiations and declared their determination to play a key role in this sphere across the globe and, in particular, in Eurasia. They also came

---

* Перевод с русского языка на английский выполнил д.п.н., доц. В.Г. Иванов.
Translation from Russian into English made by PhD, Assoc. Prof. V.G. Ivanov.

up with the concept of an “energy superpower”, describing Russia as such, and stated that this is how Moscow would like to be perceived by its G8 partners. The reaction of the leading states of the globe was immediate and extremely negative. Thereafter, the Russian government never officially referred to this concept again. At the same time, a number of policy documents in various fields of homeland security approved by Russian President Vladimir Putin after 2006, were based on the recognition of overriding importance of the energy sector in Russia’s growing economic power. Russian policy in the energy sector is also driven by the need to control “key positions” in order to guarantee the country’s economic security and maintain its status as a nuclear superpower [12]. In spite of having large energy resources, the Persian Gulf monarchies are greatly dependent on the oil market, and, essentially, they have to face the same challenges as Russia.

The Kremlin and Gulf States have been conducting a political dialogue as well: there have been five meetings at foreign secretary level, in the course of which multiple political issues have been discussed, including problems of global terrorism, the Iraq, Libya and Yemen national crises, and, finally, the Iran question. An important contribution to strengthening Russian-Iranian relations was the ‘Treaty on the Basic Principles of Cooperation between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran, ‘signed by the countries’ presidents on March 12, 2001 in Moscow (the treaty came into effect on April 15, 2002). Russian-Iranian political dialogue is based on similar views on a majority of vital issues on both the global scale and the regional level, in particular, building multi-polar world order, reinforcing the United Nations’ role in international affairs, combatting new challenges and threats, Syrian and Iraqi crisis regulation, and the Afghanistan situation. Gulf countries consider Tehran a major threat to their national security, as Iran has a powerful army and can count on the loyalty of Shia Muslim communities that live in GCC member countries.

It should be noted that in the Persian Gulf States, there are two major branches of Islam, Sunni and Shia, the adherents of which are in constant conflict and populate the region unevenly. Shia Muslims constitute only 15% of the world’s Muslim population, but the vast majority of the Shias live in Gulf States; Sunni Muslims, constituting 80—85% of the world’s Muslims and compete with the Shias for power. Shia Muslims hold power in Iran and, recently, Iraq. The Sunni regimes of the Persian Gulf (specifically Kuwait, Qatar and the United Arab Emirates) fear the “Shia-Iranian threat”. Moreover, it is essential to know that the population of Saudi Arabia is a Wahhabi majority, and they are much different from the Sunnis. Wahhabism is an ultra-extremist, violent ideology. Strategically, pro-Iranian Shia axis is supported primarily by China and Russia. The West, on the other hand, following the Cold War logic, aids the Sunni Muslim center line, which is directed against Syria and its Iranian allies. According to some experts, the “Shia vs. Sunni” conflict has no religious basis, instead it is a game of political interests, the objective of which is to provoke a conflict between the Iranians and Arabs. Experts also suggest that the fundamental differences between Saudi Arabia and Iran have nothing to do with their belief systems [9].

The “Arab Spring” made Gulf States address the issue of national security with a renewed vigor. A collision of Iranian and Saudi Arabian forces resulted in a series

of uprisings in Egypt, Syria and Iraq. Arab media, namely the newspapers “Al Jazeera”, “News” and “Opinion” have aired their suspicions that the United States is the main culprit behind the events in the Arab world. Among other things, the media argued that the USA has exhausted its military and financial resources in the Gulf region and will be forced to “abandon” the Middle East due to outrageous military expenditures. U.S. oil corporations, operating in the Gulf, realize that they need to vacate the “occupied” territories in such a way that nobody could “oust” them, and that the zones of interest would remain under control of the manageable forces. These “manageable forces” are Islamic hard-liners, sponsored by the United States and their allies in Saudi Arabia and Europe. Thus, according to the academic advisor of the RAS (Russian Academy of Science) Oriental Institute, Professor V.V. Naumkin, armed violence at the behest of global actors has played a fundamental part in the overall Gulf crisis [7]. At the same time, the growing crisis in Turkey, aggravated by its deteriorating position on the global arena, cast a long shadow on its example of “Islamic democracy” [1]. Many European NATO leaders expressed their discontent with the President of Turkey. Some of them believed that it was Erdogan who provoked European migration crisis after his failure to eradicate smuggling of refugees across the country’s border. Turkey’s renewed rapport with Moscow antagonized Washington, as it feared that Ankara might take the path of European integration and leave the NATO’s military alliance.

Modern Russia-Gulf State relations have a great potential for strategic development, however, due to the existing contradictions, there is a number of obstacles on the way to this strategic partnership. Two main stumbling points between Russia and the Gulf Arabs are Iran (whose relations with Moscow are progressing) and the Assad regime (Qatar and Saudi Arabia made colossal investments to support Syrian rebels, while Russia is lending political, economic and military support to the ruling regime). For instance, the emirate of Qatar supplied arms to rebel armies, operating in the north of Syria, while Saudi Arabia gave ammunition to militants in the south [5].

Starting from 2012, the Gulf Cooperation Council (GCC) members steered a course towards increasing aid to the Syrian opposition. Financial flows intended for support of the insurgent army kept growing. In 2012—2013, Qatar alone allotted around three billion US dollars to the Syrian rebels, which significantly exceeded other countries’ aid [6].

Within the context of the Syrian conflict, it is important to remember the concept of the “Greater Middle East”, introduced by George W. Bush’s administration in November 2003. This concept is based on the idea of democratization and reconstruction of the Middle East and Northern Africa, as opposed to the former U. S. policy supporting authoritarian regimes for the sake of regional stability and security, which fell short of the target. The introduction of the “Greater Middle East” initiative was treated as an attempt to interfere in the Gulf Arabs’ internal affairs and sparked a backlash. As a counter to the American concept, at the League of Arab States’ (LAS) summit, which was held in Tunis in May 2004, Egypt, Saudi Arabia and Syria introduced their own initiative of “self-democratization”; however, the discord of opinions during the meeting left the Arab governments in disarray.

Upon completion of the Russian military operation in Syria, the GCC countries, seemingly have taken a ‘wait and see’ attitude to the Syrian situation, which is unlikely to change in the near future. This position appears to be aligned with Gulf States’ waiting game in response to U.S. President Donald Trump’s commitment to create safety zones in Syria. The Arab states seem to be staking on Russian participation, considering the global dimension of the conflict.

At the present stage, Russia is striving towards sustainable partnership in security matters with the member states of the GCC (the Gulf Cooperation Council or, more formally, Cooperation Council for the Arab States of the Gulf), which was established in 1981 at a summit of the leaders of Bahrain, Qatar, Kuwait, the UAE, Oman and the Kingdom of Saudi Arabia (KSA) in Abu Dhabi. Riyadh was one of the primary initiators of this regional military-political alliance. The organization’s main objective is cooperation between the member states. The Secretariat General is located in Riyadh, Saudi Arabia. It is noteworthy that originally the GCC was controlled by Saudi Arabia. The Council countries have established strong ties with the chief NATO member, the USA, which supplies weapons to Gulf States, provides training to the states’ troops and builds military bases on their territory. In 2014, this cooperation was officially documented: on December 11, the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf signed an agreement with NATO, in which the two organizations made arrangements on safeguarding the supply of energy resources to the world markets. One should mention internal disagreements among the GCC members: in 2014, the organization experienced a rift between member states, with Saudi Arabia and Bahrain on one side. and the UAE and Qatar on the other. In 2017, the Ministry of Interior of Qatar announced the possibility of the Emirate’s withdrawing its GCC membership.

Since the beginning of the Syrian war in 2011, Russia-GCC relations headed downhill due to a disagreement regarding the fate of Syrian president Bashar Al-Assad. Russia offered unqualified support for Assad, claiming that Syria’s Ba’ath regime is a stronghold of resistance to Islamic extremism. However, the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf, anchored by Saudi Arabia, was strongly pushing for Assad’s expulsion, as his exit would facilitate mitigation of Iran’s regional influence. Iran is Russia’s key partner in providing the protection of Assad’s regime and expansion of Russian hegemony over the Levant. Such discordance, in combination with Russian-Saudi combat over oil prices, has led many experts on the Middle East to the conclusion that Russia-GCC relations is at their historic low [3].

However, upon a second glance at the geopolitical dynamics in the Middle East, one can clearly see that the assumption that Moscow-Gulf relations are experiencing crisis is misleading. In fact, one can contend that after President Putin’s third re-election in 2012, Russia’s geopolitical influence and ‘soft power’ in the Gulf States is growing. Through expanding its investment connections and undertaking certain diplomatic efforts, Russia is trying to win back the USSR positions in the regional policy, increase its role and influence on the distribution of power in the Middle East.

In 2015 and the first half of 2016, Russia was visited by the leaders of Kuwait, Qatar and Bahrain, as well as by Ministers of Foreign Affairs and other high-ranking officials of Gulf States. Among the negotiating points were not only the Middle East

regional problems, but also prospects of Russia-Gulf States bilateral relations. The analysis of the speeches delivered by the parties revealed that economic arrangements were not at the center of discussion. The bulk of the discussion revolved around the Syrian question. Despite the efforts of the Gulf Arabs to arrive at an understanding on the Syrian question, Moscow's position was unshakable.

In late May 2016, the fourth round of Russian-GCC strategic dialogue took place in Moscow. According to the joint final communiqué, "both parties share intentions to strengthen and develop rapport and partnership within the framework of strategic dialogue between Russia and the GCC". The parties expressed their intention to continue cooperation in order to achieve general consensus and shared vision on international and regional problems of mutual interest and intensify their active collaboration in economic and humanitarian spheres. In the course of negotiations, Russian and GCC leaders outlined the areas of potential partnership: counter-terrorism efforts, and the monitoring of nuclear energy uses. Despite having mutual economic and political interests, the parties failed to reach an agreement on the Syrian question.

The GCC Summit of December 7—8, 2016 in Manama confirmed the Gulf leaders' position regarding the Syrian crisis: they recognized the need to reach its political settlement, however, sans President Assad. With the participation of British Prime Minister Theresa May, the Council and the UK were able to formulate a joint statement, which read: "It is necessary to achieve a sustainable political resolution in Syria that ends the war and establishes an inclusive government that protects all ethnic and religious communities, and preserves state institutions". The leaders also reaffirmed that "Assad has lost all legitimacy and has no role in Syria's future". They also highlighted that "The international community needs to be united in calling for the Assad regime and its backers, including Russia and Iran, to support a meaningful end to the violence, sustained humanitarian access, and an inclusive political process. The solution to the situation in Syria is an enduring political settlement based on transition away from the Assad regime to a government representative of all Syrians; and with which we work to fight terrorism" [6].

Oman and Kuwait are two GCC member states that were the most enthusiastic about Russia's proposition to settle the Syrian conflict without excluding Assad. Oman's position is justified by the fact that, throughout history, it has played a mediating role, trying to maximize its influence in the region. On October 26, 2015, Minister of Foreign Affairs of Oman, Yusuf bin Alawi, held a meeting with Assad. As was reported by the Syrian Arab News Agency (SANA), the Syrian leader thanked Oman for "the sultanate's sincere efforts to help Syrians realize their aspirations in a way that preserves the country's sovereignty and territorial integrity". "Defeating terrorism will promote Syria's political recovery" said Assad [5].

Furthermore, during the negotiations on the Iran Nuclear Deal in 2014, Oman strongly supported a thaw in relations between Iran and the USA. The recent developments indicate that Masqat is able to raise its international profile by means of diplomatic efforts. While Oman remains a peripheral player in the Persian Gulf, any support by GCC members is viewed as a diplomatic victory by Russia, as it fortifies the expanding coalition of the League of Arab States' members standing for political settlement of the Syrian

conflict. For example, on November 2, 2011, the LAS announced a peace plan for Syria, according to which the League's inspectors were supposed to launch their mission in the country. However, the Syrian regime was not prepared to start negotiations with the opposition. Another demarche undertaken by the GCC states was initiating the General Assembly Third Committee's resolution condemning human rights violations in Syria, including violent acts against the participants of massive protests. The resolution was approved by the majority of votes in late November, 2011.

The Arab States' further efforts were directed towards increasing pressure on the incumbent Syrian government. In February 2012, Gulf States began suspending their diplomatic relations with Syria and deporting Syrian diplomats. Moreover, prompted by the Gulf countries, the LAS sponsored a UN Security Council resolution calling for immediate cease-fire in Syria. On February 4, 2012, the resolution was vetoed by Russia. The parties assumed similar positions concerning the UNSC resolution of June 19, 2012, which solicited extending the mandate of the United Nation Supervision Mission in Syria and demanded that Syrian government should end armed encounters with the opposition. The Persian Gulf States accused the United Nations of an inability to make a decision which would have stabilized the situation in Syria. In June 2013, Saudi Arabia gave up its membership as a nonpermanent member of the UN Security Council, demonstrating its dissatisfaction with the development of the Syrian situation. Its allies, the Arab monarchies, supported the KSA's decision [6].

Kuwait developed a unique attitude to the Syrian question by assuming an intermediary role between Saudi Arabia and Russia. Acting in accordance with the GCC consensus, it sympathizes with Syrian rebel groups. As was noted by Daniel DePetris in *National Interest*, Kuwaiti donors provide zealous support to Assad's adversaries in Syria, including allocating generous funds to sustain Al-Qaeda's local branch, the so-called "Al-Nusra Front", and its militias [2]. Conversely, by mid-2015, Kuwait backed Russia on its plan for comprehensive political settlement of the Syrian conflict and criticized Riyadh's hostility towards Assad.

Just as in the case with Kuwait and Oman, Russia has made certain progress on its way to a consensus with Abu Dhabi. On June 3, 2016, the speaker for the UAE Federal National Council spoke favorably of Russian Minister of Foreign Affairs Sergey Lavrov's active position in promoting peace talks in Syria. The UAE high-ranking officials also expressed their readiness to settle the Syrian issue with the participation of all major political players, including President Assad. Abu-Dhabi's changed outlook indicates Russia's strong hand in the game, as it is able to steer the GCC members away from Riyadh's hegemony.

Thus, the balance of powers in the GCC has shifted, but not in Saudi Arabia's favor: the country's inefficient policies, both on domestic and global scale, have left the country in a disadvantageous position.

In this context, political tensions created by the House of Saud and its allies, specifically the UAE, Bahrain and Egypt, in relation to Qatar, have caused a major disintegration among the KSA-governed GCC members, which, in its turn, has led to Saudi Arabia's isolation in the regional arena.

Saudi Arabia's recent militarism has triggered protests among certain GCC members. The member states' overt disgruntlement with the KSA — Oman's and Kuwait's among others — as well as Qatar's current unambiguous anti-Saudi attitude indicate a new development in the Arab world. Present tensions in Saudi-Qatar relations, particularly Doha's objection to Riyadh's discreditable and appalling stipulations, on the one hand, and Oman's opposition to the Saudi initiative to create the Gulf Cooperation Council, on the other, clearly show that the Kingdom's leaders have no clue about the GCC's future development. The discontent member states see the GCC as a Saudi tool for expanding the Kingdom's influence in the region and do not wish to continue their cooperation with the Council. Considering the recent developments, many experts in political science believe that Saudi Arabia outplayed itself in a reckless political gamble that they themselves initiated.

Eventually, Saudi Arabia became ostracized on the regional level, with but a few Arab allies supporting the Kingdom's anti-Qatar policy. At the same time, the Wahhabi regime's support for terrorist groups sparked outrage in the global community. Saudi Arabia's recent policies not only aroused indignation both in the region and the world, but also affected its internal affairs.

By restoring its diplomatic rapport with Oman, Kuwait and the UAE and reaching an agreement on the Syrian question with the GCC, Russia formed a coalition creating a counterbalance for the Saudi-Qatar alliance. While boosting its diplomatic activity in the Persian Gulf, Russia is working towards strengthening its ties with Algeria, Iraq and Egypt. Using Moscow's growing influence in the Middle East, Russian President Vladimir Putin is trying to shift the balance of power in the Council in Russia's favor and keep Saudi Arabia and Qatar in political isolation.

To further damage Riyadh's position in the Gulf, Russia is trying to strengthen its diplomatic ties with Manama, although Bahrain is essentially a Saudi satellite state. Saudi Arabia is Bahrain's major trade and economic partner, with 29.1% of Bahraini import being purchased by the Saudis [11]. Bahrain, in its turn, has always supported Riyadh in its opposition to Iran. At the same time, Manama signed a deal with Moscow, securing supply of Russian weapons to Bahrain, and is openly discussing Russia—Bahrain anti-terrorism cooperation while ignoring Riyadh's discontent. Having Bahrain on its side, the Kremlin is celebrating its diplomatic victory in the region. Meanwhile, Saudi Arabia is losing its leverage in the Gulf.

Saudi Arabia's deteriorating position in the region forced King Salman to soften his stance in regards to Assad's immediate removal, agree to the LAS consensus on Syria and renew his diplomatic rapprochement with Russia. Russia—Saudi bilateral rapprochement was a gradual process, since Riyadh was still suspicious of Moscow's intentions. Many Saudi politicians feared that Moscow will side with Assad and would decide to launch a military intervention in September 2015. Saudi Arabia's hostile attitude to Russia was reinforced by the fact that Russian military involvement in Syria began just a few weeks after the Moscow—Riyadh negotiations. After the Arab League reached a consensus on the Syrian question and decided in favor of its comprehensive political settlement, Saudi Arabia put the discrepancies aside and agreed to a compromise with Moscow.

It appears to be unlikely that Russia will provide a substantial and long-lasting competition for Saudi Arabia's hegemony in the Council, but the strengthened diplomatic ties between Moscow and Riyadh's closest allies will increase Russia's leverage in the GCC and induce other Council members to join in with Russia on the Syrian question. The fact that Riyadh moderated its belligerent anti-Assad attitudes and resumed a political dialogue with Russia became obvious after the "historic" visit of King of Saudi Arabia Salman bin Abdulaziz Al Saud in Russia in the fall of 2017. It was the first official trip to Russia by a reigning Saudi monarch in the history of Moscow—Riyadh's relations. This unexpected rapprochement between the two foes ran contrary to regional analysts' predictions, who were setting the odds on the continued controversy. King Salman's visit heralded a new page in Saudi—Russia relations and took the rapport between the two countries to a new level.

At present, Saudi Arabia found itself in a tough geopolitical situation. On the one hand, the Kingdom faces Iran's increased influence on the Arabian Peninsula and in the region in general. "Hezbollah", the Assad regime, the Shia opposition in Bahrain, and the Houthi insurgency in Yemen (allegedly) are all supported by Tehran. On the other hand, the United States' ambiguous policy in Egypt (the implicit consent to Hosni Mubarak's resignation and attempts to ingratiate itself with "Muslim brothers") and Syria, complete with the Iran nuclear deal, causes Riyadh to doubt the reliability of an American "safety umbrella". After Donald Trump took his "America First" foreign policy approach to the United Nations and promised not to impose American values on other countries, Moscow's positions in the Arab world have established a foothold: Russia comes across as an appealing partner for the Arabs, as it appears to be a strong player, capable of holding Iranian interests in check.

The 2015 Iran Nuclear Deal raised concerns in the USA, as well as among certain Arab States, that making concessions will only fuel Tehran's ambitions. The supporters of the Deal, however, argued that it will strengthen the position of the rightwing Iranian political elite and make Iran's regional policy less reckless. As President of Iran Hassan Rouhani pointed out, after the agreement between Iran and the P5+1, his country is no longer feared by the global community.

Despite the differences of opinion on the Syrian question and Russia's active participation in the Nuclear Deal, the relations between Russia and Gulf States are headed in the right direction: aside from economic cooperation, the parties are engaged in an active dialogue, discussing such key global problems as international terrorism, piracy, and drug trafficking.

Russia is reinforcing its political, military and economic ties with Qatar, Oman, Kuwait, and the UAE, trying to create an equipoise to Saudi Arabia's hegemony in the Persian Gulf. These connections are helping to settle the differences that had been impeding productive collaboration between Moscow and Arab states for decades.

Russia's economic interests in Qatar demonstrate how closer trade ties can ease deep-rooted hostility. The assassination of high-profile Chechen politician Zelimkhan Yanderbiyev in Doha in 2004, as well as Qatar's support for separatists, significantly damaged Russian relations with the monarchy. However, Russia is trying to establish

common grounds with Qatar through their partnership in the energy sector. Russian energy giant “Gazprom” is expanding its cooperation with “Qatargas” in production of liquid gas. “The Russian Private Equity Fund is carrying on active cooperation with the Qatar Investment Authority. \$1.2 billion has already been invested in certain projects, while other projects of about \$12 billion total worth are pending”, reported Minister of Energy of the Russian Federation Alexander Novak [8].

In response to Russian Energy Minister’s 2016 appeal to raise annual trade volume between Moscow and Doha to \$500 million, Minister of Energy of Qatar Mohamed bin Saleh al-Sada stressed the importance of forging stronger trade ties and enhancing bilateral economic cooperation between Qatar and Russia’s private and state sectors. A balanced approach, established by Qatar years ago, to maximize its influence in the region, demonstrates that expanding its economic ties with Russia is an intelligent game plan for Doha. Therefore, Russia has a perfect opportunity to establish an economic foothold in the Persian Gulf state, which, historically, was least friendly to Moscow.

Similar trends can be traced in Russia’s relations with other Gulf States. According to President of Moscow Institute for Middle East Studies Yevgeny Satanovsky, Oman’s trade ties develop independently from large-scale geopolitical events in the Middle East. Muscat’s economic autonomy allowed to increase the trade volume between Russia and Oman from \$13 million in 2010 to \$100 million in 2014 [10]. Oman supports Russian security initiative in the Gulf, and Moscow, in its turn, appreciates Muscat’s pragmatic outlook on the Syrian situation.

Russia’s relations with the UAE have been fortified through economic investments. Emirati corporations invested funds in the construction of facilities for the 2014 Olympics in Sochi and a major port outside Saint Petersburg; they also subsidized Russian oil giant Rosneft for the upstream project. The established partnership between Russia and Kuwait, Moscow—Manama growing economic interaction, as well as the UAE investments into the Russian economy indicate strong Russian presence on Saudi Arabia’s traditional turf. “For the year 2016, bilateral trade between the two countries reached \$1.2 billion, the same level as in 2015 but the figure is expected to go up this year as ties between the two countries strengthen and the UAE imports more goods from Russia”, said Ara Melikyan, a trade representative of the Russian Federation in Abu Dhabi [13].

Besides attracting generous investments from the Persian monarchies, one of the key elements of Russia’s agenda in the region is to increase geopolitical influence through military contracts. According to the Federal Service for Military-Technical Cooperation (FSMTC), while Qatar intends to purchase Russia’s S-400 anti-missile systems “Triumph” and “Pantsir-C”, Moscow is negotiating a deal planning to arrange a supply of Su-35 air-defense fighters to the UAE [4].

After Russia withdrew its troops from Syria, the power landscape in the Persian Gulf has changed, opening new possibilities for political development in the region. In particular, Russia and Saudi Arabia have travelled a long path of negotiations regarding the Syrian question, resulting in their bilateral rapprochement, despite certain discrepancies, primarily regarding Bashar Al-Assad’s fate. Moscow gives credit to Riyadh,

acknowledging its vital role in the Cairo agreement between Russia and Syrian opposition, which allowed creation of de-escalation zones in Ghouta and Al-Rastan.

It is noteworthy, that Saudi-Arabia's attitude towards Syria has significantly evolved. Formerly, the Kingdom was strongly pushing for Assad to step down, in congruence with the Obama administration's position. However, when Donald Trump took office, the Saudi leaders quickly 'changed trains' and agreed that a peaceful way of solving the Syrian problem was of paramount importance (that, of course, would include removing Assad from the picture). The necessity of the political settlement of the issue was repeatedly highlighted by Saudi Arabia's Minister of Foreign Affairs Adel bin Ahmed Al-Jubeir, which in its turn fostered Russian-Saudi rapprochement.

The 2017 Qatar crisis also played an important part in the formation of new alliances in the Gulf. Russia assumed a balancing approach, maintaining important economic relations with both sides: the Qataris and the Saudis.

Thus, Russia has secured its image as a strong player on the Middle Eastern arena, whose support can shift the balance of power on the Arabian Peninsula. Depending on the situation, this support may be of political, economic or military nature, provided all interests are considered and long-term arrangements are established.

Russia's key priority in the region is fighting the Daesh and other radical Islamic militant groups. Difference of attitudes often causes controversy between Russia and Gulf States; that is why it is highly unlikely that Moscow will change its geopolitical priorities and terminate the long-established and successful cooperation with Iran, a prospective member of the SCO (Shanghai Cooperation Organization), in favor of its rapprochement with the Gulf Arabs. At the same time, it is doubtful that Russia—Iran partnership will further evolve: Iran's support for Hezbollah and Yemen rebels, as well as its high regional ambitions, have been getting in the way of the two countries' harmonious relations. Due to its cooperation with Israel in the field of security, and its neutral stance towards Tehran's allies in Syria and Yemen, Moscow cannot back Iran on some of its more extreme policies. Besides, Russia wishes for Iran to maintain its denuclearized status [5].

In the changing world, Moscow's allies are not necessarily Washington's foes, and vice versa. Cooperation between Russia and Gulf States is based on their shared interests, in particular, fighting international terrorism.

Communication between Russia and Gulf States regarding the Syrian problem was progressing rather unevenly. The sides adopted diametrically opposed positions in respect of the incumbent president's fate and in regards to which Syrian opposition groups should be considered moderate. At the same time, both Russia and the Gulf Arabs were seeking settlement to a conflict which destabilized the regional situation and boosted the threat of terrorism. Russia and Gulf States concur on the future of Syria's state system, supporting its territorial integrity, secular identity and protection the rights of ethnic and religious minority groups. The two parties are also united by the common goal of combatting world terrorism, in particular the Islamic State, the liquidation of which is seen as the priority mission of the global anti-terrorist campaign.

Комментарий переводчика:

Статья М. Аль-Макбали посвящена актуальной проблеме и представляет значительный интерес как для российских, так и для зарубежных читателей, что объясняет оправданность перевода статьи на английский язык. В статье представлен содержательный авторский анализ развития отношений России со странами региона в историческом, дипломатическом, экономическом, военном и геополитическом аспектах. В процессе перевода были сохранены и подчеркнуты важные аспекты авторского научного текста. Так, например, для автора имело принципиальное значение использование понятия «Арабский залив» вместо «Персидский залив». Статья содержит оригинальные и значимые выводы и прогнозы и может быть интересна для международного читателя.

REFERENCES

- [1] Aksenenok A. Rossijskij vzglyad na Persidskij zaliv i iranskuyu problem [Russian Outlook on the Persian Gulf and the Iranian Problem]. Islam Today. 20.03.2017. Available from: http://islam-today.ru/islam_v_mire/bliznij-vostok/rossiassagpz-razvitie-otnosenij-posle-adernojsdelki-s-iranom/. Accessed: 09.07.2018 (In Russ.).
- [2] DePetris D.R. Why America Can't Win in Syria. National Interest. December 19, 2017. Available from: <https://nationalinterest.org/feature/why-america-cant-win-syria-23721>. Accessed: 09.07.2018.
- [3] DePetris D.R. Why Syria Could Become the Black Hole of the Middle East. The National Interest. 5.12.2018. Available from: <https://nationalinterest.org/blog/the-skeptics/why-syria-could-become-the-black-hole-the-middle-east-23506>. Accessed: 09.07.2018.
- [4] Iskanderov P. Rossiya i Persidskij zaliv: okna vozmozhnostej [Russia and the Persian Gulf: Windows of Opportunity]. Strategic Culture Foundation. Electronic edition. 06.09.2017. Available from: <https://www.fondsk.ru/news/2017/09/06/rossia-i-persidskij-zaliv-okna-vozmozhnostej-44604.html>. Accessed: 09.07.2018 (In Russ.).
- [5] Mahmood O. View from the Gulf. Bahrain Center for Strategic, International and Energy Studies ("Dirasat"). 16.05.2018. Available from: <http://www.derasat.org.bh/>. Accessed: 09.07.2018.
- [6] Melkumyan E. Rossiya i strany persidskogo zaliva v kontekste sirijskogo krizisa [Russia and the Gulf Countries in the Context of the Syrian Crisis]. Carnegie Endowment for International Peace. 19.12.2016. Moscow: 2—6. Available from: <http://carnegieendowment.org/>. Accessed: 09.07.2018 (In Russ.).
- [7] Naumkin V. "Arabskaya vesna" i global'naya mezhdunarodnaya sistema [The Arab Spring and the Global International System]. Rossiya v global'noj politike. 02.08.2011. Available from: <http://globalaffairs.ru/number/Snizu-vverkh-i-obratno-15277>. Accessed: 09.07.2018 (In Russ.).
- [8] Rossiya i Katar zadumalis' o realizacii proektov na 1,2 milliardov dollarov [Russia and Qatar Contemplate \$1.2 Billion Worth Projects]. TASS. 16.05.2018. Available from: <http://itar-tass.com/>. Accessed: 09.07.2018 (In Russ.).
- [9] Sadjadi R. SHiity i sunity [The Shias and Sunnis]. Available from: <http://xn--80apli1bp.xn--p1ai/sunit-hiity.html>. Accessed: 09.07.2018 (In Russ.).
- [10] Satanovsky E. Saudovskaya Araviya bez soyuznikov [Saudi Arabia Without Allies]. Vipvideoclub.ru. 18.10.2016. Available from: <http://vipvideoclub.ru/stati/voina/evgenii-satanovskii-saudovskaja-aravija-.html>. Accessed: 09.07.2018 (In Russ.).
- [11] The World Factbook — Central Intelligence Agency. Available from: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>. Accessed: 09.07.2018.
- [12] Tkachenko S.L. Konceptciya ehnergeticheskoy sverhderzhavy i otnosheniya Rossijskoj Federacii i Evrosoyuza v oblasti ehnergetik [The Concept of an Energy Superpower and Relations Between the Russian Federation and the European Union in the Energy Sector]. Quality Economics. 2014; 4 (8): 27—33 (In Russ.).
- [13] ОАЕИ-Росси́я. Torgovye svyazi [UAE-Russia. Trade Relations]. AbuDhabiTiming. 25.07.2017. Available from: <http://abudhabitiming.com/2017/07/uae-rossiya-torgovye-svyazi/>. Accessed: 09.07.2018 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-536-547

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В РЕГИОНАЛЬНОМ БАЛАНСЕ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

М. Аль-Макбали

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье отражен исторический аспект установления и развития дипломатических отношений России с государствами Арабского залива, анализируется взаимодействие в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива по вопросам безопасности в регионе (отношения по иранскому и сирийскому вопросу, катарский кризис), а также направления военно-технического сотрудничества, развитие экономических связей, с помощью которых Россия пытается играть все более заметную геополитическую роль в Арабском заливе. Представлены перспективы развития политической ситуации после вывода российских войск из Сирии.

Ключевые слова: Арабский залив, ССАГПЗ, Сирия, Саудовская Аравия, Катар

Сведения об авторах:

Аль-Макбали Мазин Саид Мусабах — аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0003-2695-5879) (e-mail: mazinalmaqbal@gmail.com).

Перевод выполнен: *Иванов Владимир Геннадьевич* — доктор политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-3650-5460) (e-mail: ivanov_vg@pfur.ru).

Information about the authors:

Almaqbalı Mazin Said Musabah — Postgraduate Student of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-2695-5879) (e-mail: mazinalmaqbal@gmail.com).

Translated by: *Ivanov Vladimir Gennadievich* — PhD, Doctor of Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-3650-5460) (e-mail: ivanov_vg@pfur.ru).

Статья поступила в редакцию 20.07.2018.

Received 20.07.2018.

© Аль-Макбали М., Иванов В.Г., 2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-548-554

THE IMPACT OF SYRIAN REFUGEE CRISIS ON NEIGHBORING COUNTRIES

M. Hawamdeh, A. Al-Qteishat

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str. 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. This article discusses the impact of short migration in Syria on neighboring countries. Since the beginning of the civil war in Syria an exodus in large numbers has emerged. The turmoil and violence have caused mass migration to destinations both within the region and beyond.

The article discusses the political, social and economic effects of these crises on the regional security in the Middle East and beyond. Refugee crisis provokes many difficulties in receiving countries and living conditions of refugees are often questionable due to difficult humanitarian situation. The article analyzes the challenge to the neighboring countries of Syria (Jordan, Turkey, Lebanon and Iraq), that has been hosted more than five million forced refugees according to UN last statistics.

It is concluded that The Syrian refugee crisis remains one of the biggest problems facing the Middle East. It is more prone to more humanitarian and political problems, especially as it is a crisis of chaos, turmoil and protracted conflicts in the region.

Key words: Middle East, refugee crisis, Syria, Civil war in Syria, neighboring countries, The UN Refugee Agency, Political stability

In addition to the collapse of the Syrian state and the outbreak of a domestic civil war that claimed more than 300,000 lives, the Syrian crisis has led to a complicated demographic situation. According to UN statistics, more than 5 million people are internally displaced within Syria and about the same number are refugees outside of Syria, either hosted by the neighboring countries or stuck on the border between the countries.

The risk of a demographic crisis growing worse increases when it occurs on a territory with weakened social and governmental systems. The regional societies appear to be a mixture of ethnicities, religions, and sects. Suffering from multiple economic complications caused by the influx of refugees from across the border, a lot of people in the region are forced to live below the poverty line. Feeding on peoples' fear and despair, extremism and terrorism thrive in areas where violence seems to be the norm. Terrorist groups in the region take advantage of the ideal conditions to expand and recruit new members, while the number of refugees and displaced persons in countries with failed political and economic systems continues to soar.

Since the beginning of the crisis, there has been an incessant flow of refugees into neighboring countries. However, as the conflict grew more intense and its geographical area expanded, the number of refugees kept escalating as their directions of movement diversified. During the early stages of the conflict, the range of refugee migration remained rather limited. According to the United Nations High Commissioner for

Refugees (UNHCR), shortly after the beginning of the war, an estimated 120,000 Syrian refugees fled to Jordan, Lebanon, Turkey and Iraq [5].

As the war progressed and the number of affected cities grew, millions of Syrian residents fled the country in what amounted to a mass exodus. According to the UNHCR report on 15 July 2015, the number of refugees fleeing the area of conflict to neighboring countries exceeded 4.72 million.

By the end of 2014, the number of people forcibly displaced around the world reached 59.5 million compared to 51.2 million people in 2013, and 37.5 million people ten years ago. The rate of increase in 2013 is the highest ever, mainly due to the accelerated pace of displacement since early 2011 when the war in Syria broke out.

MAP OF THE DISTRIBUTION OF SYRIAN REFUGEES IN THE REGION

The vast majority of Syrian refugees are hosted by neighboring countries: Turkey, Lebanon, Jordan, Iraq and Egypt. The number of refugees these countries receive varies significantly. According to the UN High Commissioner for Refugees (UNHCR) in mid-July 2015, Turkey was the largest host country with 1.8 million registered refugees, which constitutes about 45% of the total number of Syrian refugees in the region. Lebanon, with 1.2 million Syrians, ranked second, followed by Jordan with 630,000, Iraq with 250,000, and Egypt with 133,000 displaced residents of Syria. Various North African countries also hosted about 24 thousand Syrian refugees [6]. About 270,000 Syrians are seeking asylum in Europe and other countries, among them are thousands of whom have been resettled from Syria's Middle Eastern neighbors [8].

Turkey

Hosting nearly half of the displaced persons (DPs) from Syria, Turkey is the largest single recipient of refugees in the region. By the end of May 2015, the number of Syrian refugees registered in Turkey reached 1.76 million, according to official Turkish statistics. The EU Civil Protection and Humanitarian Aid Operations also counted over 1.7 Syrian refugees registered in Turkey — a definite increase from the beginning of 2014, — which makes Turkey the largest host country in the world.

The infrastructure and development of neighboring countries — Turkey in particular — has been negatively affected by the influx of Syrian refugees, as they are obliged to provide long-term accommodation, healthcare and educational opportunities for those seeking asylum on their territory. Therefore, a “temporary protection system” based on EU directives on mass displacement has been introduced. It includes the right to stay in Turkey until a more permanent solution is found. However, it does not allow Syrian expatriates access to the asylum system provided by the Office of the United Nations High Commissioner for Refugees, nor does it grant the right to work [7].

Accordingly, Ankara provides temporary asylum to anyone crossing the border without a passport, but on the condition that they reside in a refugee camp. However, many Syrians managed to walk around this condition by crossing the border illegally, while others entered with a passport but exceeded their three-month-stay period. Stationed in Turkish cities, they put pressure on the labor market and represent a social and security burden for Turkish citizens.

Jordan

According to the UNHCR, Jordan has received 700,000 refugees, while the Jordanian government estimates place the total refugee count including unregistered migrants (about 531,000) and Syrians living in Jordan before the start of the Syrian crisis (700,000) at over 1.5 million. The Syrian refugees currently constitute 21% of Jordan's total population. Most of them are unable to return to their homes. Approximately 20% of Jordanian DPs are placed in refugee camps, while the rest were able to find shelter in cities and rural areas throughout the Kingdom, Amman and the governorates of Irbid and Mafrq hosting more than three-quarters of them [2].

It is evident that the unprecedented influx of Syrian refugees to Jordan is going to cause social and economic instability. There have been growing concerns among the local population that the Syrian refugees staying in Jordan for an extended period of time might want to settle there permanently and further damage the already troubled demographic situation. As the Jordanians' prior experience with Palestinian refugees has demonstrated, the longer the Syrian refugees stay in Jordan, the greater their chances for permanent settlement.

In addition, the influx of refugees onto the Jordanian territory presents a serious security threat. The transformation of the Jordanian border into a war zone increases the chances of infiltration of dangerous elements. The security situation is severely aggravated, as crime rates in cities spike and civilians become exposed to terrorist activities.

Beyond a doubt, hosting over a million Syrian refugees, which has led to an increase in population by 7—9%, is making a heavy impact on the Jordanian economy. The influx of refugees has put pressure on the country's resources and infrastructure and maximized the budget deficit, causing rent and food prices to rise. Large numbers of Jordanians looking for jobs is aggravating the employment situation by creating a job deficit leading to wage reduction. Moreover, the Jordanian economy has been largely affected by the collapse in Syria. As all trade activities between the two countries have been suspended, Jordan has lost the Syrian market, and Turkey and Europe have lost the crucial Syrian trade route, which had to be replaced by a route through Iraq.

To provide accommodation for the displaced Syrians, Jordan has set up the Zaatari camp for refugees near the city of Mafrq, next to another camp near Zarqa. As incoming Syrians keep absorbing Jordanian space, resources and jobs, tensions with the locals continue to grow. As a result Jordanian authorities have tightened control over the refugee population, taking steps to restrict their movement within the country [4].

Lebanon

Lebanon ranks second in the number of Syrian refugees received and first in terms of the damage to its demographic situation. According to the UNHCR, about 1.2 million refugees have fled from Syria to Lebanon, or, according to the Lebanese government's sources, their number have amassed to 1.8 million.

Lebanese economy, overall greatly dependent on Syria and therefore experiencing a general downturn, has been further weakened by the influx of Syrian refugees.

The obligation to employ the displaced has dealt a heavy blow on Lebanese labor market. A surge of refugees seeking employment and offering cheap labor has led to significant wage reduction and lower standards of living for the Lebanese, while the tensions between the two countries have reached a historical peak.

Furthermore, over a million Syrian DPs are negatively impacting Lebanon's infrastructure. Being a huge financial burden to the government, which lacks funding to meet the demands of the desperate refugee masses, Syrian expatriates have significantly worsened the budget deficit. As the refugee influx has increased the demand for Lebanon's already scarce resources, the government is unable to provide an adequate supply of food and water [3].

Another threat emanating from the refugee influx is that of national security: refugee camps may become the breeding ground for the spread of terrorism. Extremist groups may recruit new volunteers from the conflicting parties on both sides of the Syrian border to engage in terrorist activities, thus jeopardizing Lebanon's home security.

Consequently, in order to ease the economic pressure, protect the infrastructure and ensure safety, the Lebanese government has stopped receiving new refugees and encouraged the current refugees to return to their country. Lebanon also calls for international assistance to help deal with the refugee crisis. A few neighboring Arab countries, the United States and some EU members share of the costs of hosting the refugees through their humanitarian assistance programs.

Egypt

Since the beginning of the conflict, Egypt has been one of the main recipients of Syrian refugees. According to the UNHCR, Egypt hosts some 132,000 Syrians; the Egyptian Foreign Ministry, however, estimates the number of Syrian refugees at around 320,000. There are no refugee camps in Egypt. The Syrians live in rented homes, and they themselves provide adequate sustenance either through work or through remittances from relatives outside Egypt. Refugees who do not have such resources are supported by charities that offer shelter, food, clothing and financial assistance. However, finding suitable housing for Syrian families in Egypt has been a major problem.

In 2012, the Egyptian government adopted a republican decree promoting equal treatment of refugees. Therefore, immediately after the civil war in Syria began, the refugees arriving in Egypt were warmly welcomed. However, since June 2013, as a result of political changes in Egypt and the escalation of violence following the coup-d'état, the new Egyptian government has started to adopt tougher policies towards the Syrian refugees. As a new wave of social and political upheaval in Egypt brought hostility toward resident Syrians, hundreds of refugees left.

As a result of new restrictions imposed by the interim government on the Syrians and growing tensions with Egyptian residents, a lot of refugees viewed Egypt as a crossing point on their way to a more friendly country. Most of them refused to register at the UNHCR office in Egypt, hoping to resettle in European countries, often illegally. As desperate Syrian refugees were leaving Egypt trying to reach a European destination by sea in boats not safe for sailing, many lives were put at risk [1].

Essentially, while adapting to new conditions in host countries, Syrian refugees have to face the following challenges:

1. Unfavorable attitude from host nations. This does not hold true for all host countries. Certain states, in cooperation with international organizations, welcomed refugees and established conditions necessary for their reception, providing shelter and services for asylum seekers. However, the amount of resources in recipient countries differs. A number of countries have adopted restrictive policies and created difficult conditions for the displaced in order to prevent them from becoming permanent residents, fearing that refugees may use up their already limited resources. These countries have been subject to criticism by the global community and urged to ease the restrictions and provide asylum for those who need it.

2. Poor living conditions. Most refugees live in crowded and unsanitary settlements which lack many basic facilities and services. Despite international plans to establish healthcare and education centers and institutions, the scarcity of resources and still increasing number of DPs prevent these plans from being implemented.

3. Integration challenges. Even if refugees succeed in obtaining legal asylum, the chances of successful integration in local communities are low. Since most Syrian refugees end up relocating to neighboring countries, whose hosting communities are mostly poor themselves and lack a reliable legal structure to deal with this type of crisis, they are met with hostility by the local population.

4. Lack of proper funding. The United Nations estimates the cost of humanitarian and development requirements related to the Syrian crisis at about 5.5 billion dollars. The crisis stakeholders received only about a quarter of the amount, which was reflected in the services provided to refugees.

5. Education. With children being the second largest age category of Syrian refugees, more than a million children are currently not receiving any education. Thus Syria is likely to leave a whole generation uneducated and unable to provide a living, which is going to be an unprecedented national disaster.

CONCLUSION

The Syrian refugee crisis remains one of the biggest calamities in the modern Middle East. Just like the Palestinian refugee crises, which had lasted for longer than a decade, causing confusion, turmoil and prolonged conflicts, the current refugee crisis provoked by the Syrian Civil war slid the Middle East into chaos and hostility on ethnic, religious and sectarian grounds.

REFERENCES

- [1] Atef A.H. The Syrians in Egypt: A Station in the Journey of Seeking an Opportunity for Stability. *BBC*. 03.05.2014. Available from: http://www.bbc.com/arabic/middleeast/2014/03/140318_syrians_in_egypt. Accessed: 01.08.2018 (In Arab.).
- [2] The Syrian Refugee Crisis in Jordan. *Carnegie Middle East Center*. 21.09.2015. Available from: <http://carnegie-mec.org/2015/09/21/ar-pub-61296>. Accessed: 01.08.2018 (In Arab.).

- [3] Action Plan: The Syrian Refugee Crisis. *ILO*. 2018. Available from: <http://www.ilo.org/beirut/areasofwork/syrian-refugee-crisis/lang--ar/index.htm>. Accessed: 01.08.2018 (In Arab.).
- [4] *Jordan Response Plan for the Syria Crisis 2018—2020 (Final) and Annex*. Available from: <http://www.jrpsc.org/>. Accessed: 01.08.2018.
- [5] Mahmood A. A Dynamic Demography of the Syrian Refugee Crises in Neighboring Countries. *ARAA*. 08.02.2018. Available from: http://araa.sa/index.php?view=article&id=3421:2015-08-02-13-33-44&Itemid=172&option=com_content. Accessed: 01.08.2018 (In Arab.).
- [6] Orkan O. The Situation of Syrian Refugees in Neighboring Countries. *Alsouria.net*. Available from: <https://www.alsouria.net/content/%D9%88%D8%B6%>. Accessed: 01.08.2018 (In Arab.).
- [7] The Syrian Refugee Crisis and its Impact on Turkey. *Adwhit Lojistik*. Available from: <https://www.adwhit.com/%D8%AA%D8%B1%D9%83%D9%8A%D8%A7/%D8%A3%D8%B2%D9%>. Accessed: 01.08.2018 (In Arab.).
- [8] *The UN Refugee Agency*. Available from: <http://www.unhcr.org/ar/>. Accessed: 01.08.2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-548-554

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА БЕЖЕНЦЕВ В СИРИИ НА СОСЕДНИЕ СТРАНЫ

М. Хавамдех, А. Аль Ктеишат

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В данной статье рассматривается влияние массовой вынужденной миграции из Сирии на соседние страны. С начала гражданской войны в Сирии начался массовый исход беженцев из этой страны. Беспорядки и насилие привели к массовой миграции как внутри региона, так и за его пределы. В статье рассматриваются политические, социальные и экономические последствия миграционного кризиса для региональной безопасности на Ближнем Востоке и за его пределами, а также трудности, связанные с адаптацией сирийских мигрантов и беженцев в странах приема, их условиями жизни и гуманитарным положением.

Кризис беженцев является серьезным вызовом для соседних с Сирией стран (Иордании, Турции, Ливана и Ирака), которые, согласно последним статистическим данным ООН, приняли более пяти миллионов беженцев.

Авторами сделан вывод о том, что кризис беженцев в Сирии остается одной из самых серьезных и актуальных проблем, стоящих перед Ближним Востоком. В связи с затяжным характером сирийского конфликта данный кризис является длительным и труднопредсказуемым.

Ключевые слова: Ближний Восток, кризис беженцев, Сирия, гражданская война в Сирии, Агентство ООН по делам беженцев, политическая стабильность

Сведения об авторах:

Хавамдех Мазен Хуссен Фалах — аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0003-2695-5879) (e-mail: mazen_1616@yahoo.com).

Аль Ктеишат Ахмад Сахер Ахмад — аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-3650-5460) (e-mail: ahmad_qteishat@hotmail.com).

Information about the authors:

Mazen Hussien Faleh Hawamdeh — Postgraduate Student of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-4463-2766) (e-mail: mazen_1616@yahoo.com).

Ahmad Saher Ahmad Al-Qteishat — Postgraduate Student of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-3393-2210) (e-mail: ahmad_qteishat@hotmail.com).

Статья поступила в редакцию 20.08.2018.

Received 20.08.2018.

© Хавамдех М., Аль Ктеишат А., 2018.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-555-563

ТЕОРИИ КОЛЛЕКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ И МОБИЛИЗАЦИИ РЕСУРСОВ: РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИЙ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

Р.В. Савенков, Д.В. Щеглова

Воронежский государственный университет
Московский проспект, 88, 394068, Воронеж, Россия

Все большее влияние на социально-политические процессы в России и Европе оказывают организованные протестные действия граждан. Современный протест приобретает новые формы, используются открывающиеся технические возможности для мобилизации участников. В таких условиях оценка протестного потенциала, выявление «точек нестабильности» и понимание возможной негативной общественной реакции на решения политической элиты становятся важными задачами современного политического управления. В статье рассматривается эвристический потенциал двух подходов к изучению политического протеста: теории коллективного действия и мобилизации политических возможностей. Первый обусловлен доминированием в современном политическом сознании символических ценностей и влияния их на масштабы эмоциональной протестной мобилизации, а второй — необходимостью анализа «баланса сил» и ресурсов, которые создают условия для эффективности протестного действия. Так ли сильно влияет среда, создаваемая «новыми методами», на уровень политического протеста? Насколько важны дефекты институциональной структуры для накопления гражданами протестного потенциала? Для российской действительности изучение этих аспектов может дать возможность оценки реального протестного потенциала на региональном и местном уровнях.

Ключевые слова: политический протест, мобилизация, депривация

Тема протеста как особого вида социально-политической практики в современной научной литературе рассмотрена весьма обширно. В российских научных периодических изданиях представлены обзоры основных теоретических подходов к анализу протестного поведения и действия [1; 5; 8; 17]. Накоплен опыт анализа концепций социальных (общественных) движений [6] и исследований общественных движений современной России [13]. Объектом внимания исследователей протеста в последние годы стали вопросы его управления и контроля [7], влияния на протестную активность виртуальных социальных сетей [16] и психологические механизмы активизации протестной активности личности [4]. Сложившиеся методологические традиции анализа протеста позволяют исследовать его всесторонне, фиксировать его разнообразные аспекты и факторы динамики. При этом

продолжают появляться все новые формы протеста, увеличивается скорость распространения информации, генерируются технологии формирования символических ценностей, что дало толчок пересмотру эвристической ценности таких теоретических традиций изучения протестного поведения и социальных движений, как теории коллективного поведения, мобилизации ресурсов и теории политических возможностей [30]. Цель статьи — представить состояние современных методологических подходов к исследованию протеста, продолжающих традиции некоторых теорий социологии общественных движений: коллективного поведения и мобилизации ресурсов.

Напомним, что понятие «политический протест», появившись в 1960-х гг. в работах западных исследователей, охватывало достаточно широкий спектр поведения людей, оставляя без внимания собственно политический протест как самостоятельный предмет научного исследования [14]. Объектом анализа были «спорные коллективные действия, включающие и социальные движения, и протесты, и восстания, и революции» [30]. Сам термин «политический протест» в зарубежной политологии применяется довольно редко, т.к. включался в более широкие понятия «социальные движения» и «гражданский процесс». Политический протест можно определить как «совокупность активных или пассивных политических практик индивидуальных или коллективных субъектов в форме конвенциональной или неконвенциональной сигнализации недовольства по отношению к политической системе или отдельным аспектам существующего политического порядка в обществе» [12].

Теория *коллективного поведения* объясняет протест через показатели социальной напряженности и протестного потенциала. Предметом внимания такого подхода являются реакции участников на кризисную ситуацию. Социально-психологическая разновидность данного подхода представлена теорией относительной депривации (Т. Гарр), которая в качестве механизма, запускающего протест и насилие, рассматривает увеличение разрыва между быстрым ростом ожиданий, вызванных общественными изменениями, и возможностями их реального удовлетворения. Этот разрыв неизбежно вызывает фрустрацию — психологическое состояние, возникающее вследствие какой-то непреодолимой помехи, препятствующей достижению цели. Фрустрация возникает одновременно у многих людей, — и при соответствующих условиях именно нарастание относительных деприваций и ведет к политическому насилию [3]. Данный подход предполагает фиксацию депривации, ее измерение ее масштабов среди населения и среди участников протестных движений, но не фокусируется на причинах этого состояния.

Исследователи динамики социальной напряженности [2; 9—11; 15] сформировали общие закономерности, согласно которым низкий доход и уровень образования ведут к возрастанию протестного потенциала и служат индикаторами степени неудовлетворенности. Взаимосвязь между экономическим неравенством и протестом по-прежнему остается на повестке дня зарубежного научного сообщества при анализе протестных настроений [22]. Американские политологи Дж. Гриффин и П. Норрис связывали экономическое неравенство с такими переменными, как гражданская поляризация, ненасильственный политический протест и возрастание практик оспаривания решений государственных органов [22; 26].

Современная интерпретация теории депривации связывает уровень экономического неравенства с типом политического режима, способом перераспределения властных ресурсов внутри государства [18]. Депривация измеряется в данном случае через уровень экономического неравенства и безработицы, а политические режимы типологизируются по способу перераспределения властных ресурсов, ответственности перед гражданами, уровню политической конкуренции, либерализации и т.д. В конкурентных режимах протест является одной из форм «обратной связи» и становится для граждан осознанной стратегией. Это ослабляет влияние «экономического фактора», т.к. субъект протестного поведения руководствуется определенной стратегией, не привязанной к уровню дохода, образования и даже места жительства.

Исследования последних десяти лет показывают, что состояние депривации и повышенного уровня социальной напряженности все больше наблюдается не столько в среде маргинальных групп, сколько среди «среднего класса», который видит себя как экономически обеспеченную группу с гарантиями благополучия, но при этом готов участвовать в протестах. Это объясняется тем, что у среднего класса есть «ресурс активности» (финансовая «подушка», постматериальные ценности) [28]. Этот ресурс состоит в том, что участие в акциях протеста позволяет представителям среднего класса укрепить свое социальное положение, так как они могут быстро увидеть результат своих действий и осознать свое влияние на процесс принятия политических решений.

В фокус исследователей попадают субъективные (самоощущение) факторы, которые позволяют гражданам через протестное поведение позиционировать себя в социальном пространстве. Такое нестандартное поведение среднего класса привлекло внимание многих исследователей [19]. В результате наблюдений замечено, что в «старых» демократиях основными носителями депривации и протестного потенциала являются группы с ограниченными ресурсами, а в гибридных режимах — средний класс. Получается, что в переходных демократиях средний класс выступает в качестве потенциально дестабилизирующего политическую систему элемента больше, чем ущемленные маргинальные группы.

Таким образом, в современных исследованиях протеста все меньшее внимание уделяется оценке уровня социальной напряженности, экономическим факторам, усиливая внимание к типу политического режима и открываемым им новым ресурсам и возможностям для действия.

Сторонники теорий «мобилизации ресурсов» уверены, что протест возникает только при формировании экономических, политических и организационных возможностей для мобилизации существующего недовольства. Новые возможности для протестного действия «материализуются» в ресурсы общественного движения [25]. Ключевым понятием концепции мобилизации ресурсов стала «структура политических возможностей» — группа ресурсов, определяющих вероятность возникновения общественных движений, формы их деятельности и результативности. С. Тэрроу предложил включать в структуру политических возможностей только те характеристики политического режима, которые реально могут использоваться движениями для достижения целей и мобилизации поддержки. Американ-

ский социолог выделяет четыре группы показателей структуры политических возможностей: 1) степень открытости политической системы для новых акторов; 2) свидетельства переструктурирования политических сил; 3) наличие союзников движения в рамках политической системы; 4) появляющиеся расколы внутри элиты [30].

Главным параметром структуры политических возможностей, определяющим в том числе степень открытости политической системы, является институциональный дизайн. Исследователи зафиксировали корреляцию между уровнем фрагментации партийной системы, типом политической системы (президентская или парламентская) и возможностью гражданских протестов [32]. Согласно исследованию С.И. Озлера в парламентских системах большое количество политических партий в легислатуре снижает уровень гражданского протеста. Напротив, в президентских системах высокий уровень фрагментированности легислатуры повышает уровень протестной активности [27]. Большее влияние оказывает тип избирательной системы, особенности институционализации партийной системы, а также открытость национальной экономики [31].

Специфическим продолжением концепции «мобилизации ресурсов» стали исследовательские стратегии, фокусирующиеся на роли новых медиа (социальные сети и СМИ в Интернет), оказывающих различное влияние на протестные действия в конкурентных и неконкурентных режимах.

Политический протест в конкурентных режимах получил эпитет «мягкого протеста» («soft political protest»). Для анализа «мягкого протеста» была использована модель оценки эффектов коммуникационных технологий, на которые влияют два основных фактора: уровень неудовлетворенности режимом и доступность информации о готовящихся протестных акциях [21]. Исследователи отметили, что протестный потенциал в «старых» демократиях выше, чем в «новых». Для старых демократий характерен ненасильственный (мягкий) политический протест, для новых демократий характерно смешения двух типов (насильственного и ненасильственного).

В неконкурентных режимах новые медиа стали основным мобилизационным ресурсом протестов. Описание технологии организации протестов в ходе «Арабской весны» показало, что «классические» СМИ уже не компенсируют слабости теряющих легитимность режимов. Новые медиа формирует новые практики отношений между гражданами и властными элитами [29]. В неконкурентных режимах мобилизующим фактором стала публикация в сети Интернет экономических данных [20]. Доступ к информации о деятельности правительства/властей оказывает негативное влияние на стабильность режима, так как у активной части населения оказывается информация, которая зачастую противоречит официально трактовке в СМИ и политической повестке дня. Особенно интенсивно это проявляется на местном/региональном уровнях, где власть ближе, а желание граждан призвать ее к ответу кажется значимее [23].

Современные сторонники теорий «мобилизации ресурсов» акцентируют свое внимание на типе политического режима, включающих в себя оценку партийной и избирательной систем, анализ политических возможностей для протестного

действия. В так называемых «старых» демократиях распространяется «мягкий», конвенциональный протест. В фокус внимания исследователей протеста попали новые медиа структуры и социальные сети в Интернет, часто являющиеся ключевым ресурсом организаторов протестных действий.

***

Усложнение современного политического мира требует исследования протеста с самых разных концептуальных позиций. В 1960—70-х годах западные ученые объясняли социально-политический протест на основе комплекса теорий, получивших название «теорий коллективного поведения» и «теорий мобилизации ресурсов» (включающего концепцию «политических возможностей»). Современные исследования протеста в основном движутся в рамках названных теорий, пытаясь зафиксировать и объяснить новые явления. К ним относятся рост протестной активности среднего класса в неконкурентных режимах и распространение «мягкого протеста» в «старых демократиях». Своеобразным вызовом для классических теорий стало опровержение гипотезы о том, что экономико-социальная стабилизация общества должна объективно сокращать мотивацию протеста, а не способствовать наращиванию фрустрационных настроений. В неконкурентных режимах объектом внимания исследователей являются новые коммуникационные технологии, новые медиа и социальные сети.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Артюхина В.А.* Осмысление социального протеста в современной социологии: анализ основных подходов // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 30—34.
- [2] *Баранова Г.В.* Методика анализа протестной активности населения России // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 143—152.
- [3] *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 461 с.
- [4] *Гусейнов А.Ш.* Протестная активность личности: автореф. ... докт. психол. наук. 19.00.01. Краснодар, 2016. 53 с.
- [5] *Дементьева И.Н.* Теоретико-методологические подходы к изучению социального протеста в зарубежной и отечественной науке // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 4. С. 3—12.
- [6] *Здравомыслова Е.А.* Социологические подходы к анализу общественных движений // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 88—94.
- [7] *Касович А.А.* Технологические аспекты управления политическим протестом в современной России: дисс. ... канд. полит. наук. 23.00.02. Саратов, 2015. 239 с.
- [8] *Костюшев В.В.* Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // Полис. Политические исследования. 2011. № 4. С. 144—157.
- [9] *Кинсбургский А.В., Топалов М.Н.* Социальная напряженность и массовые акции протеста (к вопросу о механизме действия) // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 1. С. 20—33.
- [10] *Латов Ю.В.* Протестные настроения в протестные действия россиян // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 1. С. 49—69.
- [11] *Петухов В.В.* Готовность россиян к отстаиванию своих социально-экономических прав в «новой кризисной реальности» // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 86—96.

- [12] *Сабитов М.Р.* Современные детерминанты массовой протестной активности в России: автореф. ... канд. полит. наук. 23.00.02. Саратов, 2013. 31 с.
- [13] *Скобелина Н.А.* Политические возможности общественных движений: от теории к российской практике // *ПОЛИТЭКС*. 2015. Т. 11. № 4. С. 166—180.
- [14] *Соина Е.С.* Политическое протестное поведение в современной России: автореф. ... канд. полит. наук. 23.00.02. Ставрополь, 2008. 29 с.
- [15] *Солодовников В.В.* Потенциал социальных протестов в современной России // *Социологические исследования*. 2015. № 4. С. 63—71.
- [16] *Ушкин С.Г.* Влияние виртуальных социальных сетей на протестную активность в российском обществе: автореф. ... канд. социол. наук. 22.00.04. Саранск, 2015. С. 28.
- [17] *Ушкин С.Г.* На пути к лучшему обществу, или почему люди становятся активистами? // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2016. № 3. С. 33—47.
- [18] *Boix C.* *Democracy and Redistribution*. Cambridge University Press, 2003. 264 p.
- [19] *Bryn R.* Reevaluating the Middle-Class Protest Paradigm: A Case-Control Study of Democratic Protest Coalitions in Russia // *American Political Science Review*. Vol. 111. Issue 4. November 2017. P. 637—652.
- [20] *Casper B.A., Scott A.T.* Popular Protest and Elite Coordination in a Coup d'état // *Journal of Politics*. 2014. № 76. Issue 2. P. 548—564.
- [21] *Dubrow J.K., Slomczynski K.M., Tomescu-Dubrow I.* Effects of Democracy and Inequality on Soft Political Protest in Europe: Exploring the European Social Survey Data // *International Journal of Sociology*. 2008. Vol. 38. № 3. P. 36—51.
- [22] *Griffin J.D., Jonge C.K.* Income Inequality, Citizen Polarization and Political Protest // University of Colorado Boulder. Режим доступа: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/07d61890-8908-4c40-b7d2-21c36232d29c.pdf>. Дата обращения: 12.04.2018.
- [23] *Hollyer J.R., Rosendorff B.P., Vreeland J.R.* Transparency, Protest, and Autocratic Instability // *American Political Science Review*. 2015. Vol. 109. Issue 4. P. 764—784.
- [24] *Little A.T.* Communication Technology and Protest // *The Journal of Politics*. 2015. Vol. 78. № 1. Режим доступа: <http://www.protestsurvey.eu/publications/1344588239.pdf>. Дата обращения: 12.04.2018.
- [25] *Meyer D.S.* Protest and Political Opportunities // *Annual Review of Sociology*. 2004. Vol. 30. P. 125—145.
- [26] *Norris P.* *Democratic Deficit: Critical Citizens Revisited*. Cambridge University Press, 2011. 350 p.
- [27] *Özler Ş.İ.* Political Institutions and Protest: A Comparative Analysis // *Representation. Journal of Representative Democracy*. 2013. № 49. P. 135—154.
- [28] *Peterson A., Wahlström M., Wennerhag M.* European Anti-austerity Protests: Beyond “Old” and “New” Social Movements? // *Acta Sociologica*. 2015. № 58. Issue 4. P. 293—310.
- [29] *Steinert-Threlkeld Z.C., Mocanu D., Vespignan A.i, Fowler J.* Online Social Networks and Offline Protest // *Data Science*. 2015. № 9. URL: <https://doi.org/10.1140/epjds/s13688-015-0056-y>. Дата обращения: 12.04.2018.
- [30] *Tarrow S.* *Power in Movement. Social Movement and Contentious Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 354 p.
- [31] *Van der Brug W., Eijk C., Franklin M.* *The Economy and the Vote. Economic Conditions and Elections in Fifteen Countries*. Cambridge University Press, 2007. 244 p.
- [32] *Van Dusky-Allen J.* Winners, Losers, and Protest Behavior in Parliamentary Systems // *The Social Science Journal*. 2017. № 54. Issue 2. P. 30—38.

THEORIES OF COLLECTIVE BEHAVIOR AND RESOURCE MOBILIZATION: ELABORATION ON THE CONCEPT OF POLITICAL PROTEST

R.V. Savenkov, D.V. Shcheglova

Voronezh State University
Moskovskiy prosp., 88, 394068, Voronezh, Russian Federation

Abstract. Organized rallies are gaining more influence in socio-political processes in Russia and Europe. Modern protest is taking on new forms and is using new technical capabilities to mobilize participants. Determining potential capacity of a rally, its “unstable equilibrium points” and gauging the public’s possible negative reactions to the political elite’s decision making is becoming an important goal in contemporary political management. The article examines the heuristic potential of two approaches to studying political protest: theory of collective action and theory of mobilization of political opportunities. The first approach stems from the idea of dominance of symbolic values in modern political consciousness, while the second looks in more detail at the “balance of power” and resources that lend to the effectiveness of a protest. Does the environment created by the “new methods” have an impact on the efficacy of a protest? How important are institutional defects in order for citizens to want to organize a rally? Studying these aspects can help gain insight into the public’s real protest potential at regional and local levels in Russia.

Key words: political protest, mobilization, deprivation

REFERENCES

- [1] Artyukhina V.A. Osmyslenie sotsial'nogo protesta v sovremennoj sotsiologii: analiz osnovnykh podkhodov [Understanding Social Protest in Modern Social Science: Analysis of Key Theories]. *SOCIS. Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017; 11: 30—34 (In Russ.).
- [2] Baranova G.V. Metodika analiza protestnoj aktivnosti naseleniya Rossii [Methods of Analysis of Protest Activity in Russia]. *SOCIS. Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2012; 10: 143—152 (In Russ.).
- [3] Garr T.R. Pochemu lyudi buntuyut [Why Men Rebel]. SPb.: Piter; 2005. 461 p. (In Russ.).
- [4] Gusejnov A.SH. *Protestnaya aktivnost' lichnosti. Avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni doktora psikhologicheskikh nauk*. 19.00.01 [Protest Activity of an Individual. Author’s abstract, Doctor of Psychology. 19.00.01]. Krasnodar; 2016. 53 p. (In Russ.).
- [5] Dement'eva I.N. Teoretiko-metodologicheskie podkhody k izucheniyu sotsial'nogo protesta v zarubezhnoj i otechestvennoj nauke [Theoretical and Methodological Approaches to Social Protest in Foreign and National Science]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya*. 2013; 4: 3—12 (In Russ.).
- [6] Zdravomyslova E.A. Sotsiologicheskie podkhody k analizu obshhestvennykh dvizhenij [Sociological Approaches to the Analysis of Public Movements]. *SOCIS. Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1990; 7: 88—94 (In Russ.).
- [7] Kasovich A.A. *Tekhnologicheskie aspekty upravleniya politicheskim protestom v sovremennoj Rossii. Dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata politicheskikh nauk*. 23.00.02 [Technological Aspects of Politic Protest Management in Modern Russia. Thesis, PhD in Political Science. 32.00.02]. Saratov; 2015. 239 p. (In Russ.).
- [8] Kostyushev V.V. Sotsial'nyj protest v pole politiki: potentsial, repertuar, diskurs (opyt teoreticheskoy interpretatsii i ehmpiricheskoy verifikatsii) [Social Protest in the World of Politics: Potential, Repertory, Discourse (Attempt at Theoretical Interpretation and Empirical Verification)]. *Polis. Politicheskije issledovaniya*. 2011. № 4. S. 144—157 (In Russ.).

- [9] Kinsburskij A.V., Topalov M.N. Sotsial'naya napryazhennost' i massovye aktsii protesta (k voprosu o mekhanizme dejstviya) [Social Tensions and Mass Protests (Revisiting Mechanism of Action)]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2016; 1: 20—33 (In Russ.).
- [10] Latov YU.V. Protestnyye nastroyeniya v protestnyye dejstviya rossiyan [Protest Sentiments and Protest Actions of the Russians]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2017; 1: 49—69 (In Russ.).
- [11] Petukhov V.V. Gotovnost' rossiyan k otstaivaniyu svoikh sotsial'no-ehkonomicheskikh prav v «novoј krizisnoj real'nosti» [Readiness of the Russian People to Stand up for their Social and Economic Rights in the “New Reality of Crisis”]. *SOCIS. Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016; 11: 86—96 (In Russ.).
- [12] Sabitov M.R. *Sovremennyye determinanty massovoj protestnoj aktivnosti v Rossii. Avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni kandidat politicheskikh nauk*. 23.00.02 [Modern Determinants of Mass Protest Activity in Russia. Author's abstract, PhD in Political Science. 23.00.02.]. Saratov; 2013. 31 p. (In Russ.).
- [13] Skobelina N.A. Politicheskie vozmozhnosti obshhestvennykh dvizhenij: ot teorii k rossijskoј praktike [Political Capacity of Public Movements in Russia: from Theory to Practice]. *POLITEX*. 2015; Vol. 11; 4: 166—180 (In Russ.).
- [14] Soina E.S. *Politicheskoe protestnoe povedenie v sovremennoj Rossii. Avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni kandidata politicheskikh nauk*. 23.00.02 [Political Protest Behavior in Modern Russia. Author's abstract, PhD in Political Science. 23.00.02]. Stavropol'; 2008. 29 p. (In Russ.).
- [15] Solodovnikov V.V. Potentsial sotsial'nykh protestov v sovremennoj Rossii [Social Protest Capacity in Contemporary Russia]. *SOCIS. Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015; 4: 63—71 (In Russ.).
- [16] Ushkin S.G. *Vliyanie virtual'nykh sotsial'nykh setej na protestnuyu aktivnost' v rossijskom obshhestve. Avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni kandidata sotsiologicheskikh nauk*. 22.00.04 [The Impact of Virtual Social Networks on Protest Activity in Russian Society. Author's abstract. PhD in Social Science. 22.00.04]. Saransk; 2015. 28 p. (In Russ.).
- [17] Ushkin S.G. Na puti k luchshemu obshhestvu, ili pochemu lyudi stanovyatsya aktivistami? [On the Way to a Better Society, or Why People Become Activists]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: EHkonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2016; 3: 33—47 (In Russ.).
- [18] Boix C. *Democracy and Redistribution*. Cambridge: Cambridge University Press; 2003. 264 p.
- [19] Bryn R. Reevaluating the Middle-Class Protest Paradigm: A Case-Control Study of Democratic Protest Coalitions in Russia. *American Political Science Review*. Vol. 111; 4. November 2017: 637—652.
- [20] Casper B.A., Scott A.T. Popular Protest and Elite Coordination in a Coup d'état. *Journal of Politics*. 2014; 76; Issue 2: 548—564.
- [21] Dubrow J.K., Slomczynski K.M., Tomescu-Dubrow I. Effects of Democracy and Inequality on Soft Political Protest in Europe: Exploring the European Social Survey Data. *International Journal of Sociology*. 2008; Vol. 38; 3: 36—51.
- [22] Griffin J.D., Jonge C.K. Income Inequality, Citizen Polarization and Political Protest. *University of Colorado Boulder*. Available from: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/07d61890-8908-4c40-b7d2-21c36232d29c.pdf>. Accessed: 12.04.2018.
- [23] Hollyer J.R., Rosendorff B.P., Vreeland J.R. Transparency, Protest, and Autocratic Instability. *American Political Science Review*. 2015; Vol. 109; Issue 4: 764—784.
- [24] Little A.T. Communication Technology and Protest. *The Journal of Politics*. 2015; Vol. 78; 1. Available from: <http://www.protestsurvey.eu/publications/1344588239.pdf>. Accessed: 12.04.2018.
- [25] Meyer D.S. Protest and Political Opportunities. *Annual Review of Sociology*. 2004; Vol. 30: 125—145.
- [26] Norris P. *Democratic Deficit: Critical Citizens Revisited*. Cambridge University Press; 2011. 350 p.

- [27] Özler Ş.İ. Political Institutions and Protest: A Comparative Analysis. *Representation. Journal of Representative Democracy*. 2013; 49: 135—154.
- [28] Peterson A., Wahlström M., Wennerhag M. European Anti-austerity Protests: Beyond “Old” and “New” Social Movements? *Acta Sociologica*. 2015; 58; Issue 4: 293—310.
- [29] Steinert-Threlkeld Z.C., Mocanu D., Vespignan A.i, Fowler J. Online Social Networks and Offline Protest. *Data Science*. 2015; 9. DOI: 10.1140/epjds/s13688-015-0056-y.
- [30] Tarrow S. *Power in Movement. Social Movement and Contentious Politics*. Cambridge: Cambridge University Press; 2011. 354 p.
- [31] Van der Brug W., Eijk C., Franklin M. *The Economy and the Vote. Economic Conditions and Elections in Fifteen Countries*. Cambridge: Cambridge University Press; 2007. 244 p.
- [32] Van Dusky-Allen J. Winners, Losers, and Protest Behavior in Parliamentary Systems. *The Social Science Journal*. 2017; 54; Issue 2: 30—38.

Сведения об авторах:

Савенков Роман Васильевич — кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета (ORCID ID: 0000-0002-1643-2444) (e-mail: rvsav@yandex.ru).

Щеглова Дарья Владимировна — кандидат политических наук, преподаватель кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета (ORCID ID: 0000-0002-5196-8607) (e-mail: bruenen@mail.ru).

Information about the authors:

Savenkov Roman Vasilievich — PhD, Associate Professor of the Department of Sociology and Political Science, Voronezh State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-1643-2444) (e-mail: rvsav@yandex.ru).

Shcheglova Daria Vladimirovna — PhD, Lecturer of the Department of Sociology and Political Science, Voronezh State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-5196-8607) (e-mail: bruenen@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 15.09.2018.

Received 15.09.2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-564-577

ПОЛИТИЧЕСКОЕ В СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТАХ

О.Б. Иванов

Центр урегулирования социальных конфликтов
проспект Мира, 72, Москва, Россия, 129063

Проблема познания социального конфликта является одной из ключевых проблем современных социальных наук. В статье рассматривается феномен социального конфликта как важной формы социального взаимодействия. Социальный конфликт рассматривается как процесс управляемый, подверженный внешнему организующему началу. Современное российское общество характеризуется ростом количества граждан, выражающих свое недовольство формами и методами реагирования власти на социальные запросы. Статья представляет собой попытку анализа социального конфликта в современном обществе как феномена, имеющего в том числе и политическую составляющую. Сквозь призму заявленной цели рассматриваются проблемы социального неравенства в современных условиях. Констатируется, что смягчение социально-политической напряженности связано с политикой государства, а высокий уровень социальной дифференциации общества может служить фактором угрозы политической стабильности. Увеличение степени социального неравенства связано с протекающими в обществе неравноценными социальными обмена. Превышение допустимой степени неравенства приводит к большому различию в уровне жизни статусных групп общества, которое расценивается как дискриминация, ущемление некоторых групп населения. Данное обстоятельство приводит к возникновению социальной напряженности, служит почвой для возникновения, развития и распространения социальных конфликтов. Новизна и практическая значимость работы состоят в системном анализе социального и политического конфликтов в их взаимосвязи и, применительно к современной российской действительности, взаимопроникновении. Автор рассматривает специфику социальных конфликтов современной России и указывает на необходимость развития и использования методик, соответствующих текущему информационному развитию общества, которые позволили бы эффективно управлять социальными конфликтами.

Ключевые слова: социальный конфликт, политический конфликт, субъект конфликта, политическая культура, политический режим, гражданское общество, управление конфликтом

Любая общественная система характеризуется неоднородностью, причем такая неоднородность выступает сущностным, определяющим признаком. Факт такой неоднородности позволяет исследователям говорить об объективном существовании достаточно широкого и противоречивого спектра интересов, носителями которых являются составляющие такую социальную систему социальные группы. Также следует отметить, что характер развития общественных отношений, динамика данного развития и иные его особенности во многом определяются столкновением таких интересов [12. С. 27].

Социальные процессы, в отличие от процессов природных или биологических, в своем развитии лишены абсолютной стихийности, подвержены управлению, то есть целенаправленному воздействию для их упорядочения, сохранения, совершенствования и развития. Таким образом, любой социальный конфликт

логично представлять управляемым процессом специфических отношений между субъектами [4. С. 35]. Управляемость социального конфликта также выражается в том, что он представляет собой средство, с помощью которого достигается известная гармонизация общественных отношений, ориентированная на оценочно-личностные позиции участников конфликта. Возникает любопытный феномен: социальный конфликт по своей природе двуедин — он одновременно является специфическим средством управления общественными процессами и в то же время сам управляем [25. С. 17].

Краеугольным положением функциональной теории конфликта является утверждение о том, что конфликт создает и поддерживает баланс сил. В то же время на практике выяснить реальное соотношение конфликтных ресурсов и потенциала стороны могут почти всегда только путем открытого конфликта и «пробы» второй стороны. В этом случае конфликт действительно и восстановлению искомого социального баланса, но опять-таки не сам по себе, не в силу своей собственной природы, а при условии грамотного им управления [22. С. 25].

Анализируя специфику социального конфликта, важно понимать, что он естественным образом связан с социальным протестом, поскольку последний является наиболее частой формой выражения социального конфликта в публичном пространстве. Под социальным протестом применительно к рассматриваемой теме следует понимать публичную, открытую и осознанную реакцию субъектов социального взаимодействия (как индивидуальных, так и коллективных), направленную на защиту значимых для этих субъектов ценностей.

Проблема протеста (в том числе как научного феномена, требующего специального изучения, собственного исследовательского внимания) значительно актуализировалась с началом XXI века. Этому объективно способствовал рост числа акций протеста, который привел к существенному нагнетанию общественно-политической обстановки.

Также при исследовании современных социальных процессов необходимо помнить, что в целом сформировавшееся к настоящему времени сетевое информационное общество не просто характеризуется относительно высоким уровнем социальных противоречий, но и самим их качеством: современные социальные противоречия объективно отличаются от тех, которые были присущи социальным системам до того, как они приобрели сетевые характеристики [29. С. 207—208].

В связи с этим очевиден запрос на проведение соответствующих научных изысканий в этой сфере, который объективно затрудняется недостаточной разработанностью категориального аппарата, обилием концепций, а также динамичностью самого объекта исследования. Существенная трудность заключается и в неоднозначности понимания в политической науке самого исходного термина «протест», толкования которого в настоящий момент расходятся весьма ощутимо, затрудняя формулировку каких-то целостных обобщений и аргументированных выводов [26. С. 56].

Понятие протеста является весьма важным в контексте рассматриваемой темы, а потому имеет смысл остановиться, хотя бы и кратко, на эволюции этого понятия в научной мысли.

Вероятно, что впервые на понятие протеста обратили внимание представители античной философии. Так, например, Платон и Аристотель под протестом (используя, разумеется, иную терминологию) понимали действия части общества, направленные на изменение государственного строя, на смещение правителя — то есть имеющие целью получение доступа к управлению государством. Платон отмечал, что «восстания» есть проявления конфликта, возникающего при утрате консенсуса в государстве по поводу «Блага», которое является высшей ценностью [24]. Аристотель исходил из того, что смена власти в государстве в результате «возмущения» провоцируется неравенством в имуществе или привилегиях, которые побуждают в людях потребность к бунту [2].

Никколо Макиавелли указывал, что протест (бунт) — это противоположность порядку, наказание правителям, которые проводят ненадлежащую политику, указывал на важность лидера в протесте и на то, что причиной протестов могут быть ограничения свобод [19]. В общем, аналогичных позиций придерживались и Френсис Бэкон [5], и Томас Гоббс [7], и Джон Локк [18], и Жан-Жак Руссо (хотя последний жестко критиковал принцип большинства, полагая его по сути неправомерным) [27].

Принципиально новый этап в изучении протеста появляется в трудах Карла Маркса: динамика социального развития ставится в зависимость от конфликтов между производительными силами и производственными отношениями, конфликт (революция, протест) получает позитивное наполнение, позволяет обществу перейти на следующую ступень развития [20].

В XX веке наука вновь обращается к теме социального протеста. Толкот Парсонс создает единую теорию социального действия: противостояния людей остановить невозможно, конфликты и протесты (они несут негативный потенциал) будут всегда, их воздействие можно отчасти нивелировать, закрепив систему либерально-демократических ценностей в общественной культуре [Парсонс, 1997].

Иную позицию занимал Роберт Мертон, выделивший пять типов характерного политического поведения, среди которых значился и мятеж — отказ от преобладающих политических идей и средств борьбы за эти идеи, поддержка иных, не одобряемых властью, политических целей и средств их достижения. Это нормальный тип поведения, присущий любому обществу, недовольному функционированием государства [21]. Ральф Дарендорф, в свою очередь, подчеркивал, что конфликт всегда «связан с действием неравенства, ограничивающего полноту гражданского участия людей социальными, экономическими и политическими средствами» [8].

По-своему подходит к проблеме протеста Альбер Камю: причина бунта — несправедливость, цель — преобразование общества, протест носит конструктивную направленность [13], а участие в бунте позволяет почувствовать себя причастным к великому делу.

Джон Роулз понимает гражданское неповиновение как личный ненасильственный акт, в котором политическое состоит в явном и открытом противоречии закону, совершается с целью его изменения, предполагает конфликт между обязанностью подчиняться законам и правом защищать собственные свободы [16. С. 730—740].

Ханна Арендт говорит, что отличие гражданского неповиновения от восстания заключается не в насилии, а в «духе этого действия», и что не может существовать оправдания для нарушения законов, но место для гражданского неповиновения должно быть в институтах правления [16. С. 755—760]. Юрген Хабермас помещает гражданское неповиновение между законностью и легитимностью, рассматривая его как неконвенциональное (то есть противоречащее общепринятым нормам) средство влияния. При этом оно не является кризисом и даже не всегда является реакцией на экстремальную несправедливость. Это нормальная реакция на изменение внешней политической и социальной среды, вызванная тем, что построение гражданского общества не является линейным процессом [16. С. 760—765].

Современные российские исследователи также оперируют понятиями «гражданское неповиновение» или «социальное неповиновение». Так, например, М.Р. Деметрадзе под гражданским неповиновением понимает «коллективное действие протеста против угнетения и ущемления, доступное людям зрелой политической культуры», «добровольные общественные ассоциации людей, организующие с целью артикуляции, агрегации социальных интересов различных категорий групп общества и для защиты своих интересов с помощью целенаправленного воздействия на институты гражданского общества и государства» [9]. В процессе гражданской активности выделяются активисты (индивидуальные или групповые), которые выражают соответствующие социально-значимые интересы. Между гражданским обществом и гражданским неповиновением существенная разница: первое стремится к диалогу с властью, использует конструктивные, законные методы, а второе использует специфические формы, которые могут выходить за рамки требований действующего законодательства [14. С. 125].

Ряд исследователей приводят следующие этапы динамики протестной активности граждан: «стихийная реакция на проблемную ситуацию; реактивное подключение к протесту политических движений или партий; начало институционализации; компромиссное разрешение проблемной ситуации; деинституционализация протестной гражданской активности». При этом сам ход развития гражданского протеста показывает, что спонтанно возникшие акции институционализируются в случае появления реального политического субъекта, преследующего стратегические цели. В иных условиях протестная активность откровенно ситуативна и, как следствие, не достигает конечного результата. При этом очевидна закономерность: чем острее социальная проблема, тем выше уровень интереса, проявляемого к ней политическими акторами, тем шире круг участников, вовлеченных в ее решение — сюда добавляются средства массовой информации, судебные и правоохранительные органы и т.п. [21. С. 126]

Современные концепции протеста, как мы видим, исходят из системности в изучении этого феномена. Среди исследователей, очевидно, превалирует точка зрения, в соответствии с которой протест («конфликт», «мятеж», «бунт», «восстание», «гражданское неповиновение») является неотъемлемой частью социального развития и общественной жизни. Кроме того, большинство авторов видят причинами протеста неравенство и несправедливую общественную организацию, вне

зависимости от того, в чем они выражаются в каждом конкретном случае. Подчеркивается и ядерная роль лидера в структуре протеста, лидер способен придать протестным действиям организованность и динамику, он является основным выразителем протестного мнения.

И еще один существенный момент: авторы периода античности, Возрождения и Нового времени указывали, что протест направлен на смену политической системы или политического лидера (монарха, тирана) и власти в самом широком смысле. Исследователи новейшего времени, базируясь на этом понимании протеста, расширяют его, указывая, что он является еще и средством влияния на власть. Причина такого изменения кроется, скорее всего, в том, что политические трансформации конца XX — начала XXI веков продемонстрировали, что сама по себе смена власти далеко не всегда способствует разрешению накопившихся в обществе проблем и вызывавших такую смену социальных конфликтов.

Классифицируя социальные протесты по основанию причин, их вызывавших, можно говорить о следующих видах протеста: социально-экономический, экологический, социокультурный, политический и т.п. Если за основание классификации взять форму проявления протеста, то здесь традиционно выделяют ненасильственные (в иной терминологии — конвенциональные, то есть одобренные действующим законодательством [10. С. 133]), к которым относятся обращения в средства массовой информации и органы власти, электоральное поведение (участие в периодических действиях, связанных с делегированием публично-властных полномочий), собрания инициативных групп, судебные разбирательства, бойкот, забастовка, митинг, демонстрация; и насильственные (неконвенциональные): осознанная и публичная неуплата налогов, участие в запрещенных публичных мероприятиях, открытое неповиновение власти, захват зданий и сооружений, блокировка транспортных коммуникаций, восстание.

Следует согласиться с исследователями, справедливо указывающими, что ненасильственные (или, как их еще называют, конструктивные) формы протеста неминуемо сменяются насильственными (деструктивными) по мере накопления противоречий, утраты доверия населения к властным институтам и, как следствие, их делигитимизации с точки зрения части или даже большинства общества [21. С. 124].

В качестве подходящей иллюстрации здесь следует привести мировой экономический кризис 2008 года, от которого существенно пострадала экономика в том числе и ведущих стран Евросоюза. Экономические потрясения привели к обострению социальных противоречий, породив существенное протестное движение, охватившее в 2009—2011 годах Францию, Италию, Германию, в меньшей степени — Великобританию. Однако существующая в этих государствах относительно эффективная система легальных институтов управления конфликтами позволила удержать стабильность политической системы и заблокировать какие-либо радикальные негативные изменения в этой сфере.

Показателен и обратный пример: события так называемый «Арабской весны» 2011 года, вызванных в целом тем же экономическим кризисом. Тогда в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки социальные протесты трансформировались

в полномасштабный политический конфликт, результатом которого стал не только полный демонтаж существовавших политических режимов, но и (в Ливии и Сирии) — гражданская война, поставившая вопрос о существовании этих государств как суверенных субъектов международного права.

Безусловно, причины «арабской весны» носят не только объективный характер. Свою роль в переходе социального протеста в насильственные формы сыграло вмешательство внешних сил. В то же время все эти государства характеризуются слабостью и неэффективностью легитимных механизмов урегулирования социальных конфликтов, относительно низким уровнем культуры социальной и политической коммуникации.

В современном обществе социальные конфликты почти всегда затрагивают существующие политические отношения. Начало XXI века вообще характеризуется возрастающей ролью политики, которая охватывает все сферы жизни общества, оказывает влияние на их функционирование, предстает областью социальной жизни, где концентрируются и осмысливаются все важнейшие общественные проблемы, интересы различных классов, страт и социальных слоев, вырабатываются механизмы и способы их решения [3. С. 12]. В то же время в научной литературе «политический интерес» преимущественно используется для обозначения стремления конкретных акторов к получению и удержанию политической власти на определенном уровне.

Такой подход выглядит неоправданно линейным и не учитывающим все многообразие современных форм политических отношений и интересов, однако попытки расширить его чреваты уходом в противоположную крайность — расширением «политического» до масштабов, когда оно поглотит социальное и экономическое, лишив их очевидной самостоятельности. В связи с этим логично выделить два основных типа политических интересов: прямые (в основе которых лежит потребность во влиянии на принятие стратегических государственных решений) и косвенные (при которых власть как таковая выступает не целью, а средством удовлетворения иных базовых потребностей).

Например, коллектив крупного предприятия устраивает забастовку. Бастующие выдвигают к менеджменту и собственникам производства требования исключительно экономические, например, повышение заработной платы. Очевидно, что никаких политических целей в своей начальной стадии этот социальный конфликт не преследует. Политические цели появятся позднее, если менеджмент или собственники предприятия не предложат устраивающее стороны варианты разрешения. Тогда могут появиться требования привлечения к разрешению конфликта мэра или губернатора, местных депутатов, представителей политических партий и т.п. Однако само по себе появление политических целей в социальном конфликте, равно как и тот факт, что для его разрешения стороны прибегают к политическим механизмам, институтам и рычагам давления, не переводит социальный конфликт в конфликт политический: это возможно, только если в ситуацию активно вовлекутся субъекты публичной политики и органы государственной власти.

Отдельно стоит рассмотреть вариант, при котором социальные субъекты, используя очевидные социальные проблемы актуальной стадии государственного строительства, сразу инициируют политический конфликт, как это было, например, на Украине («Евромайдан» 2013—2014 годов), или в России второй половины 2018 года, когда федеральное правительство официально запустило ряд крайне негативных с социальной точки зрения реформ (пенсионная реформа, повышение НДС и т.д.). В обоих случаях социальный конфликт был почти сразу использован оппозиционными политическими силами, которые попытались с его помощью получить политические преференции.

Вводя в ткань настоящего исследования политический конфликт, предлагаю определить его как столкновение политических субъектов в их взаимном стремлении реализовать свои интересы и цели, связанные с достижением власти или ее перераспределением, с изменением политического статуса в обществе.

Необходимо различать социальные и политические конфликты, в первую очередь по субъектному и объектному признакам.

По субъектному критерию (составу участников) социальные конфликты характеризуются такими участниками, которые изначально не ставят политических целей (целей доступа к институтам публичной власти и участия в распределении политических ресурсов). В то же время участниками политического конфликта являются именно субъекты публичной политики, использующие сам конфликт в том числе как цель и как средство для достижения актуальных политических целей в том виде, в каком они их понимают.

По объектному критерию разница заключается в том, что объектом социального конфликта выступают социальные интересы: ценности, статусы, блага и т.п. Объектом конфликта политического выступает политическая власть, символизирующая доступ к политическим и иным властным активам, а также к возможности политического управления.

Подводя итог, отметим, что политический конфликт может являться одним из сценариев развития социального конфликта.

Исследуя социально-психологические механизмы причин социальных конфликтов, обратимся к теории относительной депривации. В соответствии с ее трактовкой большинство субъектов участвует в социальных конфликтах в связи с тем, что находятся в неудовлетворенном (фрустрированном) состоянии [6. С. 51]. Эта теория позволяет обосновать происходящее в России и в других странах с «переходным» типом экономики и политического устройства, характеризуемым в том числе отсутствием легитимных и эффективных институтов управления конфликтами.

Так, в России в последние годы объективно наблюдается рост протестных акций. Этот рост происходит относительно медленными темпами, но протестное движение структурируется пока только в границах крупных городов¹. Причины

---

¹ *Вершинина Н.* Протестные настроения будут расти вместе с кризисом // Официальный сайт Российского информационного агентства URA.RU. 28.01.2015. Режим доступа: <https://ura.news/news/1052199666>. Дата обращения: 28.06.2018 года.

этого вписываются в теорию относительной депривации и состоят в осязаемом ухудшении социально-экономического положения населения, отсутствии эффективных социальных лифтов, отчуждении власти от населения и т.п.

Одновременно с ростом протестной активности происходит и рост политической составляющей в социальных конфликтах, что в перспективе может привести к опасной ситуации, когда любой социальный конфликт будет одновременно и конфликтом политическим и как таковой будет приводить к постоянной разбалансировке системы управления.

Актуальным представляется и вопрос, какие социальные акторы и при каких условиях могут трансформироваться в акторов политических. Современная наука понятия «политический субъект» и «субъект политики» не считает равнозначными. Так, для субъекта политики сама по себе политическая деятельность во всех ее формах и проявлениях (в том числе и в форме участия в социальных конфликтах) является приоритетной и, по сути, единственной. Политический субъект использует политику как средство для достижения целей, носящих, как правило, социально-значимый характер: это всевозможные общественные организации, субъекты «третьего сектора», профсоюзы.

Статья 3 Конституции России установила, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является народ. В то же время из этого не следует, что население России наделяется качествами политического субъекта, поскольку политическая субъектность напрямую связана с участием актора в политической борьбе, в то время как акторы, избегающие такой борьбы, не могут рассматриваться в качестве политических субъектов.

Уместно вспомнить данные социологических опросов последних лет. Например, в 2010 году, отвечая на вопрос: «Готовы ли Вы лично более активно участвовать в политике?», только 19% респондентов ответили «определенно да / в какой-то мере да», а 77% — «скорее нет / определенно нет» [15]. А в апреле 2017 года ответы на этот же вопрос выглядят так: «определенно да / в какой-то мере да» — 16%, ««скорее нет / определенно нет» — 80%².

Вместе с тем в 2010 году Общественная палата России отмечала, что в обществе «сформировался большой слой социально активных граждан, которые объединяются в разнообразные сообщества и социальные сети, чтобы отстаивать свои интересы и ценности». При этом в качестве одной из причин, ведущих к появлению очагов социальной напряженности, названа «слабость реакции властей на основные запросы общества»³. Вплоть до сегодняшнего дня эта ситуация не изменилась, что подтверждают недавние события⁴.

² Политическое участие // Официальный сайт «Левада-Центр». 12.04.2017. Режим доступа: <http://www.levada.ru/2017/04/12/politicheskoe-uchastie/>. Дата обращения: 28.06.2018.

³ Городецкая Н. Общественная палата ждет наступления реакции на запросы гражданского общества // Официальный сайт газеты «Коммерсантъ». 20.12.2010. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1561274>. Дата обращения: 28.06.2018.

⁴ Иванова М., Белый М. Как, проиграв Усманову, не сняв ролики, Навальный собрал митинги? // Официальный сайт Российского информационного агентства URA.RU. 12.07.2017. Режим доступа: <https://ura.news/articles/1036271233>. Дата обращения: 28.06.2018.

Эта тенденция очень опасна, поскольку современное усложнение форм и методов взаимодействия власти и общества актуализирует социальные конфликты, которые способны привести к дезорганизации управления. В этой связи повышается роль государства как основного социально-интеграционного механизма, одновременно выступающего и в роли своеобразного медиатора [31. С. 71].

Медиативные функции государства особенно важны в странах с переходным строем, характеризующихся углублением социального неравенства, существенным усилением властных позиций немногочисленной элиты и существенным затруднением участия большинства населения в политической жизни.

Такое положение дел противоречит демократическим принципам и закладывает основы для усиления авторитарных тенденций, но сквозь призму рассматриваемой темы опаснее другое: поляризация общества, которая приводит как к росту социальной и политической пассивности существенной части населения страны, так и к резкому падению легитимности существующих властных институтов.

Эффективное выполнение государством своих медиативных функций способно существенно нивелировать эти негативные тенденции. В развитых демократических государствах вырабатываются механизмы регулирования социального неравенства: перераспределение части национального дохода (через бюджет или различные фонды) в пользу малоимущих и социально слабозащищенных слоев; организация специальных органов власти, аккумулирующих интересы этих социальных групп и проводящих работу по их защите, и т.п. Эти механизмы объективно работают, хотя и с разной степенью эффективности в разных странах.

Однако манипулирование государством своими функциями в управлении социальными конфликтами может привести и к обратным последствиям. В современной России, характеризующейся слабыми и неустойчивыми институтами гражданского общества, именно государственная власть вынуждена заниматься развитием этих организаций, что приводит к зависимости «негосударственных организаций» от власти в целом и от конкретных субъектов политики [1. С. 66].

Большим соблазном этого процесса является соблазн давить социальные конфликты «в зародыше», «разрешая» их (именно в кавычках, потому что фактического разрешения при этом не происходит) волевым способом. При этом действия по подавлению социального конфликта направлены исключительно на его внешние проявления и публичную полую противоположной конфликтующей стороны. Социальные конфликты, которые «разрешаются» таким образом, почти всегда становятся латентными и неуправляемыми, поскольку для того, чтобы управлять, субъекту управления необходимо признать, классифицировать и обозначить объект управления, что в данном случае принципиально невозможно. В такой ситуации уже ничто не может помешать накоплению конфликтного потенциала, который, с большой долей вероятности, может «взорвать» социально-политическую ситуацию в самый неподходящий момент [28. С. 155]. К слову, в современной России появилась своеобразная форма перевода социальных конфликтов в латентную форму: отрицание их объективных причин и указание на то, что эти социальные конфликты являются исключительным следствием вмешательства агрессивных и враждебных «третьих» сил [17. С. 29—30]. Не вдаваясь в рамки настоящей

работы в анализ обоснованности, логичности и аргументированности этой позиции, отметим, что она крайне опасна своим отрицанием социального конфликта как феномена объективного, который невозможно создать и развивать извне, при условии, что реальные предпосылки к нему в обществе отсутствуют.

Аргументированной выглядит точка зрения, в соответствии с которой власть как субъект управления социальным конфликтом объективно сталкивается с необходимостью решения ряда задач, а именно:

— предупредить возникновение социального конфликта и его переход в фазу, затрудняющую процесс урегулирования;

— перевести латентные социальные конфликты в открытую форму с целью уменьшения неконтролируемых процессов;

— в ряде случаев, когда быстрое разрешение социального конфликта невозможно, он может переводиться в латентную форму, что позволяет законсервировать противостояние сторон, добиться изменения факторов, влияющих на его воспроизводство, в нужном направлении;

— минимизировать воздействие социального конфликта на общественное сознание, предупреждая рост протестного потенциала [11. С. 24].

Как указывал в своих работах Р. Дарендорф, «тот, кто умеет справиться с конфликтами путем их признания и регулирования, тот берет под свой контроль ритм истории. Тот, кто упускает такую возможность, получает этот ритм себе в противники» [32. Р. 140]. В связи с этим перед современным российским обществом и институтами публичной власти стоит общая задача: выработать механизмы обеспечения политической стабильности, под которой следует понимать не сохранность нахождения властного ресурса в руках одной и той же правящей элиты, а в первую очередь постоянство функционирования политических институтов, обеспечивающих согласование интересов государства, элит, групп давления и общества в целом [30. Р. 91].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Абгаджав Д.А.* Проблемы легитимизации и институционализации конфликтов в современной России // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2008. № 4. С. 64—70.
- [2] *Аристотель.* Политика // Библиотека Гумер. Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/aristot/index.php. Дата обращения: 28.06.2018.
- [3] *Бегинина И.А.* Категория интереса как инструмент анализа общественного мнения в социально-политической сфере // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2009. № 3. С. 12—17.
- [4] *Брега А.В.* Управление политическим конфликтом // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2014. № 1 (13). С. 33—37.
- [5] *Бэкон Ф.* Опыты, или наставления нравственные и политические. В 2 т. Сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Л. Субботина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 574 с.
- [6] *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 461 с., ил.
- [7] *Гоббс Т.* Философские основания учения о гражданине. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. 304 с.

- [8] Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: РОССПЭН, 2002. 288 с.
- [9] Деметрадзе М.Р. Политико-правовые аспекты гражданского неповиновения // Научная электронная библиотека «Гражданское общество в России». Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Demetr_pol-prav.pdf. Дата обращения: 28.06.2018.
- [10] Джармокова Ж.А. Каналы трансляции политических интересов в современном политическом пространстве // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5. С. 132—135.
- [11] Духина Т.Н., Болотова Т.П. Проблемы воспроизводства региональных социально-политических конфликтов в постсоветской России // Власть. 2011. № 9. С. 22—25.
- [12] Иванов О.Б. Политические интересы в социально-политических конфликтах современной России // Власть. 2017. № 7. С. 27—36.
- [13] Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
- [14] Киняшева Ю.Б., Мураценок С.В. Конфликтогенный потенциал гражданских инициатив в современном российском обществе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 123—131.
- [15] Козырев Г.И. От социального протеста к социально-политическому конфликту // Персональный сайт Геннадия Козырева. Режим доступа: <http://kozyrev-gi.ru/pages/ot-sotsialnogo-protesta/>. Дата обращения: 28.06.2018.
- [16] Коэн Д.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Издательство «Весь Мир», 2003. 784 с.
- [17] Лепехин В.А. Радикализация как способ воздействия на политические процессы и противодействие ей // Вестник экономической безопасности. 2015. № 6. С. 27—30.
- [18] Локк Дж. Два трактата о правлении / Сочинения в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. 405 с.
- [19] Макиавелли Н. Государь: Сочинения. М.: ЭКСМО Пресс; Харьков: Фолио, 2001. 656 с.
- [20] Маркс К. Избранные произведения. В трех томах. М.: Политиздат, 1985. 1817 с.
- [21] Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.
- [22] Мусаева Э.Ш. Теоретико-философские аспекты политических конфликтов // Общество: философия, история, культура. 2016. № 2. С. 24—26.
- [23] Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект пресс, 1997. 270 с.
- [24] Платон. Государство. Книга 8 // Lib.ru. Режим доступа: <http://lib.ru/POEEAST/PLATO/gosudarstvo.txt>. Дата обращения: 28.06.2018.
- [25] Политическая конфликтология: Учебн. пособие для вузов (Б.В. Коваленко, А.И. Пирогов, О.А. Рыжов). М.: Ижица, 2005. 400 с.
- [26] Руденкина А.И., Керимов А.А. Социально-политическая теория протеста в зарубежной науке // Социум и власть. 2016. № 4 (60). С. 56—61.
- [27] Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: «Наука», 1969. 704 с.
- [28] Суслов Е.В. Роль и место конфликтов в демократических политических процессах // Вестник экономики, права и социологии. 2013. № 4. С. 153—157.
- [29] Трофимова Е.А. От социального противоречия к социальному конфликту // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. № 2. С. 207—214.
- [30] Фельдман П.Я., Аветисов Э.К. Согласование интересов государства и общества как фактор обеспечения политической стабильности в современной России // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 7 (122). С. 90—97.
- [31] Цой Л.Н., Иванов О.Б. Медиация и конфликтология: методологические и предметно-содержательные различия // Власть. 2016. № 10. С. 69—75.
- [32] Darendorf R. Society and Democracy in Germany. New York, 1969. 276 p.

POLITICAL ASPECT OF SOCIAL CONFLICTS

O.B. Ivanov

Center for Social Conflicts Resolution

Prosp. Mira, 72, Moscow, Russian Federation, 129063

Abstract. Understanding social conflict is one of the key problems of contemporary social sciences. This article views the phenomenon of social conflict as an important form of social interaction. Social conflict is seen as a manageable process, which can be controlled by an external force. Modern Russian society is characterized by an increase in the number of citizens expressing their dissatisfaction with governmental response to social demands. This article is an attempt to analyze social conflict in modern society as a phenomenon that also has a political component. Pertaining to the stated goal, the article focuses on the problems of social inequality in present-day reality. It is stated that mitigation of socio-political tensions is related to government policy, and a high level of social differentiation of society can pose a threat to political stability. The increase in the degree of social inequality is related to inequitable social interchange that takes place in society. Exceeding the permissible degree of inequality leads to a large difference in the standard of living of social groups, which is regarded as discrimination and infringement of rights of certain demographics. This circumstance causes social tensions and serves as a ground for the emergence, development and spread of social conflicts. The novelty and practical significance of the work consists in presenting a comprehensive analysis of how social and political conflicts are interrelated and, in case of contemporary Russian reality, intertwined. The author examines the specific character of social conflicts in modern Russia and points out the need for development and use of methods — adequate to the current state of information technology — that would effectively regulate social conflicts.

Key words: social conflict, political conflict, subject of conflict, political culture, political regime, civil society, conflict management

REFERENCES

- [1] Abgadhava D.A. Problemy legitimizatsii i institucionalizatsii konfliktov v sovremennoj Rossii [Problems of Conflict Legitimation and Institutionalization in Modern Russia]. *Vestnik SPbGU. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2008; 4: 64—70 (In Russ.).
- [2] Aristotle. *Politika* [Politics]. *Biblioteka Gumer*. Available from: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/aristot/index.php. Accessed: 28.06.2018 (In Russ.).
- [3] Beginina I.A. Kategoriya interesa kak instrument analiza obshchestvennogo mneniya v social'no-politicheskoy sfere [Category of Interest as a Tool of Public Opinion Analysis in Socio-Political Sphere]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sociologiya. Politologiya*. 2009; 3: 12—17 (In Russ.).
- [4] Brega A.V. Upravlenie politicheskim konfliktom [Political Conflict Management]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2014; 1 (13): 33—37 (In Russ.).
- [5] Behkon F. *Opyty, ili nastavleniya npravstvennye i politicheskie* [Essays or Councils, Civil and Moral]. V 2 t. Compilation, edition and introduction by A.L. Subbotin. 2nd ed. Moscow: Mysl'; 1978. Vol. 2. 574 p. (In Russ.).
- [6] Gurr T.R. *Pochemu lyudi buntuyut* [Why Men Rebel]. SPb.: Piter; 2005. 461 p. (In Russ.).
- [7] Gobbs T. *Filosofskie osnovaniya ucheniya o grazhdanine*. Moscow: AST; Minsk: Harvest; 2001. 304 p. (In Russ.).
- [8] Darendorf R. *Sovremennyy social'nyj konflikt. Ocherk politiki svobody* [Modern Social Conflict: Essay on the Politics of Liberty]. Moscow: ROSSPEN; 2002. 288 p. (In Russ.).

- [9] Demetradze M.R. Politiko-pravovye aspekty grazhdanskogo nepovinoeniya [Political and Legal Aspects of Civil Disobedience]. *Nauchnaya ehlektronnaya biblioteka "Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii"*. Available from: https://www.civisbook.ru/files/File/Demetr_pol-prav.pdf. Accessed: 28.06.2018. (In Russ.).
- [10] Dzharmokova ZH.A. Kanaly translyacii politicheskikh interesov v sovremennom politicheskom prostranstve [Channels of Transmission of Political Interests in Modern Political Space]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2013; 5: 132—135 (In Russ.).
- [11] Duhina T.N., Bolotova T.P. Problemy vosproizvodstva regional'nyh social'no-politicheskikh konfliktov v postsovetsoj Rossii [Problems of Rehabilitation of Socio-Political Conflicts in Post-Soviet Russia]. *Vlast'*. 2011; 9: 22—25 (In Russ.).
- [12] Ivanov O.B. Politicheskie interesy v social'no-politicheskikh konfliktah sovremennoj Rossii [Political Interests in Socio-Political Conflicts of Contemporary Russia]. *Vlast'*. 2017; 7: 27—36 (In Russ.).
- [13] Kamyu A. *Buntuyushchij chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo* [The Rebel. Philosophy. Politics. Art]. Moscow: Politizdat; 1990. 415 p. (In Russ.).
- [14] Kinyasheva YU.B., Murashchenkov S.V. Konfliktogennyj potencial grazhdanskih iniciativ v sovremennom rossijskom obshchestve [Conflict-generating Potential of Civil Initiatives in Modern Russian Society]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2014; 1: 123—131 (In Russ.).
- [15] Kozyrev G.I. Ot social'nogo protesta k social'no-politicheskomu konfliktu [From Social Protest to Socio-Political Conflict]. *Personal'nyj sajt Gennadiya Kozyreva*. Available from: <http://kozyrev-gi.ru/pages/ot-sotsialnogo-protesta/>. Accessed: 28.06.2018 (In Russ.).
- [16] Koehn D.L., Arato EH. *Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaya teoriya* [Civil Society and Political Theory]. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir»; 2003. 784 p. (In Russ.).
- [17] Lepekhin V.A. Radikalizaciya kak sposob vozdejstviya na politicheskie processy i protivodejstvie ej [Radicalization as a Way to Manage Political Processes]. *Vestnik ehkonomicheskoy bezopasnosti*. 2015; 6: 27—30 (In Russ.).
- [18] Locke J. *Dva traktata o pravlenii. Sochineniya v 3 t.* [Two Treatises of Government. *Selected Works in 2 Vol.*] Moscow: Mysl'; 1988. Vol. 3. 405 p. (In Russ.).
- [19] Makiavelli N. *Gosudar': Sochineniya* [The Prince]. Moscow: EKSMO Press; Har'kov: Folio; 2001. 656 p. (In Russ.).
- [20] Marx K. *Izbrannye proizvedeniya. V trekh tomah* [Selected Works. In 3 Volumes]. Moscow: Politizdat; 1985. 1817 p. (In Russ.).
- [21] Merton R. *Social'naya teoriya i social'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow: AST; 2006. 873 p. (In Russ.).
- [22] Musaeva EH.SH. Teoretiko-filosofskie aspekty politicheskikh konfliktov [Theoretical and Philosophical Aspects of Political Conflicts]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 2016; 2: 24—26 (In Russ.).
- [23] Parsons T. *Sistema sovremennyh obshchestv* [System of Modern Societies]. Moscow: Aspekt press; 1997. 270 p. (In Russ.).
- [24] Plato. *Gosudarstvo. Kniga 8* [The State. Book 8]. Available from: <http://lib.ru/POEEAST/PLATO/gosudarstvo.txt>. Accessed: 28.06.2018 (In Russ.).
- [25] *Politicheskaya konfliktologiya: Uchebn. posobie dlya vuzov* (B.V. Kovalenko, A.I. Pirogov, O.A. Ryzhov) [Political Conflict Resolution Studies: Manual for graduate students]. Moscow: Izhica; 2005. 400 p. (In Russ.).
- [26] Rudenkina A.I., Kerimov A.A. Social'no-politicheskaya teoriya protesta v zarubezhnoj nauke [Socio-Political Theory of Protest in Foreign Science]. *Socium i vlast'*. 2016; 4 (60): 56—61 (In Russ.).
- [27] Russo ZH.-ZH. *Traktaty* [The Discourses]. Moscow: Nauka; 1969. 704 p. (In Russ.).

- [28] Suslov E.V. Rol' i mesto konfliktov v demokraticeskikh politicheskikh processah [Place and Role of Conflicts in Democratic Political Processes]. *Vestnik ehkonomiki, prava i sociologii*. 2013; 4: 153—157 (In Russ.).
- [29] Trofimova E.A. Ot social'nogo protivorechiya k social'nomu konfliktu [From Social Disagreement to Social Conflict]. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*. 2011; 2: 207—214 (In Russ.).
- [30] Fel'dman P.YA., Avetisov EH.K. Soglasovanie interesov gosudarstva i obshchestva kak faktor obespecheniya politicheskoy stabil'nosti v sovremennoj Rossii [Accommodation of Public and State Interests as a Way to Provide Political Stability in Contemporary Russia]. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015; 7 (122): 90—97 (In Russ.).
- [31] Coj L.N., Ivanov O.B. Mediatsiya i konfliktologiya: metodologicheskie i predmetno-soderzhatel'nye razlichiya [Mediation and Conflict Resolution Studies: Methodological and Substantive Differences]. *Vlast'*. 2016; 10: 69—75 (In Russ.).
- [32] Darendorf R. *Society and Democracy in Germany*. New York; 1969. 276 p.

Сведения об авторе:

Иванов Олег Борисович — руководитель Центра урегулирования социальных конфликтов, председатель Коллегии медиаторов при Торгово-промышленной палате Московской области (ORCID ID: 000-0001-8427-1323) (e-mail: collegiamo@gmail.com).

Information about the author:

Ivanov Oleg Borisovich — Head of the Center for Social Conflicts Resolution, Director of the Board of Intercessors affiliated with Chamber of Commerce and Industry of Moscow Region (Russian Federation) (ORCID ID: 000-0001-8427-1323) (e-mail: collegiamo@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 01.07.2018.

Received 01.07.2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-578-594

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БРИТАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОТ Д. КЭМЕРОНА К Т. МЭЙ: СТРАТЕГИИ И РЕАЛИИ

А.С. Климова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, 27/4, 19234, Москва, Россия

В последние годы обеспечение национальной безопасности Великобритании становится особенно актуальным и трудным делом. В данной статье ставится задача проанализировать, какие основные цели в сфере обеспечения национальной безопасности были актуальны в британских стратегических документах — в частности, Стратегиях национальной безопасности 2010 и 2015 гг. и сопутствующих им обзорах в сфере обороны и нацбезопасности, какими методами планировалось их достигать и каких успехов удалось достичь в реальности. Помимо научной литературы, анализируются официальные правительственные документы в сфере национальной безопасности и обороны, принятые в последние годы, а также значимые материалы ведущих британских «мозговых центров» и британских СМИ. В статье рассмотрено, к каким практическим результатам привели действия правительства Д. Кэмерона по основным направлениям национальной безопасности: борьбы с терроризмом, вооруженными конфликтами и нестабильностью за рубежом, кибертерроризмом.

В связи с результатами референдума о членстве страны в ЕС Великобритания оказалась погружена в перипетии выстраивания совершенно иной парадигмы отношений с Евросоюзом, в собственные внутривластные проблемы, и вопросы содействия международной безопасности и через нее обеспечения собственной отошли на второй план. В то же время сохраняется преемственность в политике национальной безопасности в плане ответа на основные угрозы. Вместе с тем при Т. Мэй угроза терроризма, общая для всей Европы и даже для мира, приобрела для Британии большую актуальность. Это скорее всего потребует от правительства Мэй изменения курса, возможно, и переписывания самой стратегии обеспечения национальной безопасности, а также принятия ряда непопулярных, жестких мер.

В течение 2015—2020 гг. рисками первого уровня для Великобритании являются терроризм (ИГ, «Аль-Каида»), а также киберугрозы, международные военные конфликты, пандемии и природные риски. В долгосрочной перспективе основными факторами риска являются изменения геополитического и глобального экономического контекста. Изменение климата также становится риском для Соединенного Королевства, и с 2035 года оно будет оказывать наибольшее влияние на национальную безопасность.

Ключевые слова: Великобритания, национальная безопасность, Т. Мэй, Д. Кэмерон, стратегия национальной безопасности, внешние вызовы

Обеспечение национальной безопасности является одним из главных приоритетов для любого британского правительства. Однако в последние годы эта проблема становится особенно актуальной и трудной.

В данной статье ставится задача проанализировать, какие основные цели в сфере обеспечения национальной безопасности были в британских стратегических документах — в частности, Стратегиях национальной безопасности 2010

и 2015 гг. и сопутствующих им обзорах в сфере обороны и нацбезопасности, какими методами планировалось их достигать и каких успехов удалось достичь в реальности. Помимо научной литературы анализируются официальные правительственные документы в сфере национальной безопасности и обороны, принятые в последние годы, а также значимые материалы ведущих британских «мозговых центров» и британских СМИ.

Необходимо рассмотреть, к каким практическим результатам привели действия правительства Д. Кэмерона по преодолению основных вызовов национальной безопасности: борьбы с терроризмом, вооруженными конфликтами и нестабильностью за рубежом, кибертерроризмом. Коалиционное правительство Д. Кэмерона, сформированное в мае 2010 г. консерваторами и либерал-демократами, стремилось разработать новые концептуальные подходы в сфере обеспечения национальной безопасности, а также в области внешней и оборонной политики. Делать это пришлось на фоне осуществления масштабных сокращений финансирования и численности вооруженных сил в условиях кризиса, а также решения проблем, связанных с британским участием в операциях в Афганистане, Ливии, Ираке.

В период работы правительства Д. Кэмерона был принят ряд основополагающих документов в сфере безопасности, включая Стратегию национальной безопасности 2010 г. и Стратегический обзор в сфере безопасности и обороны 2010 г. Сама Стратегия национальной безопасности 2010 г. и детализирующий ее обзор были критически охарактеризованы многими экспертами [6].

Однако принятие Стратегии положило начало длительному и сложному процессу переоценки британских стратегических ресурсов и возможностей в сфере обеспечения национальной безопасности, что было, безусловно, необходимо руководству страны. Первое новшество Д. Кэмерона в сфере национальной безопасности состояло в том, чтобы объединить все вовлеченные в ее обеспечение структуры. С этой целью в первый день работы нового правительства был создан Совет национальной безопасности, а также назначен советник по национальной безопасности.

Было уделено гораздо больше внимания выявлению возникающих рисков в самой Великобритании и за рубежом и борьбе с ними до того, как они станут полномасштабными кризисами. В стратегии 2010 г. решения о будущем вооруженных сил справедливо получили наибольшее внимание.

К проблемам, с которыми пришлось столкнуться правительству Д. Кэмерона, можно отнести в первую очередь состояние оборонного бюджета.

Д. Кэмерон унаследовал финансовые проблемы, а именно значительный долг, оставшийся от лейбористов. Экономические показатели Великобритании периода работы коалиционного правительства с мая 2010 г. по 2015 г. были достаточно скоромными. Экономика едва оправилась от глубокой рецессии, высокой безработицы и большого дефицита бюджета, но в то же время имелись и предпосылки экономического подъема, поскольку существовал ряд неиспользованных возможностей для экономического роста. Национальная безопасность зависит от экономической безопасности, поэтому укрепление экономики также являлось приоритетом для Д. Кэмерона.

Сокращение бюджета повлияло на реформирование британской армии. В период с 2010 по 2015 гг. коалиционное правительство сократило оборонный бюджет на 19% процентов, что ослабило британские оборонные возможности и ухудшило способность страны осуществлять политическую власть. В 2015 г. правительство объявило, что Британия будет в соответствии с требованиями НАТО выделять два процента национального дохода на оборону в течение всего следующего десятилетия. По данным министерства обороны Великобритании, реализация стратегии «Армия 2020» должна обеспечить лидерство британской армии в своем классе и позволить ей лучше отвечать на грядущие вызовы безопасности.

После очередных выборов при новом правительстве Кэмерона была принята новая Стратегия обороны и безопасности 2015 г., в которой задачи были обозначены по-другому. Были определены три основные направления работы: противостояние терроризму, противостояние кибертерроризму и обеспечение экономической безопасности. В Стратегии прописано увеличение расходов на обеспечение национальной безопасности до 2025 г. Такое решение объяснялось ростом угрозы терроризма и нестабильностью на Ближнем Востоке, ИГ, конфликтом на Украине, угрозами кибератак и пандемий. При неопределенном состоянии международной обстановки на первый план вышло сдерживание угроз со стороны других государств и борьба с терроризмом.

Таким образом, главным достижением того периода стало то, что Стратегический обзор в сфере обороны и безопасности 2010 г. определил, как Великобритания намерена разобраться с проблемами, которые правительство Д. Кэмерона унаследовало от предшественников. Стратегия национальной безопасности и Стратегический обзор в сфере обороны и безопасности 2010 г. знаменовали собой шаг в сторону увеличения способности Великобритании защищать свою безопасность и продвигать интересы на международной арене.

Основное внимание двух кабинетов Д. Кэмерона сфокусировалось на растущих угрозах со стороны ИГИЛ, на кибератаках, число которых за последние годы значительно возросло, а также на факторах нестабильности на Ближнем Востоке, перипетиях кризиса в отношениях России и Украины, на работе по снижению рисков пандемий, что было вызвано борьбой с лихорадкой Эбола в Западной Африке, в которой принимали участие и британские специалисты [13]. Великобритания предоставила 427 миллионов фунтов в качестве помощи при борьбе в Эболой в Сьерра Леоне. Был применен комплексный ряд мер по борьбе с эпидемией. Меры включали протестированные Национальной службой здравоохранения системы для борьбы с инфекционными заболеваниями, скрининг в аэропортах Хитроу и Гэтвик. Непосредственно в Африке помощь оказывалась совместно с Организацией Объединенных Наций, Всемирной организацией здравоохранения и более широким международным сообществом. Прямая поддержка Великобритании включала медицинскую помощь Красному Кресту и Всемирной организации здравоохранения, предоставление более 1400 лечебно-изоляционных кроватей, строительство 6 лечебных центров, обучение более 4000 медицинских работников

и т.д. Если речь идет о военной помощи, то это направление 750 военнослужащих для оказания материально-технической поддержки и развертывание военно-морского судна Аргус.

Основным моментом политики Великобритании в сфере безопасности является ее участие в военной операции в Ливии в 2011 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1973, после чего Великобритания нанесла ряд ударов с помощью авиации для поддержки оппозиции («Эллами»). Нужно отметить и операцию «Сервал» в Мали 2013 г. после принятия резолюции Совета Безопасности ООН 2085. Великобритания была намерена поддержать сирийскую оппозицию, но попытка операции была отклонена парламентом страны. Далее необходимо отметить участие Великобритании в военной операции против ИГ. В рамках операции «Шейдер» в конце 2014 г. был нанесен ряд авиаударов по нескольким позициям ИГИЛ. В событиях на востоке Украины — конфликтах в Луганской и Донецкой областях — Великобритания заняла позицию Киева, оказывала ему поддержку, в том числе путем тренировок украинских военных, и активно выступала за введение антироссийских санкций. В целом при Д. Кэмероне Великобритания избрала достаточно сдержанный режим участия в военных операциях за рубежом, учитывая ряд ошибок предыдущих правительств.

ИГ является преобладающей террористической угрозой для Великобритании, однако не единственной. Группировка «Аль-Каида» в Афганистане и Пакистане, на Аравийском полуострове и в Йемене продолжала угрожать западным интересам.

По мнению британских стратегов, нестабильность и конфликты за рубежом являются одними из самых важных угроз безопасности Великобритании. Там, где правительство отсутствует или является слабым, как в Сомали или Йемене, распространяются терроризм, организованная преступность и пиратство. Борьба с терроризмом отразилась в конкретных мерах, принятых правительством Д. Кэмерона. В 2011 году был принят Акт о мерах противодействия терроризму и расследования террористической деятельности, а в 2015 г. — Акт о противодействии терроризму и обеспечении безопасности [8]. Британское антитеррористическое законодательство подлежит регулярному пересмотру независимым экспертом по вопросам терроризма.

При Д. Кэмероне также была принята Стратегия борьбы с терроризмом «Кон-тест». В отчете о стратегии 2015 г. указывается, что правительство опубликовало новую версию контртеррористической стратегии Великобритании и обязалось ежегодно представлять обновленную информацию о борьбе с терроризмом. В течение 2015 г. уровень угрозы Великобритании, установленный Объединенным центром анализа терроризма, остался на уровне «severe», что означало высокую вероятность атаки. Исламистский терроризм был выделен в качестве главной угрозы. Угрозы кибератак также были выделены в Стратегии национальной безопасности как одни из приоритетных.

В 2015 г. новый, консервативный, кабинет Д. Кэмерона во исполнение ранее данного обещания каждые пять лет осуществлять пересмотр целей и задач в сфере национальной безопасности опубликовал новую Стратегию национальной без-

опасности и сопутствующий ей Обзор в сфере обороны и безопасности (SDSR). Во вступительном слове к Стратегии премьер-министр Д. Кэмерон отметил, что к 2015 г. Великобритания стала самой быстрорастущей экономикой мира [17]. Это позволило британскому правительству инвестировать значительные средства в сферу национальной безопасности [17]. Основное внимание двух кабинетов Д. Кэмерона сфокусировалось на растущих угрозах со стороны ИГИЛ, на кибератаках, число которых за последние годы значительно возросло, а также на факторах нестабильности на Ближнем Востоке, перипетиях кризиса в отношениях России и Украины, на работе по снижению рисков пандемий, что было вызвано борьбой с лихорадкой Эбола в Западной Африке, в которой принимали участие и британские специалисты [5].

Основные положения и цели, обозначенные в данной стратегии, определили политику второго кабинета Д. Кэмерона в сфере национальной безопасности. В документе выделяются три основные угрозы безопасности Великобритании: Россия и кризис на Украине, Исламское государство и киберпреступность. Кроме того, Стратегия обозначила три главные задачи национальной безопасности: защита подданных Великобритании, распространение британского глобального влияния и содействие процветанию страны.

В соответствии с главными угрозами и задачами стратегия определила четыре основные проблемы, которые формируют приоритеты безопасности в Великобритании на ближайшее десятилетие. К обозначенным проблемам относятся возрастающая угроза терроризма, экстремизма и международной нестабильности; возрождение угроз национальной безопасности со стороны других государств и усиление межгосударственной конкуренции. Также речь в стратегии идет о потенциально опасном влиянии технологий, особенно о киберугрозах; разрушении международного порядка, затрудняющего достижение консенсуса и устранение глобальных угроз. В стратегии также перечисляется ряд других рисков и угроз: чрезвычайные ситуации; стихийные бедствия за рубежом; дилеммы энергетической безопасности; вызовы глобальной экономики; проблема изменения климата и нехватки ресурсов [18].

В Стратегии национальной безопасности 2015 г. указывалось, посредством каких механизмов и при каких условиях будут выполняться поставленные задачи. Был создан Объединенный разведывательный комитет и введена должность Советника по национальной безопасности. В задачи комитета как подразделения Кабинета министров входит анализ событий и ситуаций, связанных с внешней политикой, обороной, терроризмом, международной преступностью, научно-техническими, экономическими и другими международными проблемами, на основе данных из открытых источников, а также полученных по дипломатическим каналам и каналам спецслужб; мониторинг и раннее предупреждение развития прямых и косвенных угроз для интересов Великобритании, а также международного сообщества в целом; выявление угроз безопасности на территории Великобритании и за рубежом; подготовка требований и установление приоритетов для сбора разведывательных данных и других задач, входящих в компетенцию спецслужб; осуществление комплексной проверки лиц, так или иначе связанных с деятель-

ностью в правительстве Ее Величества; поддержание связей с разведывательными организациями стран Содружества и другими спецслужбами в зависимости от обстоятельств, а также рассмотрение вопросов о предоставлении разведанных для них.

При втором кабинете Д. Кэмерона задачи стратегии были реализованы лишь частично [19]. Приоритетами правительства Д. Кэмерона в сфере национальной безопасности были девять направлений, в том числе борьба с терроризмом «у себя дома и за рубежом», противодействие экстремизму, сохранение статуса Великобритании как мирового лидера в области кибербезопасности, сдерживание угроз со стороны других государств, быстрое и эффективное реагирование на кризисы, укрепление международного порядка и его институтов, работа с партнерами с целью сокращения численности и интенсивности международных конфликтов, содействие стабильности и соблюдение прав человека, а также содействие процветанию Великобритании.

По каждой из задач Стратегии 2015 г. кратко описаны некоторые ключевые решения. Например, для обеспечения защиты интересов граждан Великобритании, экономической безопасности, инфраструктуры и образа жизни было принято решение о выделении 2% ВВП на оборону ежегодно [11].

Парламент гарантировал реальный рост оборонного бюджета и создал совместный фонд безопасности, объем которого к окончанию срока работы второго кабинета Кэмерона, к 2016 г., вырос до 1,5 млрд фунтов стерлингов [10]. Сохранение глобального влияния и предотвращение угроз, влияющих на Великобританию, ее интересы и интересы ее союзников и партнеров отражены в решении выделить 0,7% ВВП на официальную помощь в целях развития (ОПР), что было закреплено на законодательном уровне в 2015 г., а также инвестировать не менее 50% бюджета Министерства международного развития в нестабильные государства и регионы.

Значительное внимание при правительстве Д. Кэмерона уделялось экономической безопасности. За 2010—2015 гг. был принят ряд трудных решений, призванных сократить дефицит государственного бюджета и восстановить экономику. Был сформирован долгосрочный экономический план, и к 2015 г. Великобритания стала самой быстрорастущей развитой экономикой в мире. Следовательно, возрос объем инвестиций в национальную безопасность. Это являлось жизненно необходимой мерой с учетом масштаба угроз, с которыми столкнулась Великобритания. Общие расходы правительства на оборону за 2010—2015 гг. составили около 85 млрд. ф. ст. Выступая в парламенте в 2015 г., Дэвид Кэмерон отметил, что мир стал более опасным и непредсказуемым по сравнению со временем, когда он вступил в должность в 2010 г. В течение 2010—2015 гг. террористическая угроза в отношении Британии возросла. В то же время угроза изменилась по своей природе: террористы создали сеть по всей Европе, обладая технологиями для распространения за рубежом.

Стратегия и Обзор определили также основные направления развития британских вооруженных сил и силовых структур на период до 2025 г. Следует отметить, что новый документ де-факто практически полностью перечеркнул положения прежнего Обзора-2010.

При Д. Кэмероне в сфере противодействия терроризму были достигнуты следующие результаты. Правительство Д. Кэмерона инвестировало в службы безопасности, в плане обеспечения ресурсами и информацией, необходимой для предотвращения атак на Великобританию. Было объявлено об инвестировании дополнительных 2,5 млрд фунтов стерлингов для борьбы с терроризмом на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Южной Азии и странах Африки к югу от Сахары.

Кроме того, в период 2010—2015 гг. вооруженные силы Великобритании были перестроены таким образом, чтобы отвечать на современные угрозы безопасности. Были созданы две дополнительные эскадрильи «Тайфун» и дополнительная эскадрилья боевых самолетов F35 для авианосцев, куплены девять новых морских патрульных самолетов, базирующихся в Шотландии, а также созданы две новые ударные бригады, полностью оснащенные для быстрого разгвтавания.

Проведение референдума о выходе Великобритании из Европейского Союза 23 июня 2016 г. привело к отставке Д. Кэмерона в июле 2016 г. и назначению нового премьер-министра, консерватора Терезы Мэй.

Правительство обязано ежегодно информировать общественность о прогрессе в реализации Стратегии национальной безопасности. Первый такой ежегодный отчет по новой стратегии был опубликован в декабре 2016 г. [19].

Чтобы добиться реального прогресса в обеспечении безопасности, британское правительство стало уделять гораздо больше внимания устранению причин, а не только симптомов имеющихся проблем и вызовов [14].

Учитывая международную ситуацию, отчеты предоставили возможность для правительства оценить прогресс в обеспечении национальной безопасности и ликвидировать имеющиеся недостатки. В предисловии, написанном премьер-министром Терезой Мэй, говорилось о «прогрессе в каждой области».

Несмотря на оптимизм Т. Мэй, в сфере обеспечения национальной безопасности Великобритании остается ряд недочетов. Во-первых, в Стратегии 2015 г. не было дано четкого определения «безопасности». Поэтому не были определены индикаторы или контрольные показатели, по которым будет измеряться прогресс. В Стратегии обрисован комплекс целей и предполагаемых действий, но нет описания предполагаемого кумулятивного результата. Этот недостаток был отмечен Объединенным комитетом по стратегии национальной безопасности (JCNS), основным парламентским органом, который внимательно следит за реализацией стратегии. В первом докладе 2016 г., который был подготовлен этим органом, отмечено, что основной задачей СНБ является определение целей Великобритании в этой сфере, средств их достижения и необходимых для этого ресурсов [21]. Стратегия и Обзор 2015 г., по мнению авторов отчета, не достигают этой цели. Это серьезное препятствие для оценки эффективности значительной части государственных расходов.

Следует иметь в виду, что правительство намеревалось выделить на закупку вооружений и их обслуживание 178 млрд фунтов стерлингов до 2025—26 гг. во исполнение целей и задач, поставленных в Стратегическом обзоре в сфере обороны и безопасности [19].

Отчет правительства в этой области весьма неоднозначный, потому что многие действия, предпринятые правительством Д. Кэмерона во имя «национальной безопасности» за все время его премьерства, в действительности привели к непредвиденным и нежелательным последствиям.

Так, Королевский институт объединенных служб (RUSI) оценил недавние военные действия Соединенного Королевства в Афганистане, Ираке и Ливии и их долгосрочные последствия как «стратегические неудачи» [7, 15].

В докладе RUSI 2014 г., посвященном участию Великобритании в военных операциях с 1991 г., отмечены те существенные расхождения, которые зачастую возникают между риторической приверженностью Великобритании международным нормам и их фактическим применением [24].

Следовательно, ежегодный отчет о политике национальной безопасности Великобритании указывает на ряд недостатков стратегии, опубликованной в 2015 г. Правительству Т. Мэй необходимо переопределить понятие безопасности и сформулировать намеченные результаты своих действий. Оно должно сделать гораздо больший акцент на решении долгосрочных проблем отсутствия безопасности, вместо того чтобы сосредотачиваться только на краткосрочных симптомах.

Для Т. Мэй вопрос обеспечения национальной безопасности является приоритетным. Премьер-министр объявила о планах ввести новые антитеррористические законы после атаки на Лондонском мосту. В своем выступлении после экстренного собрания комитета «Кобра» Мэй заявила, что к борьбе с экстремизмом в сети следует более активно привлекать интернет-компании. По мнению премьер-министра, необходимо также работать с демократическими правительствами для достижения международных соглашений по регулированию киберпространства, чтобы предотвратить распространение экстремизма и терроризма. Оппоненты Т. Мэй критикуют близость консерваторов к властям Саудовской Аравии и призывают к ограничению финансирования исламистских организаций в Великобритании [15].

Ожидается, что Т. Мэй будет вводить контроль за подозреваемыми в террористических замыслах и попытается ужесточить Меры по предотвращению и расследованию террористических актов (TPIMS) [22]. Это меры предназначены для людей, подозреваемых в терроризме, но ранее не судимых за данный вид преступлений. После ряда террористических атак — в Манчестере и Лондоне — в 2017 г. перед Великобританией стоит задача дать адекватный ответ на угрозу терроризма, при этом важно соблюсти баланс между полицейскими мерами, обеспечением безопасности и того уровня гражданских прав и свобод, которым Великобритания издавна гордилась как старейшая демократия. Только лишь ужесточение контроля не может полностью решить данную задачу. Поэтому премьер-министру Терезе Мэй, пришедшей к власти в 2016 г., предстоит обеспечить оптимальную и слаженную работу полиции и разведывательных служб.

В ежегодном отчете Королевского института объединенных служб (RUSI) 2016—17 гг. говорится о возрастающей угрозе терроризма, экстремизма и нестабильности [20]. Основной акцент делается на анализе деятельности исламистских террористических групп, которые используют Интернет и социальные сети для

онлайн-пропаганды. Кроме того, сохраняется угроза терроризма, связанного с Северной Ирландией.

Такие глобальные факторы, как социальное неравенство и изменение климата, приводят к гуманитарным кризисам и массовой миграции. Для противодействия указанным угрозам используются сильные стороны и активы Великобритании: быстрорастущая экономика, высококлассные вооруженные силы и службы безопасности. Главной угрозой называется Исламское государство, но в то же время в докладе указано, что нестабильность имеет множество причин — это и операции зарубежных разведывательных служб, и новые технологии в области медицины, генной инженерии, биологии, материаловедения, использования больших данных и робототехники, исследований космоса, усиление кибератак, расширение их диапазона — они исходят теперь не только от государств, но и от негосударственных субъектов, включая террористов и преступников [20].

Также в докладе упоминаются такие угрозы, как усиление конкуренции государств на Ближнем Востоке и в Северной Африке, а также в Южной и Юго-Восточной Азии. Серьезной угрозой является испытание ядерного оружия и баллистических ракет в Северной Корее. Разрушение международного порядка, основанного на определенных правилах, по мнению британских экспертов, затрудняет достижение консенсуса и устранение глобальных угроз.

Т. Мэй объявила о необходимости менять тактику, так как последние события показали неспособность спецслужб предотвратить теракты. Еще будучи министром внутренних дел, Т. Мэй объявила о новых мерах в ответ на повышенный уровень угрозы терроризма в Великобритании. Парламенту был представлен законопроект о борьбе с терроризмом и обеспечением безопасности, и уровень террористической угрозы Великобритании был поднят с «суущественного» до «тяжелого» в ответ на конфликты в Ираке и Сирии. Британские силовики отмечают, что возможность новых атак террористов очень велика.

В приоритете Т. Мэй находятся и вопросы кибербезопасности. Технологические компании создали 3,5 миллиона новых рабочих мест в Великобритании. Использование Интернета для предоставления услуг и торговли обеспечивает несомненные преимущества как для правительства Великобритании, так и для промышленности. При этом информационные технологии могут представлять серьезную угрозу. По мнению европейских политологов, в Великобритании действуют тайные ячейки, участники которых общаются между собой онлайн. Теракт, совершенный 3 июня 2017 г. в Лондоне, заставил правительство Великобритании пересмотреть национальную стратегию по борьбе с терроризмом, а также добиваться принятия международных норм по борьбе с террористами в киберпространстве. В 2016 г. была принята Национальная стратегия кибербезопасности. 18 октября 2017 г. министр кабинета Д. Грин выступил с отчетом за первый год с момента запуска Стратегии. Согласно данному отчету гражданское общество, бизнес и научные круги получают огромные выгоды от участия в цифровом мире. Но атака «Vansacry ransomware», нарушение данных «Equifax» и другие недавние инциденты подчеркивают необходимость того, чтобы все британские организации принимали меры по защите кибербезопасности и защите

личных данных. Наиболее заметным достижением за прошедший год стало создание Национального центра кибербезопасности. В целом за год центр ответил на более чем 590 серьезных инцидентов в киберпространстве, более 30 из которых потребовали межправительственного реагирования.

Таким образом, Терезе Мэй предстоит решить еще немало сложных задач в сфере национальной безопасности. Недавние теракты в Лондоне вызвали сомнения в способности ее кабинета справиться с такими вызовами. Традиционно в любых вопросах, связанных с безопасностью, консерваторы превосходят оппонентов, но в настоящее время данное утверждение подвергается сомнению. Т. Мэй пообещала усилить меры безопасности, однако лейбористы напомнили, что в качестве главы Министерства внутренних дел она сама проводила масштабные сокращения в полиции, чтобы сэкономить бюджетные деньги [23].

Несомненно, с 2010 г. по настоящий момент как стратегия, так и тактика обеспечения национальной безопасности в Великобритании претерпели существенную эволюцию. На момент прихода Д. Кэмерона к власти еще не стояла столь остро на повестке дня «проблема ИГ». Экономическая ситуация в Британии с 2010 г. к 2015 г. заметно улучшилась, что позволило увеличить инвестиции в национальную безопасность. При Д. Кэмероне обеспечение национальной безопасности подразумевало и усиление влияния Великобритании на политические процессы за рубежом, участие страны в предотвращении и урегулировании конфликтов и кризисов в нестабильных странах, в т.ч. путем выделения помощи развитию.

Однако в связи с результатами референдума о членстве страны в ЕС Великобритания оказалась погружена в перипетии выстраивания совершенно иной парадигмы отношений с Евросоюзом, в собственные внутривнутриполитические проблемы, и вопросы содействия международной безопасности и через нее обеспечения собственной отошли на второй план.

В то же время сохраняется преимущество в политике национальной безопасности в плане ответа на основные угрозы. Вместе с тем при Т. Мэй угроза терроризма, общая для всей Европы и даже для мира, приобрела для Британии большую актуальность. Это скорее всего потребует от правительства Мэй изменения курса, а возможно, и переписывания самой стратегии обеспечения национальной безопасности, а также принятия ряда непопулярных, жестких мер. В течение 2015—2020 гг. риском первого уровня является терроризм, который остается самой прямой и непосредственной угрозой для внутренней безопасности и внешней политики. Киберугрозы также являются значительным вызовом для Великобритании. К ним относятся кибертерроризм, мошенничество, организованная преступность и шпионаж, который стал сетевым и зависит от технологий, включая данные, хранящиеся за рубежом. Киберриски лежат в основе многих других рисков, с которыми сталкивается Великобритания.

Беспокоят руководство страны и международные вооруженные конфликты, риск которых постоянно растет. Хотя маловероятно, что для самой Великобритании появится прямая военная угроза, существует угроза возникновения международных военных кризисов. Способность эффективно реагировать на угрозы

будет усложняться использованием государствами асимметричной и гибридной тактики, сочетающей экономическое принуждение, дезинформацию, информационные технологии, терроризм и преступную деятельность, размывание границ между гражданскими беспорядками и военными конфликтами.

Нужно отметить и несколько других видов угроз. Например, нестабильность за рубежом: с 2010 г. нестабильность получила распространение на юге Ближнего Востока, в Северной Африке и на востоке Украины. Вопросы здравоохранения отражены в рисках болезней, особенно пандемического гриппа, возникающих инфекционных заболеваний. Основные природные риски и крупные наводнения вызывают сбои работы инфраструктуры основных услуг и влекут значительные экономические издержки. В долгосрочной перспективе основными факторами воздействия и риска являются изменения геополитического и глобального экономического контекста, а также экологические изменения.

Таким образом, политика безопасности Д. Кэмерона привела к сокращению участия Великобритании в военных зарубежных конфликтах по сравнению с периодом пребывания у власти лейбористов [16]. На период работы премьер-министра пришелся самый большой дефицит оборонного бюджета в послевоенной истории. Д. Кэмерону удалось усилить борьбу с терроризмом. Несмотря на это мир стал менее безопасным.

Перед началом работы второго кабинета Кэмерона приоритетами стали сдерживание угроз со стороны других государств и борьба с терроризмом. В 2015 г. Дэвид Кэмерон повысил расходы на оборону из-за террористической угрозы, которая нависла над миром. Великобритания стала самой быстрорастущей развитой экономикой в мире за 2013—2015 гг. и инвестировала в дальнейшем в национальную безопасность, учитывая основные угрозы: разрастание ИГ, нестабильность на Ближнем Востоке, кризис на Украине, угроза кибератак и риск пандемий. Дэвид Кэмерон предупредил, что, если британцы проголосуют за выход страны из Евросоюза, это может поставить под угрозу мир в Европе.

Новый премьер-министр Т. Мэй, пришедшая к власти на фоне турбулентной внутри- и внешнеполитической обстановки в результате «Брексита», также выделила терроризм и экстремизм в качестве основных угроз национальной безопасности Британии. В политике безопасности сохранилась преемственность по основным приоритетам. При этом обостряются экологические проблемы, усилилась угроза кибертерроризма. Т. Мэй заявила о необходимости работать над международными соглашениями по регулированию киберпространства, чтобы предотвратить распространение экстремизма и терроризма. Угрозы, с которыми сталкивается Великобритания, возрастают по своим масштабам и сложности [23].

Одной из угроз своей национальной безопасности Великобритания считает и политику современной России.

С марта 2018 г. и без того сложные отношения между Великобританией и Россией вышли на новый виток напряженности из-за так называемого «дела Скрипалей». Как известно, 4 марта 2018 г. Сергей Скрипаль, бывший сотрудник Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба Вооруженных сил РФ,

осужденный в России за шпионаж в пользу Великобритании, и его дочь Юлия подверглись в г. Солсбери воздействию некоего нервно-паралитического вещества, по версии британской стороны — газа типа «Новичок», якобы разработанного в СССР/России. Представители российской власти и МИД РФ последовательно категорически отрицали все обвинения в причастности к этому делу, указав, что программ разработки такого вещества ни в СССР, ни в России не существовало [3].

Высказывались мнения о том, что правительство Т. Мэй специально сфабриковало «дело Скрипалей» с целью отвлечения внимания общественности и прессы от более серьезных проблем во внутренней политике страны, в частности, не очень удачно идущих переговорах с ЕС по «брекситу». В частности, об этом говорилось в статье российского посла в Германии Сергея Нечаева в газете «Райнише пост», а также отмечалось и другими российскими представителями [4].

В отсутствие каких-либо доказательств причастности России к состоянию Скрипалей Лондон выдворил из страны 23 российских дипломата и заявил о других антироссийских мерах. В ответ Москва выслала такое же число сотрудников британского посольства, предписала закрыть генконсульство Великобритании в Санкт-Петербурге и прекратить деятельность Британского совета в РФ.

Расследование Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО), результаты которого были готовы к 12 апреля 2018 г., не пролило света на страну происхождения отравляющего вещества [2]. Полный текст доклада был засекречен от широкой общественности, российская сторона также его получила и взяла время на тщательное ознакомление с ним.

«Дело Скрипалей» правительство Великобритании рассматривает как прямую угрозу национальной безопасности страны со стороны враждебного государства — России [3]. Подготовлен или готовится ряд новых мер, направленных против России, — в частности, к ним относится публикация Комитетом по международным делам британского парламента доклада «Золото Москвы: российская коррупция в Великобритании», в котором выражена обеспокоенность якобы «отмыванием» денег российских бизнесменов через финансовые институты Лондона с использованием лазеек в британском законодательстве, что угрожает безопасности Соединенного Королевства [12]. Авторы доклада призывают правительство принять меры против «связанных с Кремлем лиц».

Вместе с тем если дальнейший ход событий подтвердит точку зрения российских экспертов по поводу «дела Скрипалей», а именно что обвинения против нашей страны могут быть намеренно сфабрикованы британским правительством при участии спецслужб, это может негативно сказаться на политическом положении британского премьер-министра Терезы Мэй. Например, лидер оппозиционной Лейбористской партии Дж. Корбин с самого начала призывал всех к сдержанности в высказываниях относительно роли России в этом инциденте до тех пор, пока не будут известны результаты расследований происшедшего различными организациями [4, 9]. Постепенно внутри британского экспертного и политического сообщества возникают новые вопросы к кабинету Т. Мэй по поводу этого дела, и убедительность и достоверность аргументации правительства начинают

ставиться под сомнение. После того, как было доказано, что аргументация в пользу британского участия в войне в Ираке в 2003 г. была основана на недостоверных сведениях (об этом говорится в выводах британской Комиссии Чилкота, которая опубликовала доклад с итогами семилетнего расследования в 2016 г.), британская общественность стала намного более недоверчивой к заявлениям собственного правительства [1, 5]. Теперь требуются подлинные и убедительные свидетельства в пользу любых громогласных политических заявлений. Не исключено, что расследование, подобное расследованию Комиссии Чилкота в отношении действий Кабинета Т. Блэра, повлекших вторжение в Ирак, может в будущем быть проведено и в отношении действий Кабинета Т. Мэй по делу Скрипалей.

Итак, перед британским правительством Т. Мэй сейчас остается немало вызовов в сфере национальной безопасности, как вполне реальных, так, возможно, иногда и искусственно сконструированных и вплетенных в политическую игру. Пока неизвестно, укрепит ли или, наоборот, ослабит национальную безопасность Соединенного Королевства выход из ЕС, который должен окончательно состояться в 2019 г.

Вместе с тем у Великобритании третий по величине в мире оборонный бюджет, службы безопасности мирового уровня и прочная позиция в НАТО. Это говорит, что у нее есть хорошая база для ответа на самые острые вызовы безопасности. Великобритания намерена продолжать сотрудничать с союзниками по НАТО, европейскими странами-соседями и структурами ЕС, что должно внести вклад в обеспечение безопасности и стабильности на европейском континенте.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Вторжение Британии в Ирак было ошибкой и нарушением принципов ООН // РИА Новости. 06.07.2016. Режим доступа: <https://ria.ru/world/20160706/1459947052.html>. Дата обращения: 19.02.2018.
- [2] Доклад ОЗХО может обернуться против самой Британии // Взгляд. 12.04.2018. Режим доступа: <https://vz.ru/politics/2018/4/12/899923.html>. Дата обращения: 29.04.2018.
- [3] Международная реакция на дело Скрипаля. Досье // ТАСС. 18.04.2018. Режим доступа: <http://tass.ru/info/5138175>. Дата обращения: 29.04.2018.
- [4] «Россия не имеет никакого отношения к делу Скрипаля» // Rheinische Post. 04.04.2018. Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20180404/241902793.html>. Дата обращения: 26.04.2018.
- [5] Стратегия национальной безопасности и обзор стратегической обороны и безопасности Великобритании 2016 // Политинформ. 15.05.2016. Режим доступа: <http://politinform.su/geopolitika/52599-strategiya-nacionalnoy-bezopasnosti-i-obzor-strategicheskoy-oborony-i-bezopasnosti-velikobritanii.html>. Дата обращения: 21.05.2018.
- [6] A Strong Britain in an Age of Uncertainty: The National Security Strategy. Presented to Parliament by the Prime Minister by Command of Her Majesty October 2010. Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/61936/national-security-strategy.pdf. Дата обращения: 05.05.2018.
- [7] Britain's Invasion of Iraq Was a Mistake and Violation of UN Principles. 06.07.2016. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/collections/terrorism-prevention-and-investigation-measures-act>. Дата обращения: 14.04.2018.

- [8] Counter-Terrorism and Security Act 2015. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/collections/counter-terrorism-and-security-bill>. Дата обращения: 10.04.2018.
- [9] *Dejevsky M.* Jeremy Corbyn Was Right to Be Cautious about Blaming Moscow for the Skripal Poisoning // *The Independent*. 05.04.2018. Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/voices/jeremy-corbyn-sergei-skripal-theresa-may-novichok-russia-spy-poisoning-moscow-a8288826.html>. Дата обращения: 09.04.2018.
- [10] *Dominiczak P.* Barack Obama Praises David Cameron Over Defence Spending // *The Telegraph*. 22.07.2015. Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/defence/11756153/Barack-Obama-praises-David-Cameron-over-defence-spending.html>. Дата обращения: 03.05.2018.
- [11] Global Economic Prospects — Forecasts. Annual GDP Growth // World Bank. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/country/united-kingdom>. Дата обращения: 02.04.2018.
- [12] House of Commons Foreign Affairs Committee. Moscow's Gold: Russian Corruption in the UK. Eighth Report of Session 2017—19. Published on 21 May 2018 by Authority of the House of Commons. 21.05.2018. Режим доступа: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmfaff/932/932.pdf> Yughui. Дата обращения: 25.05.2018.
- [13] How the UK Government is Responding to Ebola. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/topical-events/ebola-virus-government-response/about>. Дата обращения: 20.05.2018.
- [14] JCNSS Joint Committee on the National Security Strategy. Режим доступа: <http://www.parliament.uk/business/committees/committees-a-z/joint-select/national-security-strategy/role/>. Дата обращения: 08.05.2018.
- [15] *Kanter J.* Intelligence Expert: Theresa May is as Big a Threat to Britain's National Security as Jeremy Corbyn // *Business Insider*. 17.05.2017. Режим доступа: <http://uk.businessinsider.com/anthony-glees-theresa-may-big-a-threat-to-britain-national-security-as-jeremy-corbyn-2017-5>. Дата обращения: 20.05.2018.
- [16] *McKeon C.* UK National Security Strategy: Security for Whom? // *Open Democracy*. 15.12.2016. Режим доступа: <https://www.opendemocracy.net/5050/yawning-chasm-in-uk-national-security-strategy-security-for-whom>. Дата обращения: 12.04.2018.
- [17] National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015. Foreword by the Prime Minister. P. 6. Режим доступа: <https://www.eda.europa.eu/docs/default-source/procurement/uk-national-security-strategy-and-strategic-defence-security-review-2015.pdf>. Дата обращения: 05.05.2018.
- [18] National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/publications/national-security-strategy-and-strategic-defence-and-security-review-2015>. Дата обращения: 03.05.2018.
- [19] National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015: Annual Report 2016. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/publications/national-security-strategy-and-strategic-defence-and-security-review-2015-annual-report-2016>. Дата обращения: 05.04.2018.
- [20] RUSI Annual Report 2016—2017. Режим доступа: <https://rusi.org/rusi-reports/annual-report-2016-17>. Дата обращения: 20.04.2018.
- [21] Terrorism Prevention and Investigation Measures Act. 25 October 2016. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/collections/terrorism-prevention-and-investigation-measures-act>. Дата обращения: 20.04.2018.
- [22] The Defence Equipment Plan 2016. Ministry of Defense. P. 3. Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/592765/Defence_Equipment_Plan_2016_final_version.pdf. Дата обращения: 04.05.2018.
- [23] *Travis A.* Simple Numbers Tell Story of Police Cuts Under Theresa May // *The Guardian*. 05.06.2017. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/uk-news/2017/jun/05/theresa-may-police-cuts-margaret-thatcher-budgets>. Дата обращения: 06.04.2018.
- [24] Wars in Peace. British Military Operations Since 1991 // RUSI. 2014. Режим доступа: https://rusi.org/sites/default/files/wars_in_peace_foreword_and_intro.pdf. Дата обращения: 12.05.2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-578-594

ENSURING THE NATIONAL SECURITY OF GREAT BRITAIN FROM D. CAMERON TO T. MAY: STRATEGIES AND REALITIES

A.S. Klimova

Lomonosov Moscow State University
Lomonosovskiy prosp., 27/4., 19234, Moscow, Russian Federation

Abstract. In recent years, ensuring the national security of the UK has become an urgent and challenging task. This article aims to analyze the main goals in the sphere of national security, which were outlined in British strategic documents — in particular, the National Security Strategies of 2010 and 2015, and the accompanying strategic defense and security reviews. The author examines the methods used to achieve these goals, and the actual accomplishments in the security sector. In addition to scientific literature, the article studies recent official government documents in the sphere of national security and defense, as well as relevant materials of leading British “think tanks” and British media. The author enquires into practical results that have been achieved by the D. Cameron government in the main areas of national security: anti-terrorism efforts, resolution of armed conflicts and instability abroad, and fighting cyberterrorism.

In view of the results of the referendum on the country's membership in the European Union, UK has found itself entangled in an entirely different paradigm of relations with the EU, while trying to resolve its own internal political problems. Therefore, matters of international, as well as national, security have slid by the wayside. At the same time, British government maintains continuity of the national security policy in terms of responding to significant threats. Under T. May, the danger of terrorism, threatening Europe and the entire world, has become a matter of urgency for UK. Consequently, the May government will most likely be forced to change its course of action, and perhaps rewrite the whole strategy of ensuring national security, as well as adopt a number of unpopular, harsh measures.

In the period between 2015 and 2020, terrorism, international military conflicts, pandemics and natural risks remain the first level risks for Great Britain. Long term, geopolitical and economic changes on the global scale are expected to be the prevailing risk factors. Climate change is also gaining significance and starting from 2035 it is predicted to have the greatest impact on national security.

Key words: United Kingdom, national security, Theresa May, David Cameron, national security strategy, external threats

REFERENCES

- [1] Vtorzhenie Britanii v Irak bylo oshibkoi i narusheniem printsipov OON [Britain's Invasion of Iraq Was a Mistake and Violation of UN Principles]. *RIA Novosti*. 06.07.2016. Available from: <https://ria.ru/world/20160706/1459947052.html>. Accessed: 22.03.2018 (In Russ.).
- [2] Doklad OZKhO mozhet obrnut'sya protiv samoi Britanii [The Report of the OPCW Could Turn Against Britain Itself]. *Vzglyad*. 12.04.2018. Available from: <https://vz.ru/politics/2018/4/12/899923.html>. Accessed: 01.04.2018 (In Russ.).
- [3] Mezhdunarodnaya reaktsiya na delo Skripalya. Dos'e [International Reaction to the Skripal Case. Dossier]. *TASS*. 18.04.2018. Available from: <http://tass.ru/info/5138175>. Accessed: 21.05.2018 (In Russ.).
- [4] “Rossiya ne imeet nikakogo otnosheniya k delu Skripalya” [“Russia Has No Connection with Skripal Case”]. *Rheinische Post*. 04.04.2018. Available from: <https://inosmi.ru/politic/20180404/241902793.html>. Accessed: 11.04.2018 (In Russ.).
- [5] Strategiya natsional'noi bezopasnosti i obzor strategicheskoi oborony i bezopasnosti Velikobritanii 2016 [National Security Strategy and Strategic Defense and Security Review of the United Kingdom 2016]. *Politinform*. 15.05.2016. Available from: <http://politinform.su/geopolitika/52599-strategiya-nacionalnoy-bezopasnosti-i-obzor-strategicheskoy-oborony-i-bezopasnosti-velikobritanii.html>. Accessed: 21.03.2018 (In Russ.).

- [6] *A Strong Britain in an Age of Uncertainty: The National Security Strategy. Presented to Parliament by the Prime Minister by Command of Her Majesty October 2010*. Available from: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/61936/national-security-strategy.pdf. Accessed: 21.03.2018.
- [7] *Britain's Invasion of Iraq Was a Mistake and Violation of UN Principles*. 06.07.2016. Available from: <https://www.gov.uk/government/collections/terrorism-prevention-and-investigation-measures-act2>. Accessed: 02.03.2018.
- [8] *Counter-Terrorism and Security Act 2015*. Available from: <https://www.gov.uk/government/collections/counter-terrorism-and-security-bill>. Accessed: 21.04.2018.
- [9] Dejevsky M. Jeremy Corbyn Was Right to be Cautious about Blaming Moscow for the Skripal Poisoning. *The Independent*. 05.04.2018. Available from: <https://www.independent.co.uk/voices/jeremy-corbyn-sergei-skripal-theresa-may-novichok-russia-spy-poisoning-moscow-a8288826.html>. Accessed: 21.03.2018.
- [10] Dominiczak P. Barack Obama Praises David Cameron Over Defense Spending. *The Telegraph*. 22.07.2015. Available from: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/defence/11756153/Barack-Obama-praises-David-Cameron-over-defence-spending.html>. Accessed: 21.03.2018.
- [11] Global Economic Prospects — Forecasts. Annual GDP Growth. *World Bank*. Available from: <https://data.worldbank.org/country/united-kingdom>. Accessed: 02.03.2018.
- [12] *House of Commons Foreign Affairs Committee. Moscow's Gold: Russian Corruption in the UK. Eighth Report of Session 2017—19. Published on 21 May 2018 by Authority of the House of Commons*. 21.05.2018. Available from: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmfaff/932/932.pdf> Yuhui. Accessed: 02.06.2018.
- [13] *How the UK Government is Responding to Ebola*. Available from: <https://www.gov.uk/government/topical-events/ebola-virus-government-response/about>. Accessed: 02.06.2018.
- [14] JCNSS Joint Committee on the National Security Strategy. Available from: <http://www.parliament.uk/business/committees/committees-a-z/joint-select/national-security-strategy/role/>. Accessed: 02.06.2018.
- [15] Kanter J. Intelligence Expert: Theresa May is as Big Threat to Britain's National Security as Jeremy Corbyn. *Business Insider*. 17.05.2017. Available from: <http://uk.businessinsider.com/anthony-glees-theresa-may-big-a-threat-to-britain-national-security-as-jeremy-corbyn-2017-5>. Accessed: 22.05.2018.
- [16] McKeon C. UK National Security Strategy: Security for Whom? *Open Democracy*. 15.12.2016. Available from: <https://www.opendemocracy.net/5050/yawning-chasm-in-uk-national-security-strategy-security-for-whom>. Accessed: 02.03.2018.
- [17] *National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015*. Foreword by the Prime Minister: 6. Available from: <https://www.eda.europa.eu/docs/default-source/procurement/uk-national-security-strategy-and-strategic-defence-security-review-2015.pdf>. Accessed: 22.03.2018.
- [18] *National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015*. Available from: <https://www.gov.uk/government/publications/national-security-strategy-and-strategic-defence-and-security-review-2015>. Accessed: 02.03.2018.
- [19] *National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015: Annual Report 2016*. Available from: <https://www.gov.uk/government/publications/national-security-strategy-and-strategic-defence-and-security-review-2015-annual-report-2016>. Accessed: 02.03.2018.
- [20] *RUSI Annual Report 2016—2017*. Available from: <https://rusi.org/rusi-reports/annual-report-2016-17>. Accessed: 12.04.2018.
- [21] *Terrorism Prevention and Investigation Measures Act*. 25.10.2016. Available from: <https://www.gov.uk/government/collections/terrorism-prevention-and-investigation-measures-act>. Accessed: 09.03.2018.
- [22] *The Defense Equipment Plan 2016. Ministry of Defense*. Available from: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/592765/Defence_Equipment_Plan_2016_final_version.pdf. Accessed: 02.04.2018.

- [23] Travis A. Simple Numbers Tell Story of Police Cuts Under Theresa May. *The Guardian*. 05.06.2017. Available from: <https://www.theguardian.com/uk-news/2017/jun/05/theresa-may-police-cuts-margaret-thatcher-budgets>. Accessed: 02.03.2018.
- [24] Wars in Peace. British military operations since 1991. *RUSI*. 2014. Available from: https://rusi.org/sites/default/files/wars_in_peace_foreword_and_intro.pdf. Accessed: 09.03.2018.

Сведения об авторе:

Климова Анастасия Сергеевна — аспирантка кафедры международной безопасности Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (ORCID ID: 0000-0001-5663-166x) (e-mail: anastasiaklimova21@mail.ru).

Information about the author:

Klimova Anastasia Sergeevna — Postgraduate Student of the Department of International Security, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-5663-166x) (e-mail: anastasiaklimova21@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 30.05.2018.
Received 30.05.2018.

© Климова А.С., 2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-595-608

ПСИХОАНАЛИЗ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ РЕАЛИЗМЕ

А.А. Рожков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, 27/4, 19234, Москва, Россия

Статья посвящена восстановлению концепции природы человека в теории политического реализма. Кризис теории международных отношений на рубеже XX—XXI веков принудил последователей политического реализма пересмотреть основные идеи структурного реализма Кеннета Уолца и приступить к изучению внутригосударственных факторов мировой политики. Таким образом, ученые нуждаются в интеллектуальном основании, на фундаменте которого могут появиться новые реалистические идеи. Автор показывает, что одним из адекватных способов решения этой проблемы является возвращение к классической для реализма концепции «природы человека». В статье используется книга Роберта Шуетта «Политический реализм, Фрейд и природа человека в международных отношениях». Психоаналитическое понимание этой проблемы позволяет прояснить ключевые идеи политического реализма, в том числе экспансионистское поведение государств на мировой арене, их стремление к безопасности, а также негативное отношение реалистов к использованию универсальных ценностей в международных отношениях. Как показывает статья, ключевые авторы реализма не только находились под влиянием идей Фрейда, но и использовали его наследие для создания собственной теории. Например, представление отца-основателя политического реализма Ганса Моргентау об эгоистической сущности человека основывается на психоаналитическом понимании любовных и деструктивных стремлений. Рассуждения классических реалистов о причинах возникновения и роли национализма в формировании международных отношений также находится в тесной связи с идеями психоанализа. Представление реалистов об элитарной сущности власти практически повторяет слова Фрейда об иррациональности масс и ключевой роли просвещенных правителей.

Ключевые слова: Шуетт, Фрейд, природа человека, теория международных отношений, политический реализм, классический реализм, структурный реализм психоанализ

Концепция природы человека является одной из основ теории политического реализма. Рассуждения о природе человека и ее роли в политике мы можем встретить у всех ключевых авторов реализма. Классики политического реализма — Рейнхольд Нибур и Ганс Моргентау — не только не отказывались от этой концепции, но и ставили ее во главу своих представлений о международной политике. По их мнению, мотивы поведения государств, а именно их стремление к экспансии и могуществу, объясняются объективными законами, источники которых укоренены в человеческой природе. Английский историк Эдуард Карр полагал, что многогранная природа человека испокон веков оказывала определяющее воздействие на развитие общества: «Принуждение и совесть, враждебность и доброжелательность, самоуверенность и своеволие присутствуют в любом политическом

обществе. Государство строится на этих противоречащих друг другу аспектах человеческой природы» [5. Р. 98].

Классическое представление политических реалистов о природе человека не раз подвергалось критике за метафизичность, интуитивность и даже псевдонаучность. Джон Герц в работе «Политический реализм и политический идеализм» пытается отказаться от понятия о человеческой природе, обратившись к концепции «дилеммы безопасности». По его словам, объяснение конфликтных отношений между государствами возможно при помощи социологического анализа, в соответствии с которым любой политический актор, столкнувшись с анархичной системой, неизбежно будет сосредоточен на обеспечении своей безопасности [9. Р. 3].

Отец-основатель структурного реализма Кеннет Уолц выдвигал схожие аргументы против классического реализма: не природа человека, а анархичная система международных отношений заставляет государства бороться за собственную безопасность [18. Р. 97]. По его словам, обращение к таким понятиям, как природа человека, сталкивает нас с проблемой редукционизма, а значит отходом от изучения самой системы международных отношений.

Крушение Советского Союза, исчезновение биполярной системы международных отношений, а также глобализация мировой экономики [7. Р. 3] нанесли удар не только по теории структурного реализма, но и вообще по всем теориям международных отношений [2]. По словам профессора Йельского университета Джона Льюиса Гэддиаса: «Все существовавшие теории международных отношений оказались столь же „полезными“ в предсказании основных событий мировой политики после окончания Второй мировой войны, как гадание по звездам, по внутренностям животных и прочие подобные методы» [6. Р. 18].

Вместе с распространением рыночной экономики менялось отношение к роли государства в системе международных отношений: согласно господствующему либеральному подходу, государства способны сохранить стабильность мировой безопасности, защищая экономические интересы участников глобального рынка.

Одной из основ либерального взгляда на общественные отношения стала теория рационального выбора, в соответствии с которой индивид стремится к максимизации прибыли. По мнению реалистов, этот подход также опирается на концепцию человеческой природы — *homo economicus* [17. Р. 211]. Распространение этого взгляда на поведение человека Роберт Гилпин назвал «экономическим империализмом» и настаивал на том, что далеко не все общественные отношения можно объяснить с помощью теории рационального выбора [7. Р. 39].

Масштабные исторические изменения, а также смена экономической парадигмы повлияли на развитие теории политического реализма. Несмотря на то, что большинство представителей этого течения не отказались от структурного подхода Кеннета Уолца, дополнительному осмыслению подверглись базовые понятия реализма: стремление государств к обеспечению безопасности и могуществу. Цель некоторых государств не обязательно связана с обеспечением максимальной безопасности. Напротив, достижение относительного могущества позволяет государствам решать задачи, выходящие за узкие рамки проблем безопасности

[16. P. 23—24]. Например, Роберт Гилпин предложил новый подход, в соответствии с которым поведение государств на международной арене зависит от их места в «иерархии престижа». Стремление к престижу, а не к могуществу и безопасности является главной «валютой» в международных отношениях [8. P. 31].

Таким образом, политические реалисты нуждаются в новом теоретическом основании, способном объяснить влияние неструктурных факторов на развитие международных отношений. По нашему мнению, одним из адекватных способов решения этой проблемы является возвращение к классической для реализма концепции природы человека. Интерес к этой теме вновь появляется в работах исследователей реализма: сборник «Реализм и мировая политика», вышедший в 2010 году, содержит блок, в котором трое авторов (Нета Крофорд, Крис Браун, Жан Бетк Элштейн) пытаются осмыслить проблему природы человека, опираясь на достижения современной гуманитарной и естественной науки. Одним из наиболее интересных исследований в этой области мы считаем работу профессора Дурхамского университета, доктора философских наук Роберта Шуетта «Политический реализм, Фрейд и природа человека в международных отношениях». В своем тексте он не только сумел показать необходимость возвращения к классической для реализма концепции, но и продемонстрировал тесную связь между различными подходами политических реалистов и психоаналитическим учением Зигмунда Фрейда, его пониманием подлинных мотивов человеческого, группового и государственного поведения. Шуетт не отрицает того, что психоаналитическое понимание природы человека не является единственным подходом, способным адекватно объяснить основные идеи реализма. Тем не менее, в свете эффективности психоанализа, именно этот способ может оказаться наиболее плодотворным.

1.

Основной задачей работы Роберта Шуетта «Политический реализм, Фрейд и природа человека в международных отношениях» является не соединение концептуальных основ реализма и психоанализа, а восстановление понятия природы человека в теории международных отношений [17. P. 1]. Шуетт критикует сторонников структурного реализма за то, что они отрицают необходимость использования понятия природы человека и считают ее «умершей». Проведя исследование основных авторов реализма: Ганса Моргентау, Эдуарда Карра, Рейнхольда Нибура, Джона Герца, Мортон Каплана, Кеннета Уолца, Джона Миршаймера, а также представителей неоклассического реализма, Шуетт приходит к выводу, что все они тем или иным образом использовали реалистическое представление о природе человека. Более того, он утверждает, что во всех указанных случаях ученые косвенно использовали именно фрейдистское понимание этой проблемы.

Концепция природы человека в реализме не только не умерла, но и требует своего восстановления. Кризис теории международных отношений и последовавший за ним поиск новых неструктурных, внутригосударственных факторов

мировой политики подтверждает правильность этого намерения. Многогранность мотивов государственного поведения требует дополнительной рефлексии, которая не должна подрывать основ реализма. Напротив, интеллектуальное основание в форме психоанализа должно создать почву для появления новых реалистических идей. Для подтверждения своей позиции Роберт Шуетт использует слова известного неореалиста Рэндалла Швеллера: «Независимо от того, как мы будем общаться друг с другом в будущем, я не могу себе представить, что на протяжении моей жизни человеческая природа резко изменится» [17. Р. 4].

Политический реализм не является единым течением. Со времен Ганса Моргентау он обогатился множеством направлений. Тем не менее, демонстрация эффективности использования психоанализа в реалистической теории требует очерчения его концептуальных границ. Шуетт выделяет несколько основных принципов, которые, по его мнению, являются общими для всех реалистов [17. Р. 173].

Первым и наиболее фундаментальным принципом политического реализма, согласно Роберту Шуетту, является убежденность в том, что источником всех общественных законов являются силы, укорененные в природе человека. Несмотря на серьезные разногласия в общей методологии, большинство реалистов соглашались с тем, что основным двигателем человеческой истории является стремление к могуществу.

«Главным указателем, который помогает политическому реализму найти свой путь сквозь ландшафт международной политики, является концепция интереса, выраженная в понятиях власти. Эта концепция <...> определяет политику в качестве автономной сферы действий, отличающейся от экономики (определяемой с точки зрения интересов, и богатства), этики, эстетики или религии. Без этого <...> мы не могли бы различать политические и неполитические факты» [12. Р. 5].

Таким образом, любая политическая теория, независимо от того, направлена она на внутреннюю или внешнюю арену, связана с одним и тем же универсальным человеческим и социальным феноменом: «борьбой за власть или стремлением к ее распределению».

Второй принцип политического реализма основывается на убеждении в том, что стремление к безопасности и могуществу являются главными целями государств. Именно государства, а не отдельные индивиды становятся акторами международных отношений.

Политический реализм подчеркивает силу национализма и групповых привязанностей. В отличие от либеральной теории, реалисты не изучают человека в качестве обособленного индивида. Человек — своеобразный вид стадного животного, который способен существовать только в политическом или социальном контексте. Человеческие привязанности можно представить в виде концентрических кругов, начинающихся с нуклеарных семей и заканчивающихся группами с особыми интересами. Именно политические сообщества, а не индивиды являются главными участниками общественных отношений.

Объединенные по принципу политических привязанностей социальные группы образуют государства. В конечном счете именно эти социальные группы

становятся основными акторами мировой политики. Государства вступают друг с другом в силовое противоборство, желая реализовать собственные интересы. Таким образом, международные отношения всегда анархичны, конфликтны, основаны скорее на балансе сил, чем на формировании универсальных ценностей, моральных и правовых норм.

Третьим отличительным принципом политического реализма является скептическое отношение к регулирующей функции универсальных ценностей и идеологий. Программа внешней политики должна основываться не на требованиях норм: неважно являются они моральными, религиозными или правовыми. В первую очередь внешняя политика должна гарантировать безопасность, сохранность национальных интересов государства.

Критическое отношение к идеологиям имеет и обратную сторону. Дело в том, что само мировоззрение реализма часто рассматривается в качестве определенной идеологии. Например, реалистов часто сближают со сторонниками консервативной мысли, хотя это далеко не всегда так. Реализм в первую очередь интересуют не идеологии, а проблемы, с которыми государства неизбежно сталкиваются на международной арене. Реалистов нельзя назвать ни левыми, ни правыми, ни умеренными прогрессистами, ни ограниченными пессимистами. Концепция человеческой природы Фрейда, отмечает Шуетт, как раз и позволяет разобраться с тем, что на самом деле значит быть подлинным реалистом [17. Р. 214].

2.

В соответствии с первым и наиболее фундаментальным принципом реализма человек является источником конфликтных отношений между государствами в международных отношениях. Природа человека, полагал отец-основатель политического реализма Ганс Моргентау, не менялась со времен философии Древней Греции, Индии и Китая [12. Р. 4]. По мнению Моргентау, человек подвержен воздействию множества сил, главными из которых являются «стремление к жизни, размножению и доминированию» [17. Р. 23]. Это качество присуще всем людям, а не только политикам и государственным деятелям.

Стремление человека к доминированию или неограниченной экспансии воплотилось в классической для реализма концепции *animus dominandi*. Присущая человеку воля к доминированию может восприниматься как свидетельство его эгоизма, хотя это совсем не так. Согласно Гансу Моргентау подлинный эгоизм выражается в стремлении человека к самосохранению: борьбу за еду, кров и безопасность. В то же время эгоизм человека не тождественен стремлению к комфорту. Основной целью человека при самосохранении является выживание.

Самосохранение и стремление к доминированию представляют собой различные силы. Воля к доминированию, по словам Моргентау, «сосредоточена не на индивидуальном выживании, а на желании занять достойное место в кругу товарищей, как только собственное выживание будет обеспечено». Принадлежность человека к *animus dominandi* предрасполагает его к борьбе за власть, власть ради самой власти.

По словам Шуетта, концепция Моргентхау схожа с фрейдовской концепцией сексуальных влечений. Более того, отец-основатель политического реализма использовал идеи психоанализа в своем раннем эссе «О выводах политического из природы человека», а также в работе «Любовь и власть» [14. Р. 247—251]. Проанализировав оба текста, Роберт Шуетт приходит к выводу о том, что сформулированные Моргентхау понятия «самосохранения» и «*animus dominandi*» представляют собой завуалированные определения фрейдовских эго и сексуальных инстинктов.

«Если стремление к сохранению своей жизни (инстинкт самосохранения) возникает из-за недостатка, то есть, образно говоря, голода ребенка — он стремится компенсировать недостаток энергии. То стремление освободиться от излишка энергии проявляется опять-таки метафорически, в наиболее характерных проявлениях любви. Появление любви соответствует как в более узком физиологическом смысле, так и в более всеобъемлющем значении Эроса — стремлению к самоутверждению» [15. Р. 4—5].

Моргентхау использует психоаналитическое понятие Эроса, которое, как мы знаем, выражается не только в сексуальных влечениях, но и в стремлении к любви и продолжении жизни. Согласно Фрейду Эрос проявляется в желании «собрать сначала отдельных индивидов, затем семьи, племена, народы, нации в одно большое целое, в единство человечества» [3. С. 249].

Эгоистическая сторона человеческой природы искажает стремление к единению и любви. Чрезмерная или, выражаясь языком психоанализа, нарциссическое самолюбие является следствием отсутствия способности к реализации нормальной любви. Сила становится основным принципом взаимоотношений. Она идет рука об руку с желанием человека удовлетворить свои сексуальные потребности. Более того, сила — это всего лишь грубый способ удовлетворить сексуальное желание. «Эрос призывает человечество к объединению, а власть выступает в качестве средства» [17. Р. 29]. Отец-основатель классического реализма во многом согласен с позицией Фрейда. Моргентхау утверждает, что любой поиск власти в конечном счете и по сути является «бесплодным поиском любви», что любые властные отношения представляют собой «расстроенные отношения любви» [14. Р. 250].

Психоаналитическая основа реалистического понимания *animus dominandi* позволит нам разобраться в эмоционально перегруженных и во многом иррациональных понятиях «силы», «отваги» и «триумфа». Желание человека господствовать над другими людьми представляет собой искаженную реализацию стремления к любви. Человек достигает своего места в обществе, не только не отказавшись от своего нарциссического образа, но и сделав его доминирующим. Сочетание этих психологических процессов создает иллюзию победы над потерпевшими поражение врагами и наполняет человека противоречивым ощущением счастья. Повышение количества возбуждения в свою очередь провоцирует нарастание тревоги и потребность дальнейшего самоутверждения. В конце концов, человеку не остается ничего, кроме как перманентно осуществлять экспансию и стремиться к господству.

3.

Психоанализ позволяет объяснить второй принцип политического реализма, согласно которому государства в первую очередь хотят обеспечить свою безопасность и усилить могущество. Кроме того, он поможет понять, почему не отдельный индивид, а именно человеческая масса в форме государства является главным актором в международных отношениях.

Стремление человека к участию в общественных группах подчеркивалось целым рядом политических реалистов, в том числе такими людьми, как Джордж Кеннан, Уолтер Липпман и Рейнхольд Нибур. Так, по мнению Кеннана, националистические настроения являются последовательной и «всеобщей потребностью людей чувствовать себя частью чего-то большего, чем они сами, и большего, чем их семьи» [10. Р. 74] Липпман усматривает корни национализма в инфантильной потребности человека отождествлять свои желания с нуждами государства. По его словам, подобное отношение к стране обусловлено детскими воспоминаниями, в которых удовлетворения своих потребностей тесно связано с образом родины [11. Р. 60]. Рейнхольд Нибур воспроизводит близкое к психоанализу описание групповой психологии, согласно которой массовые интересы выражают нарциссические желания отдельного человека, которые он не может реализовать в обыденной жизни.

Согласно психоаналитическому подходу, человек в значительной, но не в абсолютной степени стремиться к самосохранению. Желание избежать боли и, в конце концов, достичь безопасности подталкивает человека к поиску структуры, которая может отождествляться с защитой. Таким образом он может стать участником массовых групп. Образующаяся вследствие идентификации с остальными членами группы либидионная структура не только ослабляет психическое напряжение, но и создает у человека иллюзию сохранности. Кроме того, как отмечает Фрейд, отношения членов группы начинают строиться на принципах равенства и справедливости по отношению к избранному ими «я-идеалу».

По мнению Шуетта, этот вывод напоминает гоббсовское объяснение формирования Левиафана [17. Р. 70]. Человеческое общество не может нормально развиваться в условиях «войны всех против всех», поэтому оно вынуждено отказаться от права сильнейшего и передать его в руки государства. Большинство отдает предпочтение порядку, в соответствии с которым правом легитимного насилия пользуется не физически сильный, а справедливый. Таким образом, фрейдистский подход к изучению психологии масс позволяет найти источник такого понятия, как «справедливость».

Стремление человека к формированию групп обусловлено не только желанием избежать боли, но также потребностью в реализации своих сексуальных влечений — Эросу. Движимый либидо, человек в фрейдистском понимании желает создать сообщество, в котором он мог бы быть любимым. Человек исповедует «стиль жизни, который делает любовь центром всего, что кажется пригодным для удовлетворения желания любить и быть любимым» [3. С. 213].

Фрейд показывает, что человеческие отношения строятся не только на взаимном притяжении, но также на «чувствах отвращения и враждебности» [3. С. 58].

Потребность в эмоциональной привязанности сопровождается усилением нарциссизма, что в свою очередь приводит к обострению отношений между людьми. Подлинная трагедия человечества заключается в том, что социальные и политические усилия, направленные на устранение напряженности, преобладающей в политических сообществах, подразумевают почти неизменно усиливающуюся и ухудшающуюся напряженность между этими сообществами, а также борьбу с теми, кто находится вне политической группы [17. Р. 188].

Роберт Шуетт проводит параллель между представлением неореализма о безопасности и учением Зигмунда Фрейда о стремлении к самосохранению. Психоаналитическое исследование поведения, а точнее его теория эгоистических инстинктов (стремление к безопасности) и сексуальных инстинктов (стремление к гегемонии) позволяет нам разобраться в реалистическом понимании не только человеческого, но и государственного поведения.

Конфликтность международных отношений объясняется именно этой амбивалентной сущностью человеческой природы: стремлением к самохранению и стремлением к любви. Человек вынужден справляться с двумя взаимоисключающими инстинктами: желанием быть вместе с другими и неспособностью переносить чью-то близость в течение долгого времени. Роберт Шуетт прибегает к позднему фрейдовскому пониманию стремления к смерти — Танатосу. Конфликтность международных отношений объясняется столкновением двух тенденций в человеке: хотя Эрос стремится к жизни и любви, Танатос склоняет человека к ненависти, агрессии, смерти. Цель Танатоса — «обеспечить это удовлетворение его жизненных потребностей (самосохранения) и контроля над природой».

Начиная с работы Джона Герца «Политический реализм и политический идеализм», проблема безопасности стала ключевой темой для теории международных отношений. В соответствии с его подходом внешнеполитическая активность государств неизбежно сопровождается поиском безопасности. Нарастание военной мощи является ответом на международные угрозы: участники межгосударственных отношений, заметившие рост военной мощи своего потенциального соперника, будут вынуждены усиливать свои позиции. Таким образом образуется порочный круг «дилеммы безопасности».

Исследование проблемы безопасности становится исходной точкой в теоретической работе структурного реалиста Кеннета Уолца. Его подход основан на концепции самодовлеющей роли международной системы в формировании межгосударственных отношений. Международная анархическая система воздействует на выбор государственных решений во внешней политике, при том, что основной целью стран является выживание. Несмотря на то, что по словам самого Уолца, он не использовал понятие природы человека в своей теории, Шуетт демонстрирует взаимосвязь между психоанализом и структурным реализмом [17. Р. 85].

Отец-основатель структурного реализма не раз обращается к так называемой «гордости» государств [19. Р. 60]. Граждане процветающей страны могут быть не довольны тем, какое место занимает их государство в системе международных отношений. Они будут требовать от своего правительства занять более выгодное положение, что в конце концов приведет к столкновению национальных интересов на мировой арене.

«Когда страна получает меньше внимания и уважения и получает меньше того, чего она заслуживает, международный запрет на превращение в великую державу, скорее всего, обернется публичной критикой правительства за то, что оно не занимает достойного места в мире. Гордость не знает национальности» [19. Р. 60].

Использование такого понятия, как «гордость», а также стремление граждан страны к достойному месту в мире роднит теорию Уолца с концепцией «*animus dominandi*» Моргантау [17. Р. 90]. Шуетт полагает, что оба отца-основателя реализма прибегают к психоаналитическому пониманию природы человека, согласно которому психика регулируется двумя уже известными нам качествами: стремлением к самосохранению и удовольствию.

По мнению Шуетта, когда Уолц критикует оптимистов, полагающих, что развитие цивилизации приведет к стабилизации международных отношений, он также опирается на фрейдизм [17. Р. 205]. Отец-основатель структурного реализма не разделял надежд на умиротворяющее воздействие экономических, демократических и образовательных институтов. По его словам, должно смениться несколько поколений, прежде чем человечество ощутит на себе их влияние. Культура так медленно перевоспитывает людей, что ее работу можно сравнить с перемалыванием зерна на мельницах: прежде чем мука будет готова, ожидающие ее селяне умрут от голода.

Таким образом, по словам Роберта Шуетта, мы приходим к депрессивному, но реалистическому выводу о том, что стремление государств к безопасности связано с обострением отношений и борьбой за гегемонию. Проблему этого парадокса можно только смягчить, но никогда нельзя решить окончательно. Соблюденный баланс противоречивых сил, тем не менее, подводит нас к одной из ключевых мыслей политического реализма, а именно: неизбежности международных конфликтов.

Осознание неизбежности международных конфликтов в качестве определенной данности позволит нам если не существенно снизить международную напряженность, то, по крайней мере, не допустить скатывание мировых отношений в состояние перманентной войны. Человек должен осознать свои желания, пропустив их через принцип реальности. Этого же должны добиться и отдельные государства, принципом реальности для которых являются требования национальной безопасности и интересов. Эти требования, приводит слова Фрейда Роберт Шуетт, является общими для всех стран и цивилизаций [17. Р. 221].

4.

Психоанализ Фрейда позволяет разобраться в двух важнейших основаниях реализма: его элитарности, а также в отказе от регулятивных функций универсальных моральных ценностей. В конце концов эти понятия воплощаются в ограничениях, с которыми вынуждены сталкиваться политики на международной арене. Если говорить более абстрактно, то этот дуализм воплощается в противопоставлении реализма и идеализма, реальности и утопии, пессимизма и оптимизма.

По мнению Шуетта, логика реалистов достаточно прямолинейна: конфликтный человек создает конфликтные политические сообщества, которые в свою очередь порождают конфликтные международные отношения. В свете психоаналитического понимания человеческой природы, иррационального поведения политических сообществ и международных «джунглей», важнейшей задачей политических реалистов остается вопрос о том, кто должен формулировать программу внешней политики.

Политические реалисты приходят к элитарному выводу: иррациональные массы должны быть отстранены от управления внешней политикой [17. Р. 197]. Ошибкой государственных деятелей, по словам Ганса Моргентау, является их чрезмерная уступчивость. Идя на поводу у иррациональных масс, они отказываются от важнейших качеств политической деятельности: рассудительности и способности к разумному компромиссу. «Правительство должно быть лидером общественного мнения, а не его рабом» [12. Р. 547], считал отец-основатель политического реализма, возводя эту максиму в одно из важнейших правил ведения дипломатии. Государственный деятель должен соблюдать «разумный баланс» между правилами эффективной внешней политики и требованиями масс. «Одним словом, он должен вести», — приходит к заключению Ганс Моргентау.

Мировоззрение реализма тесно связано элитарным представлением о природе власти. Необузданная, иррациональная масса должна быть управляема просвещенным, рациональным государственным лидером. Фрейд имел аналогичный взгляд на эту проблему и попросту делил людей на тех, кто подчиняется, и тех, кто правит [3. С. 277].

Фрейд, как и большинство политических реалистов, не верил в универсальные ценности. Его критика политической программы Вудро Вильсона чрезвычайно схожа с мнением реалистов, упрекавших американского президента за его приверженность либеральному утопизму. Универсальные моральные ценности часто используются неразумными массами для реализации невозможных требований [17. Р. 200]. Общественное мнение, как полагают большинство политических реалистов, является слишком иррациональным, слишком эмоциональным, недальновидным, манипулируемым, моралистичным и бескомпромиссным — в общем и целом оно скорее мешает, чем помогает вести эффективную внешнеполитическую деятельность.

Мораль и универсальные ценности никогда не рассматривались реалистами в качестве эффективных политических механизмов. Более того, моралисты издревле были идейными противниками политических реалистов. Государственный деятель должен в первую очередь руководствоваться требованиями национальных интересов, а не моральными рассуждениями, полагают реалисты.

«Прежде всего, всегда помните, что это не только политическая необходимость, но и моральный долг нации следовать в ее отношениях с другими нациями единственной руководящей звездой, одним стандартом мысли, одним правилом для действий: национальными интересами» [13. Р. 242].

Психоаналитическое учение о «я-идеале» позволит политическим реалистам получить интеллектуальную основу для борьбы со сторонниками универсальных

ценностей. Согласно отцу-основателю психоанализа, мораль представляет собой проекцию родительского отношения к человеку в период его взросления и вместе с тем влияние окружающего общества. Говоря конкретнее, соблюдение моральных норм ассоциируется у человека с детскими переживаниями родительского поощрения и наказания. Детские травмы способствуют дестраиванию образа «я-идеала», что в свою очередь препятствует человеческой спонтанности. Чрезмерное следование моральным ценностям зачастую выражается в невозможности адекватно реализовать вытесненные под воздействием травм детские переживания.

Последствия психоаналитического понимания происхождения морали важны сразу с нескольких аспектов: во-первых, он ограждает нас от чрезмерного влияния морального универсализма. Фрейд говорит нам, что основанная на универсальных ценностях презумпция «морального мирового порядка» является не более чем «благочестивой иллюзией» [17. Р. 204]. Подход Фрейда позволяет отойти от метафизических и мистических концепций всеобщей морали в сторону исторического взгляда, в котором главными участниками являются лидеры и возглавляемые ими группы.

Во-вторых, концепция Фрейда позволяет не впасть в излишний иррационализм и фатализм. Как отмечал Моргентау, с рациональной точки зрения реализм нельзя назвать оптимистичным: несовершенство системы международных отношений является одной из аксиом политического реализма. Однако вместе с тем несовершенство международных отношений вовсе не означает отказ от рационального управления. Напротив, государство и государственные лидеры, подобно психологической структуре эго, должны быть не рабами, а господами иррационального поведения масс. Несмотря на то, что Фрейд уделял огромное значение бессознательным мотивам человеческого поведения, он в первую очередь был именно рационалистом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Восстановление концепции природы человека в политическом реализме не только позволяет прояснить множество неточностей, но и закладывает основу для появления новых идей реализма. Ученые могут отказаться от метафизических интерпретаций природы человека, вернув эту концепцию в лоно строгой научной дискуссии. Благодаря психоанализу они получают надежный инструмент изучения человеческого и государственного поведения во всем многообразии их противоречивой деятельности.

Дополнение структурного реализма понятием природы человека, на наш взгляд, приводит не к редуccionизму и отходу от полноценного изучения международных отношений. Напротив, концепция природы человека наполняет структурный реализм содержанием, позволяющим определить источник стремления государств к безопасности, могуществу и международному престижу. Кроме того, восстановление понятия природы человека позволяет подобрать ключ к определению важнейшей концепции политического реализма — концепции национальных интересов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Вебер М. Власть и политика. М.: Рипол классик, 2017. 432 с.
- [2] Победаш Д.И. Эволюция американского политического реализма как метода исследования международных отношений: дис. ... канд. историч. наук. Урал. гос. университет им. А.М. Горького Екатеринбург, 2007.
- [3] Фрейд З. Вопросы общества. Происхождение религии. М.: Фирма СТД, 2001. 606 с.
- [4] Booth K. Realism and World Politics. NY.: Routledge, 2001. 346 p.
- [5] Carr E.H. The Twenty Years' Crisis. L.: The Macmillan press ltd, 1981. 244 p.
- [6] Gaddis J.L. International Relations Theory and the End of the Cold War // International Security. Winter, 1992—1993. Vol. 17. № 3.
- [7] Gilpin R. Global Political Economy // Understanding the International Economic Order. P.: Princeton University Press, 2001. 248 p.
- [8] Gilpin R. War and Change in World Politics. C.: Cambridge University Press, 1981. 272 p.
- [9] Herz J.H. Political Realism and Political Idealism. C.: University of Chicago Press, 1951. 275 p.
- [10] Kennan G.F. Around the Cragged Hill: A Personal and Political Philosophy. NY.: Norton & Company, 1993. 272 p.
- [11] Lippmann W. The Stakes of Diplomacy. New Brunswick, NJ: Transaction, 2008. 244 p.
- [12] Morgenthau H.J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. NY.: Alfred A. Knopf, 1955. 515 p.
- [13] Morgenthau H.J. In Defense of the National Interest. NY.: Alfred A. Knopf, 1951. 283 p.
- [14] Morgenthau H.J. Public Affairs: Love and Power. Commentary, 1962. P. 247—251.
- [15] Morgenthau H.J. On the Derivation of the Political from the Nature of Man. Unpublished Manuscript [The Papers of Hans J. Morgenthau, Manuscript Division, Library of Congress, Washington, D.C., Box 151 (copy on file with the author, 1930)].
- [16] Schweller R.L., Priess D.A Tale of Two Realisms: Expanding the Institutions Debate // Mershon International Studies Review — 1997. P. 1—32.
- [17] Schuett R. Political Realism, Freud, and Human Nature in International Relations. D.: University of Durham School of Government and International Affairs, 2009. 260 p.
- [18] Waltz K.N. Theory of international Politics. B.: University of California, 1979. 251 p.
- [19] Waltz K.N. The Emerging Structure of International Politics // International Security. 1993. Vol. 18. № 2. P. 44—79.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-595-608

PSYCHOANALYSIS AND RESTORATION OF THE CONCEPT OF HUMAN NATURE IN POLITICAL REALISM

A.A. Rozhkov

Lomonosov Moscow State University
Lomonosovskiy prosp., 27/4., 19234, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the restoration of the concept of human nature in the theory of political realism. The crisis of theory of international relations at the turn of the 20th and 21st centuries forced the followers of political realism to reconsider the main ideas of the structural realism of Kenneth Waltz and to begin to study the internal factors of world politics. Thus, scientists need an intellectual basis, on the foundation of which new realistic ideas could appear. The author shows, that some adequate ways

to solve this problem is to return to the classical concept of “human nature”. The article uses Robert Schuett's book “Political Realism, Freud and Human Nature in International Relations”. Psychoanalytic understanding of this problem makes it possible to clarify key ideas of political realism, including the expansionist behavior of states on the world stage, their desire for security, and the negative attitude of realists towards the use of universal values in international relations. As shown in the article, the key authors of realism were not only influenced by Freud's ideas, but also used his legacy to create their own theory. For example, the idea of the founding father of political realism Hans Morgenthau about the egoistic nature of man is based on the psychoanalytic understanding of love and destructive aspirations. The reasoning of classical realists about the causes and role of nationalism in the formation of international relations is also in close connection with ideas of psychoanalysis. Representation of realists about the elitist essence of power practically repeats Freud's words about the irrationality of the masses and the key role of enlightened rulers.

Key words: Schuett, Freud, human nature, the theory of international relations, political realism, classical realism, structural realism, psychoanalysis

REFERENCES

- [1] Weber M. *Vlast' i politika* [Power and Politics]. Moscow: Ripol classic; 2017. 432 p. (In Russ.).
- [2] Pobedash D.I. *EHvolyuiciya amerikanskogo politicheskogo realizma kak metoda issledovaniya mezhdunarodnyh otnoshenij: dis. na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Ural. gos. universitet im. A.M. Gor'kogo* [Evolution of American Political Realism as a Method of Studying International Relations: Diss. for PhD of Historical Sciences. The Urals. State. University of A.M. Gorky]. Ekaterinburg; 2007 (In Russ.).
- [3] Freud S. *Voprosy obshchestva. Proiskhozhdenie religii* [Questions of Society. Origin of religion]. Moscow: The company STD; 2001. 606 p. (In Russ.).
- [4] Booth K. *Realism and World Politics*. NY.: Routledge; 2001. 346 p.
- [5] Carr E.H. *The Twenty Years' Crisis*. L.: The Macmillan Press Ltd; 1981. 244 p.
- [6] Gaddis J.L. International Relations Theory and the End of the Cold War. *International Security*. Winter, 1992—1993; Vol. 17; 3: 5—58.
- [7] Gilpin R. *Global Political Economy. Understanding the International Economic Order*. P.: Princeton University Press; 2001. 248 p.
- [8] Gilpin R. *War and Change in World Politics*. C.: Cambridge University Press; 1981. 272 p.
- [9] Herz J.H. *Political Realism and Political Idealism*. C.: University of Chicago Press; 1951. 275 p.
- [10] Kennan G.F. *Around the Cragged Hill: A Personal and Political Philosophy*. NY.: Norton & Company; 1993. 272 p.
- [11] Lippmann W. *The Stakes of Diplomacy*. New Brunswick, NJ: Transaction; 2008. 244 p.
- [12] Morgenthau H.J. *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace*. NY.: Alfred A. Knopf; 1955. 515 p.
- [13] Morgenthau H J. *In Defense of the National Interest*. NY.: Alfred A. Knopf; 1951. 283 p.
- [14] *Morgenthau H.J. Public Affairs: Love and Power*. Commentary, 1962: 247—251.
- [15] Morgenthau H.J. *On the Derivation of the Political from the Nature of Man*. Unpublished Manuscript [The Papers of Hans J. Morgenthau, Manuscript Division, Library of Congress, Washington, D.C., Box 151 (copy on file with the author, 1930)].
- [16] Schweller R.L., Priess D.A Tale of Two Realisms: Expanding the Institutions Debate. *Mershon International Studies Review*. 1997: 1—32.
- [17] Schuett R. *Political Realism, Freud, and Human Nature in International Relations*. D.: University of Durham School of Government and International Affairs; 2009. 260 p.
- [18] Waltz K.N. *Theory of international Politics*. B.: University of California; 1979. 251 p.
- [19] Waltz K.N. The Emerging Structure of International Politics. *International Security*. 1993; Vol. 18; 2: 44—79.

Сведения об авторе:

Рожков Александр Алексеевич — аспирант кафедры философии политики и права Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (ORCID ID: 0000-0001-6735-7686) (e-mail: Rozhkov1922@mail.ru).

Information about the author:

Rozhkov Aleksandr Alekseevich — Postgraduate Student of Philosophy of Politics and Law Department, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-6735-7686) (e-mail: Rozhkov1922@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 01.09.2018.

Received 01.09.2018.

© Рожков А.А., 2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-609-615

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

А.В. Скорик

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Ленинградский проспект, д. 49, Москва, Россия, 125993

С развитием цифровых технологий в политическом пространстве становится очевидна тенденция усиления роли визуальной информации по сравнению с вербальной. Главной особенностью визуального контента является то, что он, с одной стороны, является важным источником информации, а с другой — формирует окружающую политическую реальность. В связи с этим в статье осмысливается процесс визуализации как одного из видов политических технологий, применяемых в современном мире. Проводится анализ понятия визуализации, а также ее ключевых инструментов, таких как символы, изображение, инфографика и фотография, на практических примерах из политической жизни.

Ключевые слова: визуализация, политические технологии, брендинг, геральдика, политическая коммуникация

Сегодня в науке, в том числе и политической, наблюдается «визуальный поворот» («visual turn»), заключающийся в доминировании изобразительных средств и методов над языковыми, что, безусловно, связано с развитием коммуникационных и информационных технологий.

Меняются формы коммуникации в современном обществе: на смену традиционным каналам взаимодействия — радио, газетам и ТВ — пришли Интернет, смартфоны, социальные сети и мессенджеры. Как следствие, меняются и способы влияния на массовую аудиторию, электорат. Они становятся более быстрыми, универсальными, наглядными и информативными.

Именно таким критериям соответствуют продукты визуализации. Так, например, изображение — универсально, так как оно может быть понято всеми, кто его видит, даже если они говорят на разных языках.

В условиях непрерывной информационной насыщенности индивидам все сложнее воспринимать происходящие вокруг события, сконцентрировавшись на тексте, например, газетной статьи, наоборот, проще посмотреть диаграмму, инфографику, фото или видео репортаж, где все смыслы уже укомплектованы. Это, в свою очередь, позволяет обеспечить более высокую скорость коммуникативных процессов [4; 5].

Визуальный контент гораздо быстрее проникает в сознание человека, запоминается и вызывает определенные ассоциации и стереотипы, чем с успехом используются политические технологии. Поэтому визуализация — мощный властный ресурс, посредством которого политические институты осуществляют легитимацию и репрезентацию образов реальности.

В общем смысле *визуализация* — представление информации в виде визуального изображения.

Существует множество подходов к определению визуализации. Так, А.П. Малькина отмечает, что «в основе процесса визуализации заложены механизмы восприятия и фиксации человеком информации внешнего мира посредством чувственных, в том числе наглядных, образов. Визуализировать — означает сделать доступным для зрительного восприятия, трансформировать вербальную информацию в информацию, выраженную визуальными средствами» [7. С. 240].

Интересен и манипулятивный подход В.М. Розина, который утверждает, что визуализация означает употребление визуальной информации с целью управления или воздействия на сознание, чувства и поведение человека. Политики в государственной и частной сферах жизни сегодня понимают, что визуальные системы и произведения — плакат, реклама, газеты, журналы, кино, телевидение, произведения искусства — являются достаточно эффективными средствами формирования установок, симпатий и антипатий человека, влияют на принятие им решений, на выбор и ценностные ориентации, на мироощущение, на настроение, чувства и эмоции. При этом предполагается, что визуальные средства в отличие от вербальных или интеллектуальных (слово, понятия, теории) позволяют человеку практически мгновенно воспринимать запрограммированное воздействие (хотя сработать оно может значительно позднее), причем это воздействие является и более глубоким, поскольку визуальные системы влияют не только на интеллект, но и на эмоционально-чувственный базис человека [9. С. 27].

Данные подходы наиболее четко и ясно раскрывают содержание процесса визуализации. Но оправданно рассматривать визуализацию не просто как процесс, а как универсальную технологию, которая имеет свою «дорожную карту»: цель и задачи, методы и инструменты, правила и особенности реализации. Ведь сегодня визуализировать можно абсолютно все: определенного человека, например, кандидата на выборах, политические партии, министерства, международные конфликты и даже отдельные политические ситуации.

Стоящие перед политическими технологами цели и задачи определяют форму, в которой событие или человек могут быть представлены обществу, а форма создается посредством инструментов.

Ключевыми инструментами визуализации современного политического пространства являются:

- 1) простые графические символы, к которым относятся пиктограммы, монограммы, логотипы и эмблемы;
- 2) изображения, представленные в виде карикатур, комиксов, графических и художественных картин, граффити;
- 3) инфографика, включающая в себя карты, диаграммы, таблицы, графики, планы, структуры и матрицы;
- 4) фотография и видео-контент.

Рассмотрим подробнее каждый из вышеперечисленных инструментов с точки зрения их политического содержания и потенциала политической технологизации.

Символы — наиболее универсальный инструмент визуализации в силу исторических и культурных традиций. Каждый человек ежедневно воспринимает тысячи символов, которые заменяют десятки страниц текста — дорожные знаки, иконки приложений на телефоне и т.п.

В политическом пространстве символы воплощены в эмблемах и логотипах политических партий и движений, министерств и правительств. К примеру, по нагрудному значку можно определить, к какой партии относится тот или иной человек.

Известно, что одним из важнейших идеологических атрибутов государства является наличие собственной геральдики — в первую очередь флага и герба — отражающей исторические, политические, культурные традиции и особенности народов, проживающих в его составе. К наиболее распространенной государственной символике относятся символы, исторически связанные с высшей государственной властью, например, монархической (печать и корона, крест и венец, держава и скипетр) или республиканской (звезды, полосы и пр.).

Геральдические знаки служат и средством идентификации, в том числе территориальной.

Алина Уиллер, специалист в области брендинга, утверждает, что, «борьба за узнаваемость — почти такое же старое явление, как геральдические знамена на средневековом поле боя... Подобно тому, как феодальные владения превратились в коммерческие предприятия, то, что раньше было геральдикой, теперь стало брендингом. Битва за физическое обладание территорией теперь превратилась в конкуренцию за умы людей» [10. С. 9].

Действительно, технологии брендинга значительно расширила ареал своего использования: она стала широко применяться также и в деятельности государственных органов.

Так, каждый субъект Российской Федерации работает со своим «брендом», создает и развивает его в соответствии с последними тенденциями, потому что от того, насколько он привлекателен, зависит туристический поток и инвестиции в регион и, как следствие, дополнительные финансовые поступления, дотации, место в федеральных рейтингах.

Изображения как инструмент визуализации в условиях всеобъемлющей цифровизации становятся все более популярными. Рисунок демонстрирует видение автора, интерпретируя событие и эмоционально настраивая аудиторию. Здесь необходимо подчеркнуть, что главную роль играет именно эмоциональность изображения. Например, для карикатур характерно искажение реальности при помощи преувеличения определенных черт и концентрации только на сущности события (в том числе и вымышленной).

Политическая *карикатура* наиболее ценна, когда преувеличение способствует разоблачению сущности проблемы и передаче критических смыслов. В большинстве случаев карикатура визуализирует стереотипы. Так, например, наиболее распространенный в России стереотип в отношении президента — образ царя. Визуализируется он при помощи изображения короны, надетой на голову главы государства. Данный стереотип эксплуатируется зарубежными СМИ на протяжении десятилетий.

История развития *граффити* показывает, что, если раньше оно было преимущественно контркультурным явлением и в политическом пространстве фигурировало как индикатор недовольства индивидов, не способных самовыразиться через демократические процессы, то сегодня все большее количество политических институтов используют граффити как средство коммуникации, что делает граффити таким же подконтрольным инструментом, как радио или печать. Важно, что в отличие от последних граффити способно захватить новую целевую аудиторию, не вовлеченную в традиционные СМИ.

Более того, граффити, долгое время считающееся актом вандализма, приобрело признание и перекочевало с улиц в арт-галереи. Произошел своеобразный переход в восприятии — от гражданского сопротивления к творческой деятельности. Так, например, работы английского стрит-арт художника Бэнкси несмотря на остросоциальную тематику охраняются городскими властями и пользуются большой популярностью на аукционах.

Инфографика — это графический способ передачи информации с помощью рисунка. Основной целью инфографики является упрощение процесса восприятия информации посредством максимальной наглядности и информативности. Она передает сложную объемную информацию интереснее и компактнее, чем вербальные или текстовые формы коммуникации.

Отдельные общественно-политические темы и события наглядны и структурированы, что позволяет с легкостью представить их при помощи инфографики, например, выборы президента, миграция или курс валют.

С уверенностью можно утверждать, что *фотография* — обязательная составляющая визуального ряда. Она является средством познания и интерпретации реальности. Передавая атмосферу события, фотография привлекает внимание аудитории и позволяет ощутить себя участником события, составить собственное мнение о нем («i-pistemology») [15]. Фотография обладает высоким уровнем информативности и документальности, ее главная цель — наглядность. Нередко отдельные фотографии получают мировую известность и начинают свою собственную политическую жизнь, приобретая значение исторического свидетельства и символа события или эпохи (например, знаменитая фотография «Казнь в Сайгоне» фотографа Э. Адамса и др.).

Таким образом, визуализация — полноценный носитель информации, который сообщает о событии, ничуть не уступая вербальным формам. Следовательно, она является не только элементом внешней формы, но и содержания. Политическая идентичность общественных групп формируется в окружающем их визуальном поле посредством инструментов визуализации, где символы выполняют роль идентификаторов, изображения — отображают авторское видение, инфографика — укомплектовывает и наглядно показывает большой объем информации, а фотография или видео-ролик помогают дистанционно принять участие в событии.

Более того, визуализация — существенный фактор конструирования таких политических практик, как процесс политической социализации, PR-кампании

партий и общественных движений, политическое взаимодействие граждан с государством и органами власти. В современных реалиях технологии политической визуализации активно применяются и совершенствуются субъектами гражданского общества во взаимоотношениях с государственными институтами, являясь важной частью диалоговых стратегий и механизмов политической коммуникации [6; 13].

Таким образом, визуальное в политической сфере — это широкий исследовательский пласт, постоянно усложняющийся и разрастающийся как за счет деятельности политических акторов, так и исследовательских практик. В современном мире невозможно игнорировать визуализацию политического дискурса как одно из важных направлений политологических исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Вдовина Т.В.* Визуальные исследования: основные методологические подходы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2012. № 1. С. 16—26.
- [2] *Вилинбахов Г.В.* Понятие геральдики // Серия «Мыслители», выпуск 5. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 14—24.
- [3] *Желондиевская Л.В., Барышева В.Е.* Знаковые формы визуальной идентичности города // Вестник ОГУ. 2012. № 4 (140). С. 114—122.
- [4] *Иванов В.Г.* Кризис концепции «технократии» в контексте изучения постиндустриального общества // Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 1 (28). С. 428—433.
- [5] *Иванов В.Г.* Медиакратия: симулякр политики? // Современные гуманитарные исследования. 2007. № 3 (16). С. 220—222.
- [6] *Кучерявая Е.В.* Сравнительный анализ польских и российских интернет-инноваций, поддерживающих взаимодействие граждан и власти // Человек. Государство. Право. 2018. № 1. Режим доступа: <http://pslrf.ru/2018/1/2.pdf>. Дата обращения: 08.08.2018.
- [7] *Малькина А.П.* Визуализация как способ понимания иноязычного текста по специальности в обучении иностранному языку (неязыковой вуз) // Вестник ТГУ. 2008. № 2 (58). С. 239—245.
- [8] *Поцелуев С.П.* «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. Выпуск 1. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 24—38.
- [9] *Розин В.М.* Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и понимает мир. М.: КомКнига, 2006. 224 с.
- [10] *Уиллер А.* Индивидуальность бренда. Руководство по созданию, продвижению и поддержке сильных брендов. М: Альпина Бизнес Букс, 2004. 235 с.
- [11] *Фролова М.А.* История возникновения и развития инфографики // Вестник ПГТТУ. 2014. № 10. С. 135—145.
- [12] *Штомпка П.* Визуальная социология. М.: Логос, 2007. 168 с.
- [13] *Kucheryavaya E.* The Role of NGOs in the Development of Societies and Overcoming the Consequences of Crises: Case Studies of Poland and Russia // Polish Political Science Yearbook. 2016. Vol. 45. P. 166—177. DOI: 10.15804/ppsy2016013.
- [14] *Sztompka P.* The Focus on Everyday Life: A New Turn in Sociology // European Review. 2008. № 16 (1). P. 23—27.
- [15] *Zoonen van L.* I-Pistemology: Changing Truth Claims in Popular and Political Culture // European Journal of Communication. 2012. № 27 (1). P. 56—67. DOI: 10.1177/0267323112438808.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-609-615

VISUALIZATION AS A POLITICAL TECHNOLOGY

A.N. Skorik

Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradskiy prosp., 49, Moscow, Russia, 125993

Abstract. The article reflects on the process of visualization as one of the types of political technologies used in the contemporary world. The author analyses the concept of visualization as well as its key tools on several political cases. The article stresses that the main feature of visual content is that it is an important source of social information and at the same time it transforms the political reality. In this regard, the article considers visualization process as one of the types of political technologies used in the contemporary world. Visualization of political appeals, data and agendas helps to increase the level of political participation, to update and strengthen dialogue mechanisms of political communication between civil society and state authorities.

Key words: visualization, political technologies, branding, heraldry, political communication

REFERENCES

- [1] Vdovina T.V. Vizual'nye issledovaniya: osnovnye metodologicheskie podhody [Visual Studies: Basic Methods of Research]. *RUDN Journal of Sociology*. 2012; 1: 16—26 (In Russ.).
- [2] Vilinbahov G.V. Ponyatie geraldiki. Seriya «Mysliteli», vypusk 5 [The Concept of Heraldry. Series “Thinkers”. Issue 5]. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo; 2001: 14—24 (In Russ.).
- [3] ZHelondievskaya L.V., Barysheva V.E. Znakovye formy vizual'noj identichnosti goroda [Symbolic Forms of Visual Identity of the City]. *Vestnik OGU*. 2012; 4 (140): 114—122 (In Russ.).
- [4] Ivanov V.G. Krizis koncepcii “tekhokratii” v kontekste izucheniya postindustrial'nogo obshchestva [Crisis of the Concept of “Technocracy” in the Context of the Study of Post-industrial society]. *Voprosy gumanitarnykh nauk*. 2007; 1 (28): 428—433 (In Russ.).
- [5] Ivanov V.G. Mediakratiya: simulyakr politiki? [Mediacracy: Simulacrum of Politics?]. *Sovremennye gumanitarnye issledovaniya*. 2007; 3 (16): 220—222 (In Russ.).
- [6] Kucheryavaya E.V. Sravnitel'nyj analiz pol'skih i rossijskih internet-innovacij, podderzhivayushchih vzaimodejstvie grazhdan i vlasti [Comparative Analysis of Polish and Russian Internet Innovations that Support the Interaction of Citizens and Government]. *CHelovek. Gosudarstvo. Pravo*. 2018; 1. Available from: <http://pslrf.ru/2018/1/2.pdf>. Accessed: 08.08.2018 (In Russ.).
- [7] Mal'kina A.P. Vizualizaciya kak sposob ponimaniya inoyazychnogo teksta po special'nosti v obuchenii inostrannomu yazyku (neyazykovej vuz) [Visualization as a Way of Understanding of a Professionally Oriented Foreign Text in Foreign Language Teaching]. *Vestnik TGU*. 2008; 2 (58): 239—245 (In Russ.).
- [8] Poceluev S.P. «Simvolicheskaya politika»: k istorii koncepta. *Simvolicheskaya politika. Konstruirovaniye predstavlenij o proshlom kak vlastnyj resurs. Vypusk 1* [“Symbolic politics”: on the History of the Concept. *Symbolic Politics. Construction of Ideas about the Past as a Resource of Power. Issue 1*]. Moscow: INION RAN; 2012: 24—38 (In Russ.).
- [9] Rozin V.M. *Vizual'naya kul'tura i vospriyatie. Kak chelovek vidit i ponimaet mir* [Visual Culture and Perception. How a Person Sees and Understands the World]. Moscow: Komkniga; 2006. 224 p. (In Russ.).
- [10] Willer A. *Individual'nost' brenda. Rukovodstvo po sozdaniyu, prodvizheniyu i podderzhke sil'nykh brendov* [Brand Identity. Guidance on Creating, Promoting and Supporting Strong Brands]. Moscow: Alpina Business Books; 2004. 235 p. (In Russ.).

- [11] Frolova M.A. *Istoriya vznikoveniya i razvitiya infografiki* [History and Development of Infographics]. *Vestnik PGGPU*. 2014; 10: 135—145 (In Russ.).
- [12] Shtompka P. *Vizual'naya sociologiya* [Visual Sociology]. Moscow: Logos; 2007. 168 p. (In Russ.).
- [13] Kucheryavaya E. The Role of NGOs in the Development of Societies and Overcoming the Consequences of Crises: Case Studies of Poland and Russia. *Polish Political Science Yearbook*. 2016; Vol. 45: 166—177. DOI:10.15804/ppsy2016013.
- [14] Sztompka P. The Focus on Everyday Life: A New Turn in Sociology. *European Review*. 2008; 16 (1): 23—27.
- [15] Zoonen van L. I-Pistemology: Changing Truth Claims in Popular and Political Culture. *European Journal of Communication*. 2012; 27 (1): 56—67. DOI: 10.1177/0267323112438808.

Сведения об авторе:

Скорик Анастасия Владимировна — аспирантка Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (ORCID ID: 0000-0002-8384-7199) (e-mail: SkorikAV@control.mos.ru).

Information about the author:

Skorik Anastasia Vladimirovna — Postgraduate Student of the Department of Political Science and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-8384-7199) (e-mail: SkorikAV@control.mos.ru).

Статья поступила в редакцию 20.08.2018.
Received 20.08.2018.

© Скорик А.В., 2018.

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-616-623

ИДЕОЛОГИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ГЕГЕМОНИИ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ АМЕРИКАНСКОГО НЕОКОНСЕРВАТИЗМА

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: Блохин К.В. Крестоносцы холодной войны. Американский неоконсерватизм: идеология и практика глобальной гегемонии. М.: Издательство «Весь Мир», 2016. 176 с.

В.Ш. Сургуладзе

Аналитическая группа «С.Т.К.»
Ленинградское шоссе 25, корп. 1, Москва, Россия, 125212

Монография кандидата исторических наук, американиста К.В. Блохина представляет собой комплексный анализ исторических предпосылок возникновения и становления феномена американского неоконсерватизма. Отличительной чертой работы автора является ее междисциплинарный характер, благодаря которому книга будет интересна не только профессиональным историкам и специалистам в области международных отношений, но и практикующим политикам, а также сотрудникам аналитических научно-практических организаций.

Ключевые слова: идеология, неоконсерватизм, внешняя политика, США, новейшая история, международные отношения

В издательстве «Весь Мир» вышла книга российского историка-американиста, кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника Центра исследований проблем безопасности РАН К.В. Блохина, посвященная анализу концептуальных внешнеполитических подходов американского неоконсерватизма.

Благодаря привлечению обширной библиографии и массе использованных автором источников, связанных с научным и публицистическим наследием идейных творцов внешнеполитической доктрины неоконсерватизма, а также своему компактному объему книга К.В. Блохина представляет собой концентрированное введение в историю американского неоконсерватизма, которое может служить хорошей методологической основой для дальнейших разработок данной области исследований.

Ценной стороной работы К.В. Блохина является ее комплексный, междисциплинарный характер. Книга является работой по истории международных отношений и в то же время имеет характерные черты прикладного политологического исследования, которое может быть полезно при ситуационном анализе текущего внешнеполитического курса Соединенных Штатов.

Этот политологический и практический аспект работы объясняется тем фактом, что в своем исследовании автор широко использовал материалы известных «мозговых трестов» США, а также доктринальные и целеполагающие политико-правовые документы государственного стратегического планирования Соединенных Штатов.

Вызывает уважение тот факт, что автор нашел возможность уделить в своей работе внимание научным разработкам не только современных российских американистов [2; 6; 9. С. 56—67; 10; 18. С. 3—25; 19; 21], но и произведениям, относящимся к громадному пласту исследований внешней политики США советских ученых. Оценки последних были зачастую идеологизированы, несли на себе отпечаток глобального противостояния холодной войны, однако содержат и неоправданно забываемые сегодня положительные научные результаты, которые сохраняют свою актуальность и в наше время [7; 15; 20]. Таким образом, работа К.В. Блохина содержит в себе полезный обзор российской и советской историографической и политологической литературы о феномене американского неоконсерватизма.

Автор справедливо указывает на отсутствие российских обобщающих специализированных трудов, посвященных феномену неоконсерватизма [1. С. 21], и активно опирается в своем исследовании на такие работы американских авторов, равно как и на обширный диапазон биографических, публицистических и периодических источников [17; 34; 36; 37; 40; 42—46].

Автор рисует широкое полотно американских интеллектуалов, разработки которых легли в основу неоконсерватизма как идеологического течения и внешнеполитической практики. В этом аспекте работа К.В. Блохина могла бы стать основой для биографического справочника по неоконсерватизму и внешней политике Соединенных Штатов [11; 31; 38; 39].

К.В. Блохин показывает, что неоконсерватизм — прежде всего школа мысли, мировоззрение, идеология, служащая основанием для соответствующих действий. При этом он не имел и не имеет бесспорного лидера и никогда не был представлен одной определенной организацией. Таким образом, неоконсерватизм — это прежде всего неоконсерваторы. Также у данного движения отсутствует один общепризнанный канонический текст, однако имеется массивный пласт произведений плодотворных авторов — политологов и публицистов. В то же время характерной чертой неоконсерватизма выступает, по мнению автора, свойственный ему мессианский характер, окрашенный религиозными мотивами. Возникновение же термина К.В. Блохин датирует 1970-ми годами. В этот период неоконсерватизм приобрел выраженный надпартийный характер.

Наиболее интересной стороной работы автора является обнаруженная им связь между американским неоконсерватизмом и идейным наследием троцкизма и левых радикальных течений середины XX века. Эта сторона неоконсерватизма мало изучена российской американистикой и представляет значительный научный интерес, позволяя по-новому оценить истоки современного американского мессианизма, традиционно связываемого с концепцией вильсонизма [12; 13; 26. С. 241—246]. Между тем внешнеполитическая агрессивность и идеологические

оценки тенденций развития международных отношений и политических процессов, являвшиеся отличительной чертой троцкизма [28—30], действительно свойственны американскому неоконсерватизму.

Хочется надеяться, что данный аспект истории развития американской внешнеполитической идеологии и политологии будет и дальше исследоваться российскими специалистами, так как позволяет глубже понять некоторые свойственные внешней политике США радикально-революционные аспекты, проявляющиеся как при анализе американскими экспертами международных отношений, так и при реализации внешнеполитического курса Соединенных Штатов.

Первый параграф первой главы книги называется «„Дети падшего ангела“, или истоки неоконсерватизма» [1. С. 29—59]. В этой части работы К.В. Блохин анализирует в качестве одного из истоков непримиримости неоконсерватизма еврейскую иммиграцию в США, представители которой в равной мере не принимали и фашизм и коммунизм, однако унаследовали тенденцию к поискам абсолютных идеологических ответов и революционной чистоты, свойственной марксистам, в том числе последователям Л.Д. Троцкого [1. С. 31—32]. В 1950-х годах, отмечает К.В. Блохин, «убежденные революционеры-троцкисты стали либералами» [1. С. 33, 57, 68, 87, 89, 91, 108, 109, 157].

Автор закономерно анализирует и другой ключевой элемент неоконсерватизма — идеоцентричные внешнеполитические концептуальные положения и традиции вильсонизма.

Интересны прослеживаемые автором идейные истоки свойственного политическому классу США и внешней политике Соединенных Штатов исторического нигилизма, проявляющегося в действиях по утверждению демократии вне зависимости от местных исторически сложившихся экономических, политических и социокультурных условий.

Для сторонников цивилизационного подхода к анализу развития общества неожиданным может показаться рассмотрение К.В. Блохиным вклада в неоконсерватизм С. Хантингтона. Эта сторона идейного наследия знаменитого американского политолога мало известна в России, так как сегодня его имя принято связывать преимущественно с цивилизационным, культурно-историческим анализом политических процессов [16; 32; 33], который имеет мало общего с односторонними идеологически детерминированными американоцентричными концепциями неоконсерваторов.

Практическим триумфом идеологии неоконсерватизма во внешней политике США К.В. Блохин считает президентство Р. Рейгана.

Неоконсерватизм как идеологическое течение большого стиля, по мнению автора, погубила дезинтеграция Советского Союза [41]. При этом неоконсерваторы стали опорой агрессивного внешнеполитического курса Дж. Буша-младшего (См.: [35]), а их идейное наследие в современных условиях было переосмыслено в категориях американского империализма [3—5; 14; 22—25; 27].

Актуальными и практически полезными в современной сложной внешнеполитической обстановке представляются части работы К.В. Блохина, посвященные анализу политики США в отношении международных организаций, прежде

всего ООН, а также изложение отношения неоконсерваторов к Советскому Союзу и России [1. С. 90—154] через призму анализа работы экспертно-аналитических структур (мозговых трестов), обеспечивавших информационную поддержку государственных ведомств Соединенных Штатов, отвечающих за внешнеполитическую деятельность [8].

Книга К.В. Блохина отличается захватывающим и динамичным стилем изложения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Блохин К.В.* Крестоносцы холодной войны. Американский неоконсерватизм: идеология и практика глобальной гегемонии. М.: Издательство «Весь Мир», 2016. 176 с.
- [2] *Брутенц К.Н.* Закат американской гегемонии. М.: Международные отношения, 2009. 512 с.
- [3] *Бьюкенен П.Дж.* Самоубийство сверхдержавы. М.: АСТ, 2016. 639 с.
- [4] *Бьюкенен П.Дж.* Секреты глобального путинизма. М.: Алгоритм, 2015. 222 с.
- [5] *Бьюкенен П.Дж.* Правые и не-правые: как неоконсерваторы заставили нас забыть о рейгановской революции и повлияли на президента Буша. М.: АСТ; Транзиткнига, 2006. 348 с.
- [6] *Войтоловский Ф.Г.* Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического мирового порядка 1940—2000 годы. М.: Крафт+, 2007. 452 с.
- [7] *Гаджиев К.С.* Эволюция основных течений американской буржуазной идеологии, 50—70-е годы. М.: Наука, 1982. 333 с.
- [8] *Главный противник: документы американской внешней политики 1945—1950 гг.* М.: МГУ, 2006. 501 с.
- [9] *Громыко А.А.* Метаморфозы американского неоконсерватизма: идеология на излёте. Внешнеполитический аспект // *Обозреватель—Observer*. 2007. № 8. С. 56—67.
- [10] *Дашичев В.И.* Закат американской гегемонии // *Проблемы национальной стратегии*. 2010. № 3 (4). С. 192—197.
- [11] *Кейган Р.* О рае и силе. Америка и Европа в новом мировом порядке. М.: Дом интеллектуальной книги; РОССПЭН, 2004. 158 с.
- [12] *Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: АСТ, 2018. 896 с.
- [13] *Киссинджер Г.* Мировой порядок. М.: АСТ, 2015. 512 с.
- [14] *Лал Д.* Похвала империи. Глобализация и порядок. М.: Фонд Либеральная миссия; Новое издательство, 2010. 361 с.
- [15] *Мельвиль А.Ю.* США — сдвиг вправо? Консерватизм в идейно-политической жизни США 80-х годов. М.: Наука, 1986. 214 с.
- [16] *Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона.* М.: Аспект Пресс, 2004. 379 с.
- [17] *Пайнс Р.* Я жил. Мемуары не примкнувшего. М.: Московская школа политических исследований, 2005. 405 с.
- [18] *Рахимир П.Ю.* Американские неоконсерваторы и имперская идея // *Новая и новейшая история*. 2008. № 4. С. 3—25.
- [19] *Рукавишников В.О.* Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М.: Академический Проект, 2005. 862 с.
- [20] *Скворцов В.Н.* Доктрина конвергенции и ее пропаганда. М.: Политиздат, 1974. 64 с.
- [21] *Согрин В.В.* США в XX—XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М.: Весь Мир, 2015. 590 с.

- [22] *Сорос Дж.* Эпоха ошибок: мир на пороге глобального кризиса. 2-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2010. 200 с.
- [23] *Сорос Дж.* Мыльный пузырь американского превосходства: на что следует направить американскую мощь. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 191 с.
- [24] *Сургуладзе В.Ш.* Кризис гражданского самосознания в США: идеология и стратегия консервативного поворота Патрика Бьюкенена // *Проблемы национальной стратегии*. 2017. № 4 (43). С. 214—220.
- [25] *Сургуладзе В.Ш.* Россия в глобальной борьбе за традиционные ценности и идентичность: американский взгляд // *Проблемы национальной стратегии*. 2017. № 4 (43). С. 203—209.
- [26] *Сургуладзе В.Ш.* Поиск баланса: мировой порядок в контексте геополитики, идеологии и коллективной психологии // *Проблемы национальной стратегии* № 1 (34) 2016. С. 241—246.
- [27] *Сургуладзе В.Ш.* Зигзаги либеральной мысли: США на путях формирования имперской идентичности // *Проблемы национальной стратегии*. 2015. № 3 (30). С. 266—273.
- [28] *Троцкий Л.Д.* Мировая революция. М.: Алгоритм; Эксмо, 2012. 608 с.
- [29] *Троцкий Л.* Терроризм и коммунизм. СПб.: Азбука-классика, 2010. 224 с.
- [30] *Троцкий Л.* Перманентная революция. СПб.: Азбука-классика, 2009. 224 с.
- [31] *Фукуяма Ф.* Америка на распутье: демократия, власть и неоконсервативное наследие. М.: АСТ, 2008. 282 с.
- [32] *Хантингтон С.* Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 635 с.
- [33] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
- [34] *Colodny L., Shechtman T.* The Forty Years War. The Rise and Fall of Neocons, From Nixon to Obama. New York: Harper Perennial, 2010. XIV+489 p.
- [35] *Dorrien G.* Imperial Designs. Neoconservatism and the New Pax Americana. New York — London: Routledge, 2004. VII+285 p.
- [36] *Ehrman J.* The Rise of Neoconservatism. Intellectuals and Foreign Affairs, 1945—1994. New Haven: Yale University Press, 1995. 256 p.
- [37] *Friedman M. (Ed.)* Commentary in American Life / Philadelphia: Temple University Press, 2005. 232 p.
- [38] *Heilbrunn J.* They Knew They Were Right. The Rise of the Neocon. New York: Doubleday, 2008. 320 p.
- [39] *Kagan R., Kristol W. (Ed.)* Present Dangers. Crisis and Opportunity in American Foreign and Defense Policy. San Francisco: Encounter Books, 2000. X+401 p.
- [40] *Kristol I.* Neoconservatism. The Autobiography of an Idea. Chicago: Elephant Paperbacks, 1995. 512 p.
- [41] *Murray D.* Neoconservatism: Why We Need It. New York: Encounter Books, 2006. XXIII+247 p.
- [42] *Norton A.* Leo Strauss and the Politics of American Empire. New Haven: Yale University Press, 2004. 235 p.
- [43] *Stelzer I. (Ed.)* The Neocon Reader. New York: Grove Press, 2004. 328 p.
- [44] *Thompson C.B.* Neoconservatism: an Obituary for an Idea. Boulder: Paradigm Publishers, 2010. XII+305 p.
- [45] *Vaisse J.* Neoconservatism. The Biography of Movement. Cambridge, Mass.: Belknap Press, 2009. 376 p.
- [46] *Velasko J.* Neoconservatives in U.S. Foreign Policy under Ronald Reagan and George W. Bush. Voices Behind the Throne. Washington: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: John Hopkins University Press, 2010. 320 p.

THE IDEOLOGY OF GLOBAL HEGEMONY: THE HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF FOREIGN POLICY STRATEGIES OF AMERICAN NEOCONSERVATISM

BOOK REVIEW: Blokhin K.V. *Crusaders of the Cold War. American Neoconservatism: Ideology and Practice of Global Hegemony. Moscow: Ves' Mir Publishing House; 2016. 176 p.*

V.Sh. Surguladze

S.T.C. Analytical group

25, bld. 1 Leningrad highway, 125212, Moscow, Russian Federation

Abstract. The monograph of candidate of historical sciences, americanist K.V. Blokhin is a comprehensive analysis of the historical background of emergence and formation of the phenomenon of American neo-conservatism. A distinctive feature of the author's work is its interdisciplinary nature, thanks to which the book will be interesting not only to professional historians, political scientists and specialists in the field of international relations, but also to politicians, as well as political analysts and consultants.

Key words: ideology, neoconservatism, foreign policy, USA, international relations

REFERENCES

- [1] Blokhin K.V. *Krestonoscy kholodnoj vojny. Amerikanskij neokonservativizm: ideologiya i praktika global'noj gegemonii* [Crusaders of the Cold War. American Neoconservatism: Ideology and Practice of Global Hegemony]. Moscow: Ves' Mir; 2016. 176 p. (In Russ.).
- [2] Brutencz K.N. *Zakat amerikanskoj gegemonii* [Sunset of US Hegemony]. Moscow: Mezhdunarodny'e otnosheniya; 2009. 512 p. (In Russ.).
- [3] B'yukenen P.Dzh. *Samoubijstvo sverxderzhavy* [Suicide of a Superpower]. Moscow: AST; 2016. 639 p. (In Russ.).
- [4] B'yukenen P.Dzh. *Sekrety global'nogo putinizma* [Global Secrets of Putinizm]. Moscow: Algoritm; 2015. 222 p. (In Russ.).
- [5] B'yukenen P.Dzh. *Pravye i ne-pravye: kak neokonservatory zastavili nas zabyt' o rejganovskoj revolyucii i povliyali na prezidenta Busha* [Where the Right Went Wrong: How Neoconservatives Subverted the Reagan Revolution and Hijacked the Bush Presidency]. Moscow: AST; Tranzitkniga; 2006. 348 p. (In Russ.).
- [6] Vojtolovskij F.G. *Edinstvo i razobshhyonnost' Zapada. Ideologicheskoe otrazhenie v soznanii elit SShA i Zapadnoj Evropy transformacij politicheskogo mirovogo porjadka 1940—2000 gody* [Unity and Disunity of the West. Ideological Reflection in the Minds of the Elites of the United States and Western Europe of the Political Transformations of the World Order 1940—2000]. Moscow: Kraft+; 2007. 452 p. (In Russ.).
- [7] Gadzhiev K.S. *Evolyciya osnovnyx techenij amerikanskoj burzhuaznoj ideologii, 50—70-e gody* [Evolution of the Main Currents of American Bourgeois Ideology, 50—70s]. Moscow: Nauka; 1982. 333 p. (In Russ.).
- [8] *Glavnyj protivnik: dokumenty amerikanskoj vneshnej politiki 1945—1950 gg.* [The Main Rival: Documents of American Foreign Policy from 1945 to 1950]. Moscow: MGU, 2006. 501 p. (In Russ.).
- [9] Gromyko A.A. *Metamorfozy amerikanskogo neokonservativizma: ideologiya na izlyote. Vneshnepoliticheskij aspekt* [The Metamorphoses of American Neo-conservatism: Ideology on the Decline. Foreign Policy Aspect]. *Obzrevatel'—Observer*. 2007; 8: 56—67 (in Russ.).

- [10] Dashichev V.I. Zakat amerikanskoj gegemonii [Decline of the American Hegemony]. *Problemy nacional'noj strategii*. 2010; 3 (4): 192—197 (In Russ.).
- [11] Kejgan R. *O rae i sile. Amerika i Evropa v novom mirovom poryadke* [Of Paradise and Power. America and Europe in the New World Order]. Moscow: Dom intellektual'noj knigi; ROSSPEN; 2004. 158 p. (In Russ.).
- [12] Kissinger H. *Diplomatiya* [Diplomacy]. Moscow: AST; 2018. 896 p. (In Russ.).
- [13] Kissinger H. *Mirovoj poryadok* [World Order]. Moscow: AST; 2015. 512 p. (In Russ.).
- [14] Lal D. *Pokhvata imperii. Globalizaciya i poryadok* [Praise of the Empire. Globalization and Order]. Moscow: Fond Liberal'naya missiya; Novoe izdatel'stvo; 2010. 361 p. (In Russ.).
- [15] Mel'vil' A.Yu. *SShA — sdvig vpravo? Konservatizm v idejno-politicheskoj zhizni SShA 80-x godov* [USA — Shift to the Right? Conservatism in the Ideological and Political Life of the United States in 80-ies]. Moscow: Nauka; 1986. 214 p. (In Russ.).
- [16] *Mnogolikaya globalizaciya* [Many Faces of Globalization]. Ed. by P. Berger, S. Huntington. Moscow: Aspekt Press; 2004. 379 p. (In Russ.).
- [17] Pipes R. *Ya zhil. Memuary ne primknuvshego* [Vixi: Memoirs of a Non-Belonger]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovanij; 2005. 405 p. (In Russ.).
- [18] Rakhshmir P.Yu. Amerikanskije neokonservatory i imperskaya ideya [American Neo-conservatives and the Imperial Idea]. *Novaya i novejšhaya istoriya*. 2008; 4: 3—25 (In Russ.).
- [19] Rukavishnikov V.O. Kholodnaya vojna, kholodnyj mir. Obshhestvennoe mnenie v SShA i Evrope o SSSR. *Rossii, vneshnej politike i bezopasnosti Zapada* [Cold War, Cold Peace. Public Opinion in the US and Europe About the USSR. *Russia, Foreign Policy and Security of the West*]. Moscow: Akademicheskij Proekt; 2005. 862 p. (In Russ.).
- [20] Skvorczov V.N. *Doktrina konvergencii i ee propaganda* [The Doctrine of Convergence and Its Promotion]. Moscow: Politizdat; 1974. 64 p. (In Russ.).
- [21] Sogrin V.V. *SShA v XX—XXI vekax. Liberalizm. Demokratiya. Imperiya* [United States in XX—XXI Centuries. Liberalism. Democracy. Empire]. Moscow: Ves' Mir; 2015. 590 p. (In Russ.).
- [22] Soros G. *Epokha oshibok: mir na poroge global'nogo krizisa*. 2-e izd. [The Age of Fallibility: War on the Brink of Global Crisis. 2nd edition]. Moscow: Al'pina Biznes Buks; 2010. 200 p. (In Russ.).
- [23] Soros G. *Myl'nyj puzyr' amerikanskogo prevoskhodstva: na chto sleduet napravit' amerikanskuju moshh'* [The Bubble of American Supremacy: Correcting the Misuse of American Power]. Moscow: Al'pina Biznes Books; 2004. 191 p. (In Russ.).
- [24] Surguladze V.Sh. Krizis grazhdanskogo samosoznaniya v SShA: ideologiya i strategiya konservativnogo povorota Patrika B'yukenena [The Crisis of Civic Consciousness in the United States: The Ideology and Strategy of the Conservative turn of Patrick Buchanan]. *Problemy nacional'noj strategii*. 2017; 4 (43): 214—220 (In Russ.).
- [25] Surguladze V.Sh. Rossiya v global'noj bor'be za tradicionnye cennosti i identichnost': amerikanskij vzglyad [Russia in the Global Fight for Traditional Values and Identity: an American View]. *Problemy nacional'noj strategii*. 2017; 4 (43): 203—209 (In Russ.).
- [26] Surguladze V.Sh. Poisk balansa: mirovoj poryadok v kontekste geopolitiki, ideologii i kollektivnoj psixologii [The Search of Balance: World Order in the Context of Geopolitics, Ideology and Collective Psychology]. *Problemy nacional'noj strategii*. 2016; 1 (34): 241—246 (In Russ.).
- [27] Surguladze V.Sh. Zigzagi liberal'noj mysli: SShA na putyax formirovaniya imperskoj identichnosti [Zigzags of Liberal Thought: the US on the Way of Imperial Identity Formation]. *Problemy nacional'noj strategii*. 2015; 3 (30): 266—273 (In Russ.).
- [28] Trotsky L.D. *Mirovaya revolyuciya* [World Revolution]. Moscow: Algoritm; E'ksmo; 2012. 608 p. (In Russ.).
- [29] Trotsky L.D. *Terrorizm i kommunizm* [Terrorism and Communism]. Saint-Petersburg: Azbuka-klassika; 2010. 224 p. (In Russ.).

- [30] Trotsky L.D. *Permanentnaya revolyuciya* [The Permanent Revolution]. Saint-Petersburg: Azbuka-klassika; 2009. 224 p. (In Russ.).
- [31] Fukuyama F. *Amerika na rasput'e: demokratiya, vlast' i neokonservativnoe nasledie* [America at the Crossroads: Democracy, Power and Neoconservative Legacy]. Moscow: AST; 2008. 282 p. (In Russ.).
- [32] Huntington S. *Kto my?: Vyzovy amerikanskoj nacional'noj identichnosti* [Who Are We? The Challenges to America's National Identity]. Moscow: AST; Tranzitkniga; 2004. 635 p. (In Russ.).
- [33] Huntington S. *Stolknovenie civilizacij* [Clash of Civilizations]. Moscow: AST; 2003. 603 p. (In Russ.).
- [34] Colodny L., Shechtman T. *The Forty Years War. The Rise and Fall of Neocons, From Nixon to Obama*. New York: Harper Perennial; 2010. XIV+489 p.
- [35] Dorrien G. *Imperial Designs. Neoconservatism and the New Pax Americana*. New York — London: Routledge; 2004. VII+285 p.
- [36] Ehrman J. *The Rise of Neoconservatism. Intellectuals and Foreign Affairs, 1945—1994*. New Haven: Yale University Press; 1995. 256 p.
- [37] Friedman M. (Ed.) *Commentary in American Life*. Philadelphia: Temple University Press; 2005. 232 p.
- [38] Heilbrunn J. *They Knew They Were Right. The Rise of the Neocon*. New York: Doubleday; 2008. 320 p.
- [39] Kagan R., Kristol W. (Ed.) *Present Dangers. Crisis and Opportunity in American Foreign and Defense Policy*. San Francisco: Encounter Books; 2000. X+401 p.
- [40] Kristol I. Neoconservatism. *The Autobiography of an Idea*. Chicago: Elephant Paperbacks; 1995. 512 p.
- [41] Murray D. *Neoconservatism: Why We Need It*. New York: Encounter Books; 2006. XXIII+247 p.
- [42] Norton A. *Leo Strauss and the Politics of American Empire*. New Haven: Yale University Press; 2004. 235 p.
- [43] Stelzer I. (Ed.) *The Neocon Reader*. New York: Grove Press; 2004. 328 p.
- [44] Thompson C.B. *Neoconservatism: An Obituary for an Idea*. Boulder: Paradigm Publishers; 2010. XII+305 p.
- [45] Vaïsse J. *Neoconservatism. The Biography of Movement*. Cambridge: Mass.: Belknap Press; 2009. 376 p.
- [46] Velasko J. *Neoconservatives in U.S. Foreign Policy under Ronald Reagan and George W. Bush. Voices Behind the Throne*. Washington: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: John Hopkins University Press; 2010. 320 p.

Сведения об авторе:

Сургуладзе Вахтанг Шотович — кандидат философских наук, ведущий эксперт Аналитической группы «С.Т.К.» (ORCID ID: 0000-0002-7948-0128) (e-mail: bafing@mail.ru).

Information about the author:

Surguladze Vakhtang Shotovich — PhD, S.T.C. Analytical Group Leading Expert (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-7948-0128) (e-mail: bafing@mail.ru).

Статья поступила в редакцию: 10.06.2018.

Received: 10.06.2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-624-629

ПАНСЛАВИЗМ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ УТОПИЯ ИЛИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ?

РАЗМЫШЛЯЯ НАД КНИГОЙ Б.А. Прокудина «Панславизм в истории политики и мысли России XIX века». М.: Издательство Московского университета, 2018. 218 с.

Д.Б. Казаринова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья представляет собой рецензию на монографию молодого, но уже широко известного исследователя русской политической мысли, доцента Московского университета Б.А. Прокудина, а также размышления о связи идей славянского единства с противостоящими друг другу современными ценностно-политическими проектами: Русского мира и Инициативы Трех морей.

Ключевые слова: панславизм, славянское единство, ценностно-политический проект, идеология, Междуморье, Интермариум, Тримариум, инициатива Трех морей

Одним из самых значимых политических событий конца 2018 года стали мероприятия по случаю столетия окончания Первой мировой войны, на которых присутствовали все лидеры мировых держав. В связи с этим в академической политологической литературе и публицистике широко обсуждаются темы, связанные с Первой мировой войной, проводятся исторические аналогии. В связи с этим вспоминаются причины и предпосылки этой масштабной трагедии, перевернувшей Западный мир и положившей конец сразу нескольким империям.

Среди предпосылок не так часто вспоминается сейчас один из сюжетов, который чрезвычайно волновал русское общество того времени, а именно «славянский вопрос». Славянский вопрос был одним из центральных для России в этой войне. А если обратиться к непосредственной причине развязывания военных действий, то можно вспомнить, что убийство эрцгерцога Австрийской Империи Франца Фердинанда организовала организация «Черная рука» и ее отделение «Молодая Босния», непосредственно связанные с панславистским движением. По итогам Первой мировой войны был реализован югославский политический проект, результатом которого стало объединение большинства южнославянских народов, вне зависимости от религии и культуры.

В связи с этим крайне актуальной выглядит появление книги доцента Факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, историка русской политической мысли и известного популяризатора науки¹ Б.А. Прокудина под названием «Панславизм в истории политики и мысли России XIX века», вышедшей в издательстве Московского университета. Изучение эволюции идей «славянской взаим-

¹ Один из авторов интернет-проекта Postnauka.ru о современной фундаментальной науке. Режим доступа: <https://postnauka.ru/author/prokudin>. Дата обращения: 15.10.2018.

ности» рождает множество ассоциаций с современной российской внутренней и внешней политикой. В частности, одна из самых болезненных для российского общества ассоциаций — славянская общность в контексте украинского кризиса. Без преувеличения «значение событий 2014 г. на Украине для россиян социологически характеризуются понятием глубокой социальной травмы» [1. С. 233]. Осталось ли что-то от славянского единства после открытых военных столкновений в Восточной Украине, запрета русского языка и СМИ, взаимной враждебной риторики не только на государственном уровне, но и в социальных сетях? Как пишет Б. Прокудин, панславизм на первом этапе существовал в тесной связи с либерализмом и масонством [5. С. 33], а теоретиков славянского единства считали диссидентами [5. С. 21]. Применительно к нынешней ситуации в отношениях России и Украины, в том числе на уровне гражданских обществ, мы можем сегодня наблюдать схожую картину. Сегодня это удел представителей либерального сообщества, не присоединившегося к «крымскому консенсусу».

И в первой, и во второй половине XIX века, также как и в начале века XXI-го, распространение российского влияния воспринималось как экспансия. Как отмечает автор книги, «термин «панславизм» возник в 1830—1840-х гг. в статьях германских и австрийских публицистов и отождествлялся ими с угрозой имперской экспансии России» [5. С. 18]. Продолжая проводить исторические параллели, нельзя исключить, что и сегодня в антироссийской публицистике может появиться термин (в сегодняшних реалиях мем в духе I-Pistemology [2. С. 447]), который окажет влияние на развитие отечественной политической мысли.

Актуальность книге придает и параллель с современным состоянием политико-философской мысли в контексте поиска если не национальной идеи, то хотя бы набора консенсусных представлений о России, ее базовых ценностях, образе общего будущего. Сегодня в дискурсе преобладают идеи о цивилизационной самобытности России, евразийском характере и даже стратегическом одиночестве. Это перекликается с идеями славянской взаимности, которые обосновывали тезис об уникальности России, развивали концепции неевропеского развития, противостояния между романо-германскими и греко-славянским мирами [5. С. 74]. Вокруг этого строятся и современные попытки России сформулировать проект своей цивилизационной идентичности. Нечеткость концепции «Русского мира», «проблема смысловой концептуализации понятия «Русский мир» и связанной с ней ценностно-политической стратегии центрируется в точке пересечения цивилизационных и новых, политических коннотаций, что не может не сказываться на его неопределенности и многозначности» [4. С. 220—221]. Такой же неопределенной и многозначной концепцией был панславизм. Несмотря на то, что идея славянского единства разделялась и радикально-демократическими авторами, все же «панславизм как идея, оспаривающая либеральный тезис об „общечеловеческой цивилизации“, соответствовал в России главным образом императивам консервативного сознания» [5. С. 76].

Стоит сказать, что проблеме панславизма уделяют внимание многие авторы: О.А. Французова [8], А.А. Григорьева [3], Г.В. Рокина [7], М.А. Робинсон [6], А.А. Шириянец [9], учитель и старший коллега Б.А. Прокудина, однако именно в монографии последнего история развития идеи панславизма в русской соци-

ально-политической мысли изложена наиболее системно и исчерпывающе. Он изучает специфику зарождения идеи, ее эволюцию на протяжении всего XIX века вплоть до периода снижения общественного интереса к славянскому единству.

Несмотря на разнообразие форм, вариативность содержательного наполнения концепций и идейную окраску идеологов славянского единства, важным остается тот факт, что «панславизм никогда не выходил на уровень государственной политики» [5. С. 21], более того, «воспринимался в правящих кругах России как достаточно опасное и в целом нежелательное явление» [5. С. 21], а «панславистская идеология входила в прямое противоречие с официальной внешнеполитической доктриной российского государства» [5. С. 33]. Но не только связь декабристов с «Обществом объединенных славян» укрепило императора Николая I «во мнении об опасности идей славянской взаимности для русского самодержавия» [5. С. 35]. Идеи панславизма входили и входят в противоречие с принципами, лежащими в основе российской государственности — полиэтничности, поликонфессиональности, евроазиатского характера цивилизации, единения вокруг сильной государственности с жесткой вертикалью власти, имперского по сути принципа формирования политического пространства. Наоборот, панславистские идеи возникали в противовес им, как антиистеблишментское направление мысли: «В России интерес к славянскому миру появился по сути как протест интеллигентов против повального увлечения западничеством в правительственных кругах и дворянской элите страны» [5. С. 74]. Примером панславянского политического проекта был проект декабристов — демократическая славянская федерация.

Если проследить развитие панславянских идей на более поздних этапах развития и выйти за рамки русской политической мысли, то мы увидим, что этот антигосударственный характер идеи славянского единства, получил новое измерение. Со времен Ю. Крижанича существовали представления о главенствующей роли России в семье славянских народов как гаранта их цивилизационной идентичности. Такие идеи лежали в основе идеологии славянофильства. Однако за пределами России в конце XIX века на основе панславистского движения начало формироваться движение неославистов. Неослависты также видели своей задачей укрепление славянской взаимности, но настаивали на равенстве славянских народов между собой и освобождении от русского лидерства в деле освобождения славянских государств и объединения народов.

В наиболее выраженном виде это проявилось в Польше. Идеи панславизма в этой стране разделились на два течения: пророссийское и антироссийское. Оказалось, что *антироссийская повестка лежит довольно близко к панславистской*. Первое федеративное панславянское государство, которое объединило в себе три славянских народа, было Речью Посполитой. Именно в Польше между Первой и Второй мировыми войнами появились планы по созданию Центральноевропейской Федерации — Междуморья или *Intermarium*, которая объединила бы в себе большинство славянских народов, за исключением русского. Сегодня идея *Intermarium*, в основе которой лежал тезис о сдерживании российского империализма и противостоянии влиянию Германии путем сотрудничества государств

Центральной и Восточной Европы, вновь становится актуальной. Ряд восточно-европейских политиков реанимируют концепцию *Intermarium*².

Прямой наследницей этого геополитического проекта является Инициатива Трех морей³, или *Trimarium*, которую зачастую путают с оригинальной версией доктрины первой половины XX века о реставрации польско-литовского политического содружества. О близком родстве концепции польского Президента Андрея Дуды и доктрины Йозефа Пилсудского столетней давности говорит не только схожесть названия. Так, представитель чешского дипломатического ведомства заявил, что Прага не готова активно участвовать в саммите Инициативы Трех морей именно по этой причине. Тем не менее, саммиты в Дубровнике в 2016-м, в Варшаве в 2017-м и в Бухаресте в 2018-м состоялись, и польская геополитическая стратегия была перезапущена.⁴ Следует отметить, что этому процессу сопутствует изменение геометрии европейской политики, переход инициативы от традиционного франко-германского локомотива ЕС к странам Вышеградской группы, участвующих *Trimarium*. В этом контексте антироссийский характер проекта даже затмевается антигерманским: страны Вышеградской группы размежевались со странами старой Европы по вопросу о способах урегулирования миграционного кризиса. Европейская солидарность серьезно пошатнулась в результате деятельности этого блока, который позиционирует себя в качестве противовеса Германии и ЕС⁵. Так, эволюционировавшая идея «славянского единства без России» стала геополитическим проектом, который направлен не только на противостояние с Россией, но и с единой Европой.

Несмотря на то, что идеи славянского единства дали столь непредсказуемый и разнообразный урожай концепций, остается не до конца решенным вопрос, существовал ли когда-либо панславизм как непротиворечивая связная идеология, и имеет ли он шанс в будущем на политическое измерение, особенно учитывая современную ситуацию в системе международных отношений. Как пишет Б.А. Прокудин, «Можно говорить об основанном на либеральной системе ценностей панславизме А.Н. Пыпина, имеющем мессианскую составляющую панславизме А.С. Хомякова и М.П. Погодина, тяготеющем к монархическим ценностям панславизме Н.М. Каткова, сфокусированном на религиозно-нравственном православно-идеале панславизме Ф.М. Достоевского, имеющем геополитическую компоненту панславизме В.И. Ламанского и пр.» [5.С.23], панславизм слишком богат и разнообразен для собственно идеологии. Поэтому скорее ответ на поставленный вопрос будет отрицательным. Но при этом наследие панславистов остается огромным резервуаром идей, в том числе далеко не всегда благоприятных для будущего развития нашей страны.

² New Eastern Europe Magazine. Режим доступа: <http://neweasterneurope.eu/category/articles-and-commentary-50/intermarium/>. Дата обращения: 15.10.2018.

³ Инициатива «Трех морей» (Адриатического, Балтийского и Черного) — неформальная платформа сотрудничества 12-ти стран Центральной и Южной Европы (Польша, Хорватия, Литва, Латвия, Эстония, Чехия, Словакия, Словения, Венгрия, Румыния, Болгария и Австрия).

⁴ New Eastern Europe Magazine. Режим доступа: <http://neweasterneurope.eu/2017/07/06/intermarium-vs-the-three-seas-initiative/>. Дата обращения: 15.11.2018.

⁵ Hungarian Spectrum Magazine. Режим доступа: <http://hungarianspectrum.org/2017/06/29/the-three-seas-initiative-and-donald-trump/>. Дата обращения: 15.11.2018.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Андреев А.Л.* Кризис на Украине в жизненно-смысловых оценках россиян // Российское общество и вызовы времени. Книга первая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2015. 336 с.
- [2] *Бебич Д., Воларевич М.* Новые проблемы — старые решения? Критический взгляд на доклад экспертной группы высокого уровня Европейской комиссии о фейковых новостях и онлайн дезинформации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 3. С. 447—460. DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-3-447-460.
- [3] *Григорьева А.А.* Проблема панславизма в советской историографии. Альманах современной науки и образования. 2012. № 4 (59). С. 69—71.
- [4] *Мчедлова М.М.* Русский мир: как он видится гражданам России. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2015. 336 с.
- [5] *Прокудин Б.А.* Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М.: Издательство Московского университета, 2018. 218 с.
- [6] *Робинсон М.А.* В.И. Ламанский, его взгляды на развитие славяноведения, мнение о нем учеников и коллег. М.: Индрик, 2014. 151 с.
- [7] *Рокина Г.В.* Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX в. Казань, 2005. 300 с.
- [8] *Французова О.А.* Панславизм и идеи славянской интеграции в представлениях чешских радикалов 1 пол. XIX века. Общество и цивилизация: Тенденции и перспективы развития в XXI веке: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (29 января 2015 г., Воронеж). Воронеж, 2015. Т. 1. С. 11—17.
- [9] *Шириняц А.А., Мырикова А.В.* Ф.И. Тютчев и М.П. Погодин о русофобии и «польском вопросе» // SCHOLA-2014: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова / под ред. А.Ю. Шутова и А.А. Шириняца. М.: МГУ, 2014. С. 129—140.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-624-629

PAN-SLAVISM FOR CONTEMPORARY RUSSIA: HISTORICAL UTOPIA OR GEOPOLITICAL CHALLENGE?

REFLECTIONS ON THE BOOK by B.A. Prokudin “Pan-Slavism in the History
 of Politics and Thought in Twentieth-Century Russia”.
 Moscow: Moscow University Press; 2018. 218 p.

D.B. Kazarinova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
 Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. The article is a review of a monograph by a young but prominent researcher of Russian political thought, an associate professor of Moscow State University, Boris Prokudin. The author also presents her reflections on the connection of the idea of Slavic unity and modern projects involving studies of political values, while emphasizing the opposition of the Russian world and the Three Seas Initiative.

Key words: Pan-Slavism, Slavic unity, political value project, ideology, Intermarium, Trimarium, Three seas initiative

REFERENCES

- [1] Andreev A.L. Krizis na Ukraine v zhiznenno-smyslovyh ocenках rossiyan. *Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaya* [Crisis in Ukraine in the Life-meaning Assessments of Russians. *Russian Society and the Challenges of Time. Book One*]. Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petuhov; Institut sociologii RAN. Moscow: Izdatel'stvo "Ves' Mir"; 2015. 336 p. (In Russ.).
- [2] Bebich D., Volarevich M. Novye problemy — starye resheniya? Kriticheskij vzglyad na doklad ekspertnoj gruppy vysokogo urovnya evropejskoj komissii o fejkovyh novostyah i onlajn dezinformacii [New Problems, Old Solutions? A Critical Look on the Report of the High Level Expert Group on Fake News and On-Line Disinformation]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya*. 2018; Vol. 20; 3: 447—460. DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-3-447-460. (In Russ.).
- [3] Grigor'eva A.A. *Problema panslavizma v sovetskoj istoriografii. Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya* [The Problem of Pan-Slavism in Soviet Historiography. Almanac of Modern Science and Education]. 2012; 4 (59): 69—71 (In Russ.).
- [4] Mchedlova M.M. Russkij mir: kak on viditsya grazhdanam Rossii. *Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaya* [Russian World: How It is Seen by the Citizens of Russia. *Russian Society and the Challenges of Time. Book One*]. Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petuhov; Institut sociologii RAN. Moscow: Izdatel'stvo "Ves' Mir"; 2015. 336 p. (In Russ.).
- [5] Prokudin B.A. *Panslavizm v istorii politiki i mysli Rossii XIX veka* [Pan-Slavism in the History of Politics and Thought of Russia of the XIX Century]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 2018. 218 p. (In Russ.).
- [6] Robinson M.A. *V.I. Lamanskij, ego vzglyady na razvitie slavyanovedeni, mnenie o nem uchenikov i kolleg* [V.I. Lamansky, His Views on the Development of Slavic Studies, the Opinion of his Students and Colleagues]. Moscow: Indrik; 2014. 151 p. (In Russ.).
- [7] Rokina G.V. *Teoriya i praktika slavyanskoj vzaimnosti v istorii slovacko-russkikh svyazej XIX v.* [Theory and Practice of Slavic Reciprocity in the History of Slovak-Russian Relations of the XIX Century]. Kazan; 2005. 300 p. (In Russ.).
- [8] Francuzova O.A. Panslavizm i idei slavyanskoj integracii v predstavleniyah cheshskih radikalov 1 pol. XIX veka. *Obshchestvo i civilizaciya: Tendencii i perspektivy razvitiya v XXI veke* [Pan-Slavism and Ideas of Slavic Integration in the Views of the Czech Radicals of the First Half of XIX Century. *Society and Civilization: Trends and Development Prospects in the XXI Century*]. Sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (29 yanvarya 2015 g. Voronezh). Voronezh; 2015; Vol. 1: 11—17 (In Russ.).
- [9] Shirinyanc A.A., Myrikova A.V. F.I.Tyutchev i M.P. Pogodin o rusofobii i «pol'skom voprose». *SCHOLA-2014: Sbornik nauchnyh statej fakul'teta politologii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova* [F. I. Tyutchev and M. Pogodin about Russophobia and the "Polish Question". *SCHOLA-2014: Collection of Scientific Articles of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University*]. Ed. by A.Yu. Shutov, A.A. Shirinyanc. Moscow: MSU; 2014: 129—140 (In Russ.).

Сведения об авторе:

Казаринова Дарья Борисовна — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-9416-5898) (e-mail: kazarinova_db@pfur.ru).

Information about the author:

Kazarinova Daria Borisovna — PhD, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-9416-5898) (e-mail: kazarinova_db@pfur.ru).

Статья поступила в редакцию 20.10.2018.

Received 20.10.2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-630-633

MANUFACTURING CONSENT... OR HEGEMONY?

**BOOK REVIEW: Kilani A. *Comparative Analysis of Media Hegemony: Propaganda and Manufacturing Consent in U.S. Media*.
Columbia: SC; 2018. 166 p.**

V.G. Ivanov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str. 6, Moscow, Russian Federation, 117198

E.V. Efanova

Volgograd State University
Universitetskij prosp., 100, Volgograd, Russian Federation, 400062

Abstract. This year's monograph by young Lebanese political scientist Ahmad Kilani “Comparative analysis of media hegemony: propaganda and production of consent in US media” is of both scientific and practical interest to political scientists, political analysts and journalists. The book presents a comparative study of theoretical and conceptual approaches to analyzing and substantiating media hegemony in the United States. Drawing on the analysis of various research theories and concepts, including various historical and modern cases, the author comes to meaningful conclusions that could be of interest to a wide range of readers.

Key words: information, hegemony, media, propaganda, manufacturing consent

The book “Comparative Analysis of Media Hegemony” [1] is a study of contending theories in the fields of media and political science. Essentially, the book is an attempt to single out a theory which better explains how American propaganda and media hegemony work. The author, Ahmad Kilani, is a specialist in the field of US foreign policy and media. In his book, Kilani examines propaganda and encoding/decoding models, as well as the theory of inverted totalitarianism, in order to understand how American film media “manufacture consent” for US foreign policy. In addition, the book includes a comparative analysis between hegemonic and non-hegemonic films. Kilani’s ideas are based on the Gramscian theory of cultural hegemony. The first chapter of the book consists of the following sections: introduction, research question, methodology and map of the book.

In the second chapter [1. P. 16—55], the author examines the origin of propaganda and hegemony in the US, from the foundation of modern propaganda by Walter Lipmann and the ideas of Edward Bernays to Noam Chomsky’s concept of modern propaganda. The author then proceeds to discuss the roots of hegemony in Antonio Gramsci’s model, moving on to analyze the encoding and decoding model of Stuart Hall and the right-wing authoritarianism scale. The author concludes the chapter with a definition of hegemony, propaganda, and manufacturing consent refined by scholars in the field of hegemony and propaganda.

In the third chapter [1. P. 56—75], the author compares two lists of films: pictures produced or distributed by “hegemonic” media corporations and those produced by non-hegemonic media companies. The criteria of distributing films into two groups are the era of production, the production/distribution company, box-office sales, domestic audience percentage, and the gross theater release. As a result of his comparative analysis, the author arrives at conclusion that “hegemonic” films are less subject to criticism and distributed more frequently in theaters. Also he finds that “hegemonic” films promote American exceptionalism and provide justification for US wars. At the end of the chapter, the author examines the cultivation theory to support his argument. According to this theory, the amount of time viewers spend watching television and films directly affects their eagerness to believe in the social reality as portrayed by TV.

The fourth chapter [1. P. 76—97] examines the propaganda model suggested by Matthew Alford, who uses his theory to analyze selected Hollywood motion pictures. To account for the ideological output of mainstream Hollywood, Alford applies five filters: concentrated ownership, product placement, sourcing, elite superiority, and a dominant ideology of ‘us’ versus ‘them’. The author considers the propaganda model a solid attempt at explaining how the media function in the US; however, the model is becoming outdated, as the popularity of internet as a major information source grows. Nevertheless, the author stresses that social media are the main alternative source of news, and the latter is also controlled by a number of corporations that have their own agenda and purposes and, hence, can be considered hegemonic as well.

In the fifth chapter [1. P. 98—115], the author reviews the theory of inverted authoritarianism, which explains how fear coming from an external threat, social legitimacy and social traditions can be used to manipulate public opinion. Also, the author explains the concept of political imaginary in media, which, in its turn, has two sub-concepts: constitutional imaginary and power imaginary. The first constituent symbolizes sovereignty and law, whereas the second sub-category represents the contrary. The author argues that, in many films, media displays the superiority of power imaginary over the constitutional imaginary, and he gives numerous examples to support his assertion. Finally, after assessing this theory, the author calls it realistic in the way it explains how US foreign policy and media are interrelated; however, the author notes that this theory does not provide any adequate commentary on how the public receives propaganda from the media and whether or not the viewers accept the message.

In the next chapter [1. P. 116—133], the author focuses on the encoding/decoding model. This model asserts that not all messages transmitted by the media are accepted by the audience. Therefore, the elite have to adapt their message so that it would meet the social standards of the population. The author emphasizes that films are created in correspondence with the accepted values and norms of the society, and he gives numerous examples to validate his idea.

In the final chapter [1. P. 134—156], the author provides a recap of his findings. The author concludes that the three theories are correlated and have a similar concept, and argues that none of the three theories provides an adequate rationale for American media hegemony; instead, they merely demonstrate how hegemonic media works in favor of the elite’s interests.

Overall, “Comparative Analysis of Media Hegemony” is a rather interesting read. It looks at the US foreign policy from a new perspective, which intertwines ideology and political economy. The author makes a strong argument and provides well documented evidence to support it. As for the references used in the research, the author studies an extensive variety of primary and secondary sources, including interviews, articles, journals, films and documents provided by the Department of State, Central Intelligence Agency, and National Security Council.

Generally, the book is of certain significance for international relations studies, as it provides an insight into media-politics interconnection. The author makes a significant effort to present a comprehensive analysis of the media hegemony roots from the World War II, to the Cold War, and War on Terror. Therefore, we recommend this book to anyone who is seeking to learn more about U.S. media and its hegemonic tendencies.

REFERENCES

- [1] Kilani A. *Comparative Analysis of Media Hegemony: Propaganda and Manufacturing Consent in U.S. Media*. Columbia: SC; 2018. 166 p.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-630-633

ПРОИЗВОДСТВО СОГЛАСИЯ... ИЛИ ГЕГЕМОНИИ?

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: *Kilani A. Comparative Analysis of Media Hegemony: Propaganda and Manufacturing Consent in U.S. Media*. Columbia: SC, 2018. 166 p.

В.Г. Иванов

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Е.В. Ефанова

Волгоградский государственный университет
Университетский просп., 100, Волгоград, Россия, 400062

Вышедшая в этом году монография молодого ливанского политолога Ахмада Килани «Сравнительный анализ медиа-гегемонии: пропаганда и „производство согласия“ в американских масс-медиа» представляет как научный, так и практический интерес для политологов, политических аналитиков, журналистов. В книге представлен авторский сравнительный анализ теоретико-концептуальных подходов к исследованию и обоснованию медиа гегемонии США. На основе анализа как широкого спектра исследовательских теорий и подходов, так и значительного количества исторических и современных кейсов автор пришел к актуальным выводам, представляющим интерес для широкого круга читателей.

Ключевые слова: информация, гегемония, СМИ, пропаганда, производство согласия

Сведения об авторах:

Иванов Владимир Геннадьевич — доктор политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-3650-5460) (e-mail: ivanov_vg@pfur.ru).

Ефанова Елена Владимировна — кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета (ORCID ID: 0000-0003-2019-1273) (e-mail: efanova@volsu.ru).

Information about the authors:

Ivanov Vladimir Gennadievich — PhD, Doctor of Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-3650-5460) (e-mail: ivanov_vg@pfur.ru).

Efanova Elena Vladimirovna — PhD, Associate Professor of the Department of International Relations, Political Science and Area Studies, Volgograd State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-2019-1273) (e-mail: efanova@volsu.ru).

Статья поступила в редакцию 15.09.2018.

Received 15.09.2018.

© Иванов В.Г., Ефанова Е.В., 2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-634-636

EVIDENCE FOR HOPE: MAKING HUMAN RIGHTS WORK IN THE 21ST CENTURY

BOOK REVIEW: Sikkink K. *Evidence for Hope Making Human Rights Work in the 21st Century*. Princeton: Princeton University Press; 2017. 336 p.

S. Gupta

Delhi Metropolitan Education
Guru Gobind Singh Indraprastha University
B-12, Sector-62, Noida, Uttar Pradesh, 201301, New Delhi, India

Abstract. Evidence for Hope written by Kathryn Sikkink, published by Princeton University Press, emphasizes that there is no need for human rights activists to be pessimistic. What they need to do, however, is to maintain positive fervor, hold on tightly to the human rights flags and follow through with their agenda. In her book, Sikkink offers a ‘futuristic prescription’ for upholding human rights and democratic principles of liberty and equality.

Key words: human rights, Kathryn Sikkink, activism, legitimacy

The modern world is a ticking time bomb: journalists are being murdered and expelled, human rights activists detained, people all over the world are faced with violent oppression. Add to this Myanmar’s Rohingya Muslim genocide, Israel and Palestinian conflict, human rights abuse in Nicaragua, war crimes in Yemen, and you will see why modern democracy is about to explode. In this pessimistic scenario, we need more books like *Evidence for Hope* by Kathryn Sikkink [1].

Sikkink’s name in human rights movement requires no introduction. Her book *Evidence for Hope: Making Human Rights Work in the 21st Century* published by Princeton University Press, is an attempt to explain that we have no reason to give in to depths of despair. What we need to do instead is to maintain positive fervor, hold on tightly to the human rights flags and carry on with our agenda. In her book, Sikkink offers a ‘futuristic prescription’ for supporting democracy and principles of liberty and equality.

The author presents her message through very well structured, logical narration. The book consists of four parts and addresses two main reasons of pessimism among human rights activists: attacks on human rights movement’s *legitimacy*, on the one hand, and *effectiveness* of human rights laws and institutions, on the other. In her book, Sikkink mentions four types of actors who articulate their critiques: firstly, governments that do not want to be held responsible for human rights violation; secondly, general public who believes that human rights activists are ineffective; thirdly, academics who criticize human rights laws and institutions; and fourthly, human rights activists themselves who worry about the lack of perceivable progress. The author believes that criticism does not

contribute to the development of human rights and she reiterates that one must accept the current disorder and chaos of human rights practices and institutions because, compared to the state of affairs before, significant progress has been made.

Part I (Chapter 1 and 2) of the book consists of the introduction and overview, where the author shares her mother's experience in fighting for civil rights. In her young years, there were only three careers Sikkink's mother could aspire to: a nurse, a secretary or a teacher. However, the author's mother gave her children the liberty to become whatever they wanted to be. Sikkink mentions that she owes a debt to the feminist movement for opening space for women in academia.

Part II (Chapter 3 & 4) of the book delves into the question of legitimacy of human rights, studies the diverse origin of human rights movement and its struggle during the Cold War times. In Part III (Chapter 5 and 6), the author presents her assessment of human rights progress based on a comprehensive analysis of human rights data. Sikkink acknowledges that there are some human rights issues that have experienced worsening over a period of time, such as the Rohingya genocide. On the other hand, there have been many instances where the situation is improving, including a declining use of the death penalty and improvements in equality for women.

Part IV (Chapter 7: Conclusion) looks into the development of the human rights movement in the 21st century. Later in the book, the author also talks about ethics in the field of human rights. Sikkink has been influenced by some ideas of philosopher Albert Hirschman and believes that "human rights provide a morally defensible starting place for talking about progressive change in the world".

An optimist, the author argues that in spite of a great number of challenges that the human rights movement has encountered, there is room for hope. Generally human rights activists tend to become pessimistic when their efforts do not bring about any tangible changes. However, the author calls for hope and patience, mentioning that she had witnessed drastic changes and significant progress of the human rights movement in her lifetime and is hoping to see more of those changes in the future.

Sikkink's book is a remarkable contribution to the development of human rights movement. She asks for the critics to reassess the way they evaluate effectiveness of human rights activists. While it is human nature to see the faults rather than accomplishments, and while there has been evidence that some conditions have worsened in regards to human rights, there have also been significant improvements, and the positive impact of the human rights movement is undeniable.

The author writes: "My purpose is not to cheerlead for the human rights movement, but rather to provide it with the best advice about what works and what doesn't and to explain how and why change takes so long".

Sikkink's book is a promise to all those who have become disheartened and lost their faith in the human rights movement. Sikkink provides a response to all doubters and pessimists, giving them reason to hope and encouraging them to set to work with renewed vigor. She sends out a powerful message, providing enough 'evidence for hope' and pointing out a new path, which will be our inspiration and motivation.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-634-636

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА НАДЕЖДЫ: РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В XXI ВЕКЕ

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: Sikkink K. Evidence for Hope Making
Human Rights Work in the 21st Century. Princeton:
Princeton University Press, 2017. 336 p.**

С. Гупта

Образовательный центр Дели Метрополитен
Университет гуру Гобинда Сингха Индрапрастха
В-12, Сектор-62, Ноида, Уттар Прадеш, 201301, Нью Дели, Индия

Монография Кэтрин Сиккинк «Доказательства надежды: реализация прав человека в XXI веке», опубликованная в 2017 году издательством Princeton University Press стремится преодолеть пессимистичные настроения многих современных правозащитников. В своей книге К. Сиккинк предлагает «футуристическую» стратегию защиты прав человека и демократических принципов свободы и равенства, и показывает, что эффективность правозащитных движений оказывается намного выше, чем кажется многим критикам и нуждается в переоценке. Однако автор подчеркивает, что правозащитным движениям и активистам сегодня необходимо сохранять оптимистичный настрой, неуклонно придерживаться принципов прав человека и максимально реализовывать свою повестку.

Ключевые слова: права человека, Кэтрин Сиккинк, активизм, легитимность

REFERENCES

- [1] Sikkink K. *Evidence for Hope Making Human Rights Work in the 21st Century*. Princeton: Princeton University Press; 2017. 336 p.

Сведения об авторе:

Smita Gupta — кандидат политических наук, доцент Образовательного центра Дели Метрополитен, аффилированного с Университетом гуру Гобинда Сингха Индрапрастха (Индия) (ORCID ID: 0000-0002-3624-3675) (e-mail: s.gupta@dme.ac.in).

Information about the author:

Smita Gupta — PhD, Associate Professor (Political Science), Delhi Metropolitan Education, affiliated to Guru Gobind Singh Indraprastha University (India) (ORCID ID: 0000-0002-3624-3675) (e-mail: s.gupta@dme.ac.in).

Статья поступила в редакцию 10.09.2018.
Received 10.09.2018.

© Гупта С., 2018.